ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Джон Патрик Бальфур

MEMORIALIS

ШЕСТЬ СТОЛЕТИЙ

ОТ ВОЗВЫШЕНИЯ

ДО УПАДКА

XIV–XX ВВ.

Джон Патрик Бальфур

Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв.

«Центрполиграф»

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

Бальфур Д.

Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. / Д. Бальфур — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5262-6

Известный английский писатель-историк Джон Патрик Бальфур на страницах своей книги воссоздает историю Османской империи от основания на рубеже XIII–XIV вв. до распада в 1923 г. Авторитетный востоковед, известный в научном сообществе как лорд Кинросс, прослеживает становление цивилизации воинственных кочевников и стремительное возвышение государства Османов до величайшей империи в мировой истории, которая простиралась от Дуная до Нила и от Алжира до Каспия, где процветали искусства, развивались науки и ремесла, не угасала философская мысль и процветало богословие. Живо и ярко автор рассказывает о повседневной жизни турок-османов, создает точные правдоподобные портреты султанов, их жен и наследников, позволяет заглянуть за узорчатые врата гарема. Особое внимание историк уделяет противостоянию Блистательной Порты с империей Габсбургов и Россией, которое, наряду с освободительным движением на Балканах и ошибками во внутренней политике, стало причиной распада Османской империи и провозглашения Турецкой республики.

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5262-6

© Бальфур Д.
© Центрполиграф

Содержание

Пролог 7
Часть первая. Рассвет империи 11
Глава 1 11
Глава 2 19
Глава 3 25
Глава 4 36
Глава 5 43
Часть вторая. Новая Византия 49
Глава 6 49
Глава 7 56
Глава 8 64
Глава 9 71
Глава 10 81
Часть третья. Зенит империи 92
Глава 11 92
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Джон Патрик Бальфур
Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV-XX вв.

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

Пролог

Вдоль бескрайних евразийских степей, от границ Китая на запад через Туркестан и дальше, на протяжении многих веков катились волны кочевых народов. Пастушеские, скотоводческие общины, живущие в шатрах, наездники и погонщики верблюдов, занимающиеся разведением и откормом отар и стад, в свою очередь предназначенных кормить и одевать их, они перемещались от пастбища к пастбищу в зависимости от времени года, периодически продвигаясь все дальше в поисках лучших земель или же стремясь уйти от теснивших их сзади других кочевников. Иногда они обменивали свои продукты животноводства на продукты городских жителей и земледельцев, реже переходили к оседлому образу жизни в орошаемых оазисах. Эти степные кочевники, вынужденные, ради поддержания скотоводческой экономики, круглый год воевать с силами природы, объединившись в племенные союзы, развили свои особые навыки, ремесла, общественные институты и обычаи.

Среди них широкое распространение получил активный народ, ставший известным под именем турок. Для китайцев и других соседей они были ту-кюэ, или дюр-кё, воинственное племя, взявшее свое имя (так утверждают) от названия холма, расположенного в местах их обитания и своими очертаниями напоминавшего шлем. Отождествляемые на ранней стадии с гуннами, турки близки по происхождению к монголам и к народам, которые позже стали известны как финны и венгры.

В VI веке они поработили другой родственный им народ, чтобы установить свое господство над территорией, ставшей известной как Монголия. Оттуда они распространились по обширному участку степи в северном, южном и западном направлении и основали империю кочевников – крупнейшую из всех доселе известных. Теряя единство по мере расселения, они тем не менее сохранили отчетливые расовые и языковые признаки. Их чувство общности было настолько сильным, что в своем языческом поклонении земле, воздуху, огню и воде они считали силы природы тоже турецкими. Миновав стадию примитивного пастушеского варварства, турки создали в рамках патриархального кланового общества свою собственную цивилизацию с правителями. И она была чем-то большим, чем просто старейшины племен и вассальные племена под их властью.

В начале VIII века племена, которые ушли на запад, – их называли огузами, и вел их легендарный Серый Волк, а предводителями были в основном вожди из клана Сельджуков, – достигли Самарканда, что в Трансоксиане, чтобы установить свое господство над западной частью Центральной Азии. Одновременно другая расселявшаяся народность – арабы из Исламского халифата – двинулись из Аравии на север и восток, чтобы покорить империю персов. Сила турок уступила им. Но торговые и культурные связи между двумя народами сохранились. Взаимовыгодная торговля велась вдоль караванных путей дополняющими друг друга продуктами растениеводства и животноводства. А начиная с IX века турки стали отказываться от своих языческих верований и принимать ислам.

Арабы быстро разглядели боевой дух этого тюркского народа. Помимо таких моральных качеств, как стойкость, самодисциплина и прозорливость, кочевой образ жизни воспитал в них боевой дух, привычку к мобильности, умение ездить верхом и потрясающее обращение с луком при верховой езде. И армии халифата Аббасидов начали нанимать турок в свои ряды, причем те, кто обратились в мусульманство и получили статус старших рабов, могли рассчитывать на повышение по службе. И к концу IX века большинство военных должностей, а также многие политические посты в Арабской империи оказались занятыми турками-мусульманами. По мере упадка Арабской империи в XI веке династия турок-сельджуков заполнила вакуум своей собственной империей, исламским государством, опиравшимся на традиции халифата Аббасидов и вобравшим в себя другие тюрко-мусульманские

образования. Сделав лук и стрелу символом власти, сельджуки распространили свое господство на Персию, Месопотамию и Сирию. Так народ кочевников-степняков перешел к жизни в статичном окружении.

В отличие от других известных в истории кочевых народов – гуннов, монголов, эфемерных аваров – турки-сельджуки оказались достаточно устойчивыми и продуктивными, чтобы достойно ответить на вызовы оседлой жизни. Приспосабливая свои собственные традиции и институты к требованиям оседлой цивилизации, они проявили себя как строители империи, обладавшие конструктивным чувством государственности, внеся весьма позитивный вклад в историю, пока старый мусульманский мир перестраивался для новой фазы социального и экономического, религиозного и интеллектуального движения вперед. Пастухи и воины степей стали городскими жителями – администраторами, купцами, производителями, ремесленниками, держателями земли и пахарями, строителями дорог, караван-сараев, мечетей, школ и больниц. Теперь они развивали и поощряли ученость – философию и науки, литературу и искусство, в чем им показывали пример персы и арабы до них. Тем не менее вне оседлой, централизованной жизни Сельджукского государства сохранялось значительное и, по существу, автономное население турок, которое по-прежнему вело кочевой образ жизни. Объединяясь в союзы с другими скотоводческими племенами, многие из которых оставались язычниками, они составляли особенно воинственные группы, которые первоначально были оплотом вооруженных сил сельджуков. Теперь они разоряли заселенные провинции и беспокоили центральное правительство своими неконтролируемыми хищническими действиями. Образуя, по сути, общество обособленное от государства, со своей собственной культурой и диссидентскими взглядами, они стали называться обобщенно туркмены (туркоманы), хотя, если говорить строго, это определение применимо только к их мусульманским элементам.

Доминирующими среди этих людей были гази, святые «воины веры», являвшиеся продуктом более раннего народного движения. Набиравшиеся из разношерстной толпы добровольцев, зачастую бродяг, беглых, недовольных и безработных, ищущих средства к существованию, они имели своей задачей борьбу с «неверными», а главным их побудительным мотивом был грабеж. Они традиционно сражались, как воины пограничных территорий, совершая набеги за пределы мусульманского мира. В XI веке они стали действовать на западе, на подвижных границах между империями сельджуков и Византии, в Малой Азии. Здесь им противостояли группы греческих воинов-акритов – жителей пограничных местностей, также занимавшихся набегами и столь похожих на турок в своих традициях ведения войны и изоляции от любой центральной власти, что их зачастую нельзя было рассматривать иначе как братьев по оружию. Прочие многоликие туркменские элементы тоже двигались к границам в поисках новых пастбищ. Они присоединялись к гази в рейдах через границы именно в то время, когда защита Византии стала ослабевать.

В намерения сельджукских султанов, старавшихся завоевать лежащую на юге мусульманскую империю, не входило стремление к войне с христианской Византией, нейтралитет которой обеспечивал их сирийский фланг. Тем не менее они оказались втянутыми в нее, и это было свершившимся фактом, по большей части из-за объединения сил воинственных гази и мародерствующих туркмен. Правительство сельджуков было вынуждено считаться с этим и, где возможно, стремилось обратить в свою пользу. Султан сельджуков Тогрул таким образом повернул «святых воинов» от разграбления своих же мусульманских провинций в направлении последовательных кампаний против христианского государства Армении, диссидентской пограничной провинции Византии. Здесь их успех в сражениях дополнялся многочисленными набегами с постоянно нараставшей жестокостью; они проникали из Восточной в Центральную Анатолию и даже достигли берегов Эгейского моря.

За эти действия византийский император Роман IV Диоген чувствовал себя обязанным отомстить. В попытке восстановить контроль над Арменией он предпринял против турок поход с неоднородной армией, состоявшей в значительной мере из иностранных наемников. Результатом стало поражение императора в 1071 году и его пленение сельджукским султаном Алп Арсланом (Бесстрашным Львом) в исторической пограничной битве при Манцикерте. Это сражение навсегда осталось в памяти греков как «ужасный день», историческое столкновение между двумя империями и двумя верами. Оно раз и навсегда открыло туркам дорогу в Малую Азию.

Битва при Манцикерте имела серьезные последствия для будущего. Однако в настоящем она не повлекла за собой резкого изменения ситуации на завоеванных землях. Это была победа, к которой стремились и которую одержали воинственные мусульманские нерегулярные войска, а не регулярные армии государства сельджуков. Ее непосредственным реальным результатом стало распространение из восточной части Малой Азии на ее центральную часть смешанной приграничной цивилизации гази. Туркменские кочевники теперь уверенно двинулись на новые земли, не имея преграды в виде границы.

Их образ жизни и культура были схожими для завоевателей и порабощенных, включая анатолийцев и армян, которые не рассматривали турок как абсолютных чужаков. «В реальности исчез только византийский глянец, – пишет Пауль Виттек, – который позднее сменился исламским. Нижний слой сохранился». Да и само государство сельджуков, все еще нацеленное на мусульманский мир, не слишком торопилось довести до конца завоевание части Византии. После освобождения плененного императора сельджукские правители довольствовались формальной оккупацией захваченных районов под началом сельджукского принца по имени Сулейман. Тем временем, ближе к концу XI века, в Малую Азию был совершен Первый крестовый поход, обусловивший появление между мусульманами и христианами подвижной границы.

Только в середине XII века сельджуки отвернулись от старого мусульманского мира, чтобы построить в Малой Азии по мусульманскому образцу и на прочной основе упорядоченное княжество со своей собственной династической линией султанов, управлявших Центральной Анатолией из своей столицы в Конье. Их династия стала известна другим мусульманским державам как Румский султанат. По-арабски они были «Цезарями Рима», что предполагало наследование этого остатка «Римской» империи. Сами византийские христиане после битвы при Мириокефалоне, век спустя после Манцикерта, продолжали править в Западной Анатолии за согласованной границей, или «пограничной зоной», поддерживая мирные отношения с объединенным государством сельджуков. Так, сельджуки Рума, опираясь в исламском мире на престиж своего императорского происхождения от Великих Сельджуков Персии, развились в сильное, процветающее государство, достигшее своего зенита в первой половине XIII века.

Однако оно оказалось недолговечным. На него обрушилось новое и еще более взрывоопасное нашествие кочевников – родственных сельджукам монголов. Они хлынули в евразийские степи, как это некогда сделали сами турки, проникнув на севере в Россию, на востоке – в Китай, на западе – в Азию, со всех сторон охватывая мусульманский мир. Монгольское вторжение в начале века было предпринято Чингисханом и теперь продолжалось его преемниками. Турецкие кочевники бежали перед ними, пока новые орды туркмен и военные отряды не рассеялись по Малой Азии, создавая напряженную обстановку в государстве сельджуков Коньи. По пятам в свирепом натиске шли армии монголов. В 1243 году они разбили до тех пор считавшуюся непобедимой сельджукскую армию, хотя и усиленную вспомогательными частями византийцев и профессиональных наемников, у Кесе-Дага, между Сивасом и Эрзинджаном, и продолжали захватывать земли и города – чем больше, тем лучше. Весь ход истории Малой Азии был изменен за один день. Власти сельджуков Рума,

как и Великих Сельджуков Персии, больше не существовало. Султаны Коньи превратились в вассалов монгольского протектората, которым в то время правил Хулагу. Власть монголов как таковая, подобно власти других кочевых народов над оседлым обществом, оказалась эфемерной, продержавшись в Малой Азии на протяжении жизни всего одного поколения. Но власть, которая пришла им на смену, уже не была властью сельджуков.

В этот отрезок времени жизнь в большей части Малой Азии вновь вернулась к образу жизни старой пограничной цивилизации, независимой от любой центральной власти. Воины пограничных областей снова оказались на коне, совершая набеги и даже захватывая без помех города, расположенные вдоль пограничной зоны Византии. Вскоре они получили подкрепление не только от туркменских племен, как это бывало и раньше, но и от групп беженцев из бывшего Сельджукского государства и особенно от стороны «святых людей», шейхов и дервишей неортодоксального мусульманского вероисповедания, хлынувших в Малую Азию из Туркестана и Персии. Эти люди вновь зажгли энтузиазм к войне против «неверных». Теперь власть принадлежала гази. Используя преимущества, данные ослаблением обороны Византии, движимые, как и прежде, не только фанатизмом, но и потребностью в новых землях и военной добыче, не встречая существенного сопротивления даже со стороны своих «братьев-врагов» – акритов, оставшихся без поддержки со стороны расколотого и ненадежного греческого правительства, они хлынули, почти беспрепятственно, в Западную Малую Азию, большая часть провинций которой к 1300 году была Византией практически утрачена. Борясь за эти провинции между собой, вожди племен превратились в правителей примерно десяти заселенных гази княжеств. Одно из них – княжество Османа – волею судеб должно было вырасти в великую мировую державу, Османскую империю. Она заполнила пустоту, образовавшуюся в результате упадка и распада Византийской империи, и ей суждено было существовать, вместе с династией Османа, на протяжении более чем шести веков.

Часть первая. Рассвет империи

Глава 1

Легенды окружают раннюю историю Османской династии. Традиционно ее основателем считается вождь небольшого племени по имени Эртогрул, который, мигрируя с отрядом из четырех сотен всадников по Малой Азии, заметил битву двух неизвестных ему отрядов. Посоветовавшись со своими людьми, он решил поддержать проигрывавшую сторону, что изменило ход сражения и обеспечило ей победу. Это были войска сельджукского султана Ала-ед-Дина (Аладдина) из Коньи, которые сражались с монголами. Ала-ед-Дин вознаградил вождя Эртогрула земельным наделом вблизи города Эскишехира, где были земли для летнего и зимнего проживания в районе Сугута, к западу от Анатолийского плато. Впоследствии надел был увеличен в обмен на поддержку султана в другой битве – на этот раз против греков. Таким образом, легенда установила для османской линии законную связь с правящей династией, которая позже подтвердилась, когда султан даровал Осману, сыну Эртогрула, регалии суверенитета в виде барабана и стяга.

Легенды, характерные для династической мифологии в Средние века, и даже библейские хроники повествуют также о снах Эртогрула и его сына Османа. Согласно легенде, Осман однажды провел ночь в доме благочестивого мусульманина. Перед тем как Осман лег спать, хозяин дома принес в комнату книгу. Спросив, как называется эта книга, Осман получил ответ: «Это Коран, слово Божие, переданное миру Его Пророком Мухаммедом». Осман, судя по всему, начал читать книгу и продолжал стоя читать всю ночь. Он уснул ближе к утру, в час, согласно мусульманским верованиям, наиболее благоприятный для пророческих сновидений, и, действительно, во время сна ему явился ангел, который сказал: «Поскольку ты читал мое вечное слово с таким уважением, твои дети и дети твоих детей будут почитаться из поколения в поколение».

Следующий сон касался девушки – Малхатум, на которой Осман хотел жениться. Она была дочерью кади (мусульманского судьи) близлежащей деревни, шейха Эдебали, который два года отказывался дать свое согласие на брак. Вот Осману приснилось, что из груди шейха, лежавшего бок о бок с ним, вышла луна. Став полной, она опустилась в его грудь. Затем из его чресел выросло дерево, которое по мере роста стало накрывать весь мир сенью своих зеленых и красивых ветвей. Под деревом Осман узрел четыре горных хребта – Кавказ, Атлас, Тавр и Балканы. От его корней брали свое начало четыре реки – Тигр, Евфрат, Нил и Дунай. На полях зрел богатый урожай, горы покрывали густые леса. В долинах виднелись города, украшенные куполами, пирамидами, обелисками, колоннами и башнями, все увенчанные полумесяцем. С балконов звучали призывы к молитве, смешивающиеся с песнями соловьев и криками ярко окрашенных попугаев, сидящих на переплетенных, сладко пахнущих ветвях.

Листья на ветвях стали вытягиваться, превращаясь в лезвия мечей. Поднялся ветер, направляя их в сторону Константинополя, который, «располагаясь на стыке двух морей и двух континентов, представлялся бриллиантом, вставленным в оправу из двух сапфиров и двух изумрудов, и, таким образом, выглядел как драгоценный камень кольца господства, охватывавшего весь мир». Осман уже готов был надеть кольцо на палец, когда вдруг проснулся. Он поведал о сне Эдебали, тот истолковал его как божественный знак и сразу отдал дочь Осману, предсказав ему могущество и славу их потомству. Церемонию провел, согласно правилам истинной веры, святой дервиш, для которого Осман впоследствии построил монастырь, даровав ему богатые земли и деревни.

Первая из легенд предполагает, что Осман и его люди – османы – еще не были мусульманами, когда осели в районе Эскишехира. Первая волна турецкой иммиграции в Малую Азию, начиная с XI века и далее, состояла в основном из лиц, обращенных в ислам, при посредстве их предыдущей связи с мусульманским арабским миром. Но вторая волна, в XIII веке, состояла по большей части из язычников, и, судя по всему, именно к ней принадлежали Осман и его люди. Многие из них прибыли не как поселенцы, а как беженцы, которых вытесняли на запад языческие монгольские орды. Большая часть их осталась на восточных землях, возможно, чтобы вернуться домой, когда уйдут монголы. Но другие, более воинственные, продолжали двигаться вперед на земли сельджуков.

Среди них были османы, которые таким образом попали под защиту султана Ала-ед-Дина. Он предпочитал не включать их в качестве наемников в свои армии, а давать им земли в беспокойных пограничных регионах, где они могли поддерживать порядок или сражаться за свою новую собственность с византийскими греками. Представляется вероятным, что именно на этой стадии последователи Эртогрула и Османа обратились в ислам. Это обращение вдохновило османов, и без того наделенных кочевническими достоинствами и боевыми качествами туркменских воинов, добавив им новой военной доблести, чтобы отстаивать, как сообщество гази, мусульманское дело против неверных – христиан.

Люди, которые считали себя не просто турками – это название ассоциируется с обитателями Туркестана в целом, – а османами, последователями Османа, тем не менее в те дни обладали лишь немногими качествами, отличавшими их от турецких соседей. Их княжество было всего лишь одним из десяти княжеств-преемников, уцелевших от Сельджукской империи и монгольского протектората, и самым маленьким из них. Своей последующей имперской судьбой османы обязаны географической случайности: стратегически важному положению в северо-западном углу Малой Азии, непосредственно на азиатских границах Византийской империи в момент ее упадка, и, более того, возможности легко достичь моря и лежащих за ним земель Балканского полуострова.

Среди воинов пограничных областей османы доказали свою уникальность. Они оказались способными воплотить плоды своих военных завоеваний в эффективный политический механизм. Осман был администратором в той же мере, в какой был воином, да и ему очень помогала поддержка со стороны его тестя Эдебали, служившего vezir – визирем. Осман был мудрым, терпеливым правителем, которого люди искренне уважали и были готовы преданно служить ему не потому, что он был воином, и уж тем более не из-за некоего исламского полубожественного статуса, а за его спокойствие и притягательность как лидера своего народа. Осману, конечно, было присуще естественное чувство превосходства, но он никогда не стремился самоутвердиться с помощью власти, и потому его уважали не только равные ему по положению, но и те, кто превосходил его способностями, на поле боя или на совете. Осман не вызывал в своих людях чувства соперничества – только преданности, и был человеком, по выражению Г.А. Гиббонса, «достаточно великим, чтобы использовать знающих людей». Приверженцы служили ему добросовестно, сознательно помогали заложить для этого небольшого растущего княжества такие основы, которые гарантировали бы его дальнейшее продолжительное существование. Одновременно они возглавляли свои собственные армии и управляли завоеванными территориями, являясь беями с полуавтономным статусом, но всегда координировали свою деятельность и подчинялись распоряжениям своего вождя.

Проникшийся истинным духом религиозного энтузиазма, Осман сам привнес в свои владения простую веру и рвение ранних мусульман, которых воодушевлял его великий предшественник и тезка халиф Осман. В их традициях он ставил справедливость выше власти и богатства, в то же время управляя княжеством, как и его преемники, на основе неделимой, личной верховной власти. Таким образом, ранние османы были свободны от династи-

ческой вражды других сельджукских княжеств. Начиная жизнь заново в иной обстановке, они смогли проявить упорство, волю и терпимость; они приобрели практический, конструктивный опыт, чтобы приспособиться к социальным и экономическим условиям территории, которой правили.

Османы развили свои собственные возможности и привлекли ресурсы – интеллектуальные и теологические, производственные и торговые, имевшиеся в более урбанизированном окружении соседних княжеств, а с течением времени – из еще более отдаленных территорий. Они видели в этом пограничном регионе убежище от внутренних беспорядков и перспективу новой жизни и светлого будущего. Более всего другого они заимствовали административные и прочие знания греков, тщательно изучая их методы управления в этом последнем азиатском анклаве умиравшей Византийской империи. Ведь османы, в отличие от того образа исламского мира, каким он воспринимался за границей, начиная со времен первых арабских завоеваний обращались со своими врагами в духе свободном от религиозного фанатизма. Они жили больше в греческом, чем в турецком окружении. Владельцы соседствовавших с Османом деревень и замков были христианами, с которыми он часто поддерживал дружественные отношения. В числе его ближайших компаньонов были греческие семьи Михалоглы и Маркозоглы, сыновей Михаила и Маркоса, когда-то бывших врагов, а затем преданных друзей и сторонников Османа. В результате дружбы с ним они приняли мусульманскую веру.

На территории османов не было всеобщей исламизации христиан, менее всего – в принудительном порядке. Однако некоторые христиане становились мусульманами по собственному выбору, в ответ на собственные побуждения и преследуя собственные интересы. По мере разрушения центральной власти в Константинополе люди все больше чувствовали себя забытыми своими правителями и, действуя в духе реализма, предпочитали относительный порядок и безопасность османского правления наряду с большей свободой выбора для мусульман и освобождением от обременительных налогов. В духовном плане, с падением авторитета ортодоксальной церкви, эти азиатские греки откликнулись на стимулы новой веры. В социальном аспекте они не слишком отличались от своих пограничных соседей-османов происхождением и образом жизни. Обращенные или нет, они легко приспосабливались к жизни османов. Смешанные браки между греками и турками стали обычными, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества.

Вскоре стало очевидным, что османские турки больше не были простыми кочевниками, они стали оседлыми жителями, творцами и строителями. Со временем они менялись, оставаясь на своей территории – в гористом северо-западном углу Малой Азии, создавая собственную пограничную цивилизацию, основанную на разновидности народной культуры. Эта культура, состоящая из элементов азиатского и европейского происхождения, мусульманства и христианства, турок и тюрок, кочевников и оседлых жителей, была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничений феодальных турецких княжеств, лежавших к востоку. Так возник прототип общества, призванного унаследовать и трансформировать Византию. Именно так империя турок-сельджуков заполнила вакуум, оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму.

Сам Осман не торопился расширять унаследованное им владение за счет соседей. Медленно, но верно осуществляемый, его план заключался в том, чтобы ждать и наблюдать, жить и учиться и лишь постепенно прокладывать свой путь на территорию Византии. Три укрепленных города господствовали на уцелевших землях Византии в Азии. На юге располагалась Бурса, властвовавшая над богатой Вифинской равниной со склонов горы Олимп; в центре, в верхней части озера находилась Никея, фактическая столица региона; на севере, в верхней точке протяженного залива, стоял порт Никомедия, контролировавший морской путь в

Константинополь и сухопутный путь к Черному морю. Все они были в пределах дневного перехода от столицы Османа. Но сначала он не напал ни на один из них. За шестьдесят лет спорадических крестьянских волнений, начиная со времени правления Эртогрула, османы продвинулись всего лишь на 60 миль от города Эскишехира – «старого города» до «нового города» – Енишехира. Его захват блокировал сообщение между Никеей и Бурсой.

Однако Осман, зная о прочности крепостных укреплений в этом столь жизненно важном для Константинополя районе и об относительной слабости собственной армии, продолжал ждать своего часа. Тем временем численность его войска постепенно увеличивалась, пока из отряда в четыреста воинов при Эртогруле оно не выросло, по слухам, до четырех тысяч человек всадников и легкой пехоты. Источником пополнения его рядов были искавшие заработка воины из соседних княжеств и даже сами акриты, греческие крестьяне-воины из приграничных земель Малой Азии, часть которых была склонна изменить своим убеждениям из-за пренебрежения, изъятия доходов и притеснений Константинополя.

Только в первый год XIV столетия, через двенадцать лет после своего прихода к власти, Осман вступил в прямой конфликт с императорскими войсками Византии под Коюнхисаром (греческим Бафеоном). Греки, стремившиеся остановить османский набег на расположенную перед Никомедией плодородную долину, были легко разбиты быстрой и решительной кавалерийской атакой, сломившей их боевые порядки. Это поражение императорских войск, нанесенное малоизвестным тюркским вождем, встревожило Византию, которой пришлось теперь рассматривать княжество Османа как фактор, с которым необходимо считаться. Поражение Византии принесло Осману известность, и воины со всей Анатолии начали собираться под его знамена, гордые тем, что станут османами. Теперь его княжество прочно стояло на ногах.

Однако Осман не предпринял попытки развить свой успех, напав на Никомедию, и его войска ограничились разорением окрестностей города. Только через семь лет он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать крепости Акхисара, господствовавшие над рекой Сакарья (греческий Сангариус), стекавшей в долину за Никомедией. Он захватил их, открыв османам путь к морю. Османы впервые появились на берегах Босфора и стали постепенно покорять гавани и крепости на прибрежной черноморской полосе полуострова к востоку от пролива и в конце концов проникли в Мраморное море, захватив остров Калолимини. Так Осман блокировал морской путь из Бурсы и еще один – из Никомедии в Константинополь, изолировав два города друг от друга. После этого Бурса неоднократно подвергалась нападению со стороны суши и в 1326 году пала, когда Осман уже лежал при смерти.

После семилетней осады, во время которой все пригороды попали в руки врага, греческий гарнизон был настолько деморализован отсутствием какой-либо поддержки со стороны Константинополя – который был занят династической борьбой между враждующими императорами, – что командующий гарнизоном Эвренос, при поддержке других влиятельных греков, сдал город и принял мусульманскую веру. Здесь, на плодородных склонах горы Олимп, османы основали свою первую в истории империи столицу и постепенно превращали ее, наряду с украшением нетленными шедеврами архитектуры, в цивилизованный центр науки и искусства. В дальнейшем, после утверждения династии в Европе, Бурса перестала быть столицей, но навсегда осталась священным городом Османской империи. Но – и это важнее всего – Бурса с ее школами теологии, исламского права и традиций развилась в важнейший центр просвещения, то есть в центр улемы – мусульманского религиозного истеблишмента. Дополняя независимый и часто неортодоксальный воинский дух гази, улема олицетворяла традиционные принципы старого ислама и на протяжении веков оказывала преобладающее влияние, направляющее или ограничивающее, на Османское государство.

Осман был похоронен здесь, в Бурсе, на склоне горы, в усыпальнице, обращенной через море в сторону Константинополя. Вкупе с могилами его наследников она стала цен-

тром паломничества мусульман. Эпитафия на его могиле была облечена в форму молитвы, которую на протяжении веков, опоясавшись обоюдоострым мечом Османа, должны были произносить все вступавшие на османский трон наследники: «Будь столь же добродетелен, как Осман!» Он действительно был добродетельным человеком, в духе традиций раннего мусульманства, наставлявшим, находясь на смертном одре, своего сына: «Поощрять справедливость и тем самым украшать землю. Порадуй мою отлетающую душу блистательной чередой побед… Своими руками распространяй религию… Возводи ученость в достоинство, чтобы был утвержден Божественный закон».

Историческая роль Османа – это роль вождя племени, сплотившего вокруг себя народ. Его сын Орхан создал для народа государство, его внук Мурад I превратил государство в империю. Их достижения как политиков были по достоинству оценены одним османским поэтом XIX века, сказавшим: «Мы из племени вырастили державу, подчинявшую себе мир».

Созданием своего государства и, позднее, империи османы были во многом обязаны традициям и социальным институтам гази, тем бойцам за веру, которым они были искренне преданы. Традиции гази уходили своими корнями в жизнь общины, основанную на этических принципах, с корпорациями, или братствами, подчинявшимися своду исламских правил добродетельного поведения. Исходя в первую очередь из религиозных целей, эти правила включали в себя абстрактные концепции с сильным акцентом неортодоксального мистицизма, в итоге принимая конкретные и практические формы. В городах мусульмане приспосабливались к тому, чтобы охватить учением цеха купцов и ремесленников. В пограничных местностях и деревнях они становились боевыми братствами, подобно ахи, или братьями по оружию, которые были движимы воинственным и почти фанатичным энтузиазмом в отношении как религии, так и войны. Эти братства, рыцарские по духу, напоминали известные рыцарские ордена Запада, налагая друг на друга и принимая на себя взаимные обязательства во время встреч в местах, напоминавших те, где собирались мистические братства ислама в прежние времена.

Путешественник XIV века Ибн Баттута писал об этих братствах: «Нигде в мире нельзя встретить кого-либо, сравнимого с ними в их внимательности, заботливости в отношении незнакомцев, в их пылкой готовности покормить вас и исполнить ваши желания, отвести руку тирана, убить агентов полиции и тех негодяев, которые якшаются с ними. Ахи, на их местном языке, – это тот, кого собравшиеся вместе товарищи по роду занятий вместе с другими неженатыми мужчинами и теми, кто дал обет безбрачия, выбирают своим руководителем».

По приглашению сапожника в ветхих одеждах и с войлочной шапочкой на голове Ибн Баттута посетил приют, который он, как шейх ахи, и «примерно две сотни мужчин разного рода занятий» построили для того, чтобы принимать путешественников и других гостей, расходуя при этом на общую цель все, что они зарабатывали в течение дня. Это было «изящное здание, украшенное прекрасными румскими ковриками, с большим количеством светильников из иракского стекла. …Стоя рядами, в зале находилась группа молодых людей в длинных мантиях и обуви. …Их головы были прикрыты белыми шерстяными шапочками с прикрепленными к ним кусками материи длиною в локоть. …Когда мы заняли свои места среди них, они внесли большой торжественный обед с фруктами и сладостями, после которого они начали петь и танцевать. Все в них наполнило нас восхищением, и мы были поражены их щедростью и врожденным благородством».

В Бурсе Ибн Баттута был принят султаном Орханом, «который является величайшим правителем среди всех правителей турок и самым богатым по размерам сокровищ, земель и вооруженных сил. Одних крепостей у него около ста, и большую часть времени он снова и

снова объезжает их… Говорят, что он никогда не останавливался ни в одном городе хотя бы на месяц. Он также непрерывно сражается с неверными и держит их в осаде».

Орхан был младшим из двоих сыновей Османа, но именно его Осман назвал своим преемником, учитывая его недюжинные военные способности. По контрасту, его старший сын Ала-ед-Дин был человеком с жилкой ученого, увлекавшимся законом и религией. Легенда гласит, что он отказался от предложения своего младшего брата разделить наследство, по поводу чего Орхан заметил: «Поскольку, мой брат, ты не берешь стада и отары, я предлагаю тебе быть пастухом моего народа. Будь моим визирем». В этой должности тот, вплоть до своей смерти семь лет спустя, занимался управлением государством, организацией армии и разработкой нового законодательства.

Орхан, избравший своей столицей Бурсу, получил титулы «Султан, сын Султана Гази, Гази сын Гази, маркиз героев мира». Здесь он впервые отчеканил османскую серебряную монету, заменившую деньги сельджуков, с надписью: «Да продлит Бог дни империи Орхана, сына Османа». Задачей Орхана было завершить дело отца: объединить в государство смешанное население, которое Осман собрал вокруг себя; закруглить его завоевания и расширить его господство; сплотить воедино всех жителей и тем самым сделать из государства новый центр могущества османов. Более привлекательный внешне, обладающий более цивилизованными манерами, более величественный в своей стати, чем отец, Орхан был столь же прост в своих вкусах, как и благочестив по нраву. По характеру он не был ни фанатиком, ни вероломным или жестоким человеком. Обладая более широким, чем Осман, кругозором и будучи более энергичным в действиях, будь то война или государственное строительство, Орхан добивался целей благодаря своей неистощимой энергии, абсолютной целеустремленности и, главное, редкой способности и к тонкостям управления, и к искусству дипломатии.

Прежде всего предстояло захватить два города – Никею и Никомедию, которые находились за высокими оборонительными стенами и являли собой крепости, которые трудно было взять штурмом. Бурса пала из-за отсутствия поддержки со стороны Константинополя. Когда же Орхан обратил свое внимание на Никею – веком раньше, в период латинской оккупации Константинополя, бывшей столицей империи, – император Андроник III счел своим долгом прийти городу на помощь. Но, раненный в битве с османами при Пелеканоне (нынешний Маньяс) в 1329 году, он поспешно бежал с поля боя обратно в Константинополь, бросив большую часть своей армии, остатки которой бежали вслед за ним. Гарнизон Никеи был вынужден сдаться. То же самое сделал и гарнизон Никомедии восемь лет спустя.

Все три города пали главным образом по экономическим причинам. Чтобы процветать, они нуждались в доступе к окружающей сельской местности. Когда она оказалась в руках османов – не простых налетчиков, а оседлых жителей, – а значит, была оккупированной постоянно, что не оспаривалось Константинополем, брошенные на произвол судьбы горожане не имели особого выбора, кроме как доверить свою судьбу врагу. Немногие из них воспользовались возможностью уехать в Константинополь, в соответствии с согласованными условиями капитуляции. Они предпочли остаться там, где жили, продолжая заниматься своими делами – торговлей и ремеслами, играя свою роль в новом мире, складывавшемся теперь вокруг них вместо старого. К концу правления Орхана население его государства увеличилось, как утверждалось, почти до полумиллиона душ – поразительное отличие от легендарных четырех сотен всадников Эртогрула.

При всей терпимости в отношении христиан по своей сути это было мусульманское государство, проверка на национальность в котором сводилась к религии. Даже с учетом мирного сосуществования различие между мусульманами и христианами должно было сохраняться. В самой своей основе оно проявлялось в вопросе о земле и ее распределении. Только мусульмане были обязаны нести воинскую службу, и в силу этого только они

имели право владения землей. Земля распределялась в качестве награды за службу и обеспечивала источник набора в армию в форме военных наделов, освобождаемых от налогообложения. Христиане были освобождены от военной службы и, следовательно, не имели подобных прав на землю. Вместо этого они платили налог с каждой головы на поддержку армии. В сельских районах это давало им статус подчиненных по отношению к обладавшим землей мусульманам. Поэтому христиане стремились жить и работать в городах и поселках, где такого рода ущемления в гражданских правах уравновешивались экономическими преимуществами. Но, добровольно приняв ислам, христианин автоматически становился «османлы», и о его происхождении скоро забывали. Он получал освобождение от налогообложения, право иметь землю, возможности для продвижения и получения доли от доходов правящей мусульманской элиты. Отсюда рост числа обращенных в ислам в Азии на этом этапе османской истории.

Будучи феодальной по своей сути, османская система землевладения, основанная на военных наделах, существенно отличалась от феодальной системы Европы тем, что земельные участки были небольшими и, что особенно важно, редко становились наследственными. Ведь вся земля была собственностью государства. Поэтому на данной стадии во владениях османов не существовало условий для возникновения земельной знати, подобно той, которая преобладала по всей Европе. Султаны сохраняли за собой право на абсолютное владение землей, которую они завоевали. Более того, поскольку они продолжали завоевания, росло количество земельных участков, становившихся доступными в качестве награды для все большего числа солдат. В рамках этой системы Орхан, следуя совету, исходившему от его брата Ала-ед-Дина, организовал регулярную армию под командованием суверена, профессиональную военную силу, находившуюся на военном положении, подобной которой в Европе не могли создать на протяжении последующих двух веков.

Армия его отца, Османа, состояла только из нерегулярных тюркских отрядов, добровольцев-кавалеристов, называвшихся акынджи. Рекрутируемые по деревням под возгласы, призывающие прийти с оружием к определенной дате «каждого, кто хочет воевать», они были опытными наездниками, скакавшими сплошной массой, как стена. Орхан, набирая своих воинов среди обладателей военных наделов, преобразовал это войско в авангард кавалеристов-разведчиков, роль которых заключалась в том, чтобы изучить местность перед намечаемой атакой. Таким образом, они подвергались самой большой опасности, и их преданность гарантировалась самыми богатыми земельными наделами. В поддержку им давались проводники, так называемые чавуши, и регулярные корпуса кавалерии, сипахи, получавшие денежное содержание.

Орхан набирал также нерегулярную пехоту, именовавшуюся азабы – войско, которое можно было не щадить. Его место было на линии атаки, а задача – вызвать на себя первый залп противника. За ними противник, нередко к своему крайнему удивлению, наталкивался на более грозную вторую линию отборных, вымуштрованных войск. Набранные из войска, получавшего жалованье, солдаты – они назывались оджаки капы кулу – были вооруженной силой, хорошо обученной приемам совместного ведения боя под началом командиров, которых они знали и уважали. В отличие от преобладавших в то время наемников они были едины в своей преданности суверену, считая его дело своим собственным и целиком доверяя ему соблюдение своих интересов в смысле продвижения и других наград за службу. В принципе они постоянно находились «у двери султанского шатра», подчиняясь абсолютной власти правителя, служа ему лично, прямо или косвенно, под началом командира, которому поручено действовать от имени султана. Сила этих новых регулярных османских войск заключалась в абсолютной сплоченности и постоянной готовности к бою.

Османы всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и

где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути. Путешественник Бертран де Брокьер так отзывался об османских войсках: «Они могут внезапно трогаться с места, и сотня солдат-христиан произведет больше шума, чем десять тысяч османов. При первых ударах барабана они немедленно начинают маршировать, никогда не сбиваясь с шага, никогда не останавливаясь, пока не последует приказа. Легковооруженные, они способны за одну ночь проделать путь, на который у их христианских соперников уйдет три дня».

Таковы были военные таланты выносливого, упорного и дисциплинированного народа, веками вырабатывавшего в себе навыки кочевников к скорости и мобильности. Таковы были – также с точки зрения организации и тактики – принципы совершенного инструмента ведения войны, предназначенного, благодаря своей неуязвимости, превратить государство османов в империю. Это был народ, инстинктивно движимый унаследованным импульсом кочевников все время идти вперед по сознательно намеченному в западном направлении пути, в поиске новых пастбищ. После обращения в ислам этот поиск стал «святым делом» и еще сильнее подстегивался религиозным долгом гази, обязанных, согласно священному закону, разыскивать и бороться с неверными на «землях войны», или Дар-аль-Харб. Воины должны были совершать набеги и захватывать земли неверных, их имущество, убивать или брать в плен и подчинять иноверческие общины власти мусульман. Теперь этот поиск к тому же приводился в движение общественной и экономической потребностями в экспансии, обусловленной непрерывным притоком в приграничные местности новых поселенцев, будь то земляки-кочевники, мусульмане неортодоксальных взглядов или искатели приключений из княжеств Центральной Анатолии. Теперь, придя из степей Азии, эти турки должны были пойти на риск и пересечь незнакомую и негостеприимную стихию – море. И к середине XIV века армии ислама уже были готовы к отправке в Европу.

Глава 2

Вторжение турок в Европу не было внезапным, как нашествие монголов через Азию. Скорее это был процесс постепенного проникновения, роковое следствие ослабления и падения Византийской империи. Процессу была присуща раздробленность, теологическая, а значит и политическая, христианских держав – Запад против Востока, католики против приверженцев ортодоксальной церкви, римляне против греков. Кульминацией стало в начале XIII века вероломное нападение латинских рыцарей Четвертого крестового похода не на мусульман Святой земли, как это изначально планировалось, а на греков – христиан Константинополя. Захватив и разграбив город в 1204 году, они создали на большей части территории, оставшейся у Византии в Европе, Латинскую империю. Благодаря в первую очередь отсутствию единства между своими же собственными христианскими элементами, империя оказалась недолговечной, просуществовав немногим больше полувека, а греки в это время правили сохранившейся у них азиатской территорией из Никеи. В 1261 году они смогли отвоевать Константинополь.

Но удар, нанесенный их империи, все-таки оказался роковым. Византии оставалось существовать еще около двух веков, но только в качестве тени самой себе. Ее слава мирового центра могущества и цивилизации развеялась. Ей так и не удалось обрести былую силу и безопасность. Ее территория существенно уменьшилась. Болгария, Сербия, Македония были утрачены друг за другом. Константинополь был наполовину разрушен, лишен богатств, его население уменьшилось. Торговля с Востоком переместилась в другие места. То, что осталось от нее на западе, теперь было сосредоточено в руках венецианцев и генуэзцев. Религиозная вражда с папством и латинскими державами полыхала ярче, чем когда-либо. Она сопровождалась административным распадом, социальными волнениями и финансовой несостоятельностью.

В этот критический момент византийской истории, увы, не появилась великая династия правителей, способная объединить уцелевшие элементы империи и дать ей новую жизнь. Наоборот, за правлением первого императора из Палеологов после возвращения Константинополя последовало не возрождение – разве что за исключением искусства, – а длительный период упадка. Последствием неправедной войны между христианами и христианами стала внутренняя раздробленность императорского дома, и без того недружного, и династия втянулась в периодическую гражданскую войну, в которой сын воевал против отца, внук против деда, узурпатор против законного правителя. Такое отсутствие единства не могло не сыграть на руку туркам, единым в ведении священной войны. В такой обстановке у них едва ли была необходимость вторгаться в Европу. По сути, их туда пригласили.

Первоначально они выполняли здесь свою традиционную роль наемников, аналогичную той, которую сыграли в Арабской империи халифата Аббасидов тремя веками раньше. Первые наемники пришли из колонии туркмен, обосновавшихся в Добрудже, на западном побережье Черного моря, после восхождения на императорский трон первого из Палеологов, Михаила VIII, бежавшего от латинской оккупации и жившего в качестве изгнанника при дворе сельджуков. Эти туркмены пришли на помощь свергнутому с трона султану сельджуков Изз-ед-Дину, который, в свою очередь, нашел убежище в Константинополе. После угрожающей демонстрации против императора они добились освобождения султана из-под стражи и вместе с ним отправились в Крым. Но его сын и отряд его стражи остались в Константинополе, приняли христианство и составили костяк корпуса турецкой милиции, вскоре быстро разросшегося и обеспечившего желанное подкрепление императорской армии.

В начале XIV века византийский император Андроник II аналогичным образом призвал на помощь крупное войско наемников-христиан из Каталонской дружины под коман-

дованием не признававшего никаких законов солдата удачи Роже де Флора. Когда каталонцы вызвали в Константинополе беспорядки, он переправил их в Малую Азию. Здесь они успешно сражались против турок, но забирали себе всю военную добычу за счет греков, с которыми они в конце концов вступили в открытый конфликт, основав в Галлиполи европейскую штаб-квартиру и стремясь превратить ее в собственное государство. Когда Роже де Флор был опрометчиво убит в императорском дворце, каталонцы в ярости обрушились на греков и призвали своих прежних врагов – турок из Малой Азии – помочь им в борьбе против империи, которую они пришли защищать.

Таким образом, именно каталонцы были, в первую очередь, ответственны за появление турок в Европе, пригласив их сражаться против греков в качестве организованной силы. Когда каталонцы наконец ушли в Фессалию, они оставили позади себя, во Фракии и Македонии, большое войско турок, совершавших нападения на пути сообщения и сеявших общий беспорядок. Их лидер Халил договорился о выводе войска, в обмен на охранную грамоту для переправы через Босфор. Но когда греки в нарушение договоренности попытались лишить турок их трофеев, Халил вызвал подкрепление из Азии, разгромил греков и вынудил спасаться бегством юного императора Михаила IX, с презрительной насмешкой приняв головной убор императора. Император смог избавиться от турок, только призвав на помощь войска сербов.

Начиная с этого времени на протяжении всего XIV века острова и побережья европейской части Византии подвергались череде пиратских набегов турок из различных княжеств Малой Азии. Только вражда между ними предотвращала согласованное вторжение в то время, когда число турок, сражавшихся на стороне греков, примерно равнялось числу турок, сражавшихся против них. Среди них были татары с северных берегов Черного моря – люди с такими же расовыми корнями и культурными традициями, волнами набегавшие через юг России в Крым и дальше на запад, вплоть до Венгрии. Тем временем турецкие пираты из княжества Айдын в Малой Азии грабили население островов в Эгейском море, спровоцировав Крестовый поход папских войск, захвативших город Смирну.

Собственно османы не принимали в этих враждебных действиях никакого участия, проницательно рассчитав, что тем самым они только ослабят своих враждующих турецких соседей и соплеменников. Хотя к 1330 году османы фактически оккупировали берега Босфора, прямо напротив Константинополя, они оставались верны своей терпеливой, бдительной политике и не пересекали его воды в сторону Европы еще на протяжении семи лет.

Они сделали это по приглашению великого канцлера и узур патора Иоанна Кантакузина, способного и амбициозного лидера, провозгласившего себя императором в противовес законному наследнику, бывшему еще ребенком, Иоанну Палеологу. Кантакузин попросил турок поддержать его в последовавшей за этим гражданской войне. Теперь в обмен на военную помощь Кантакузин, который уже и раньше зондировал для этого почву, предложил в жены Орхану свою дочь Феодору. Предложение было немедленно принято. В 1345 году около шести тысяч османских воинов переправились в Европу. Здесь они помогли узурпатору отбить у Иоанна Палеолога прибрежные города Черного моря, опустошить Фракию, пригрозить Адрианополю (теперь Эдирне) и осадить Константинополь.

В следующем году свадьба византийской принцессы и султана османов была отпразднована на европейских берегах с соответствующей помпой и церемониями. Орхан, разбивший лагерь напротив, в Скутари, направил флот из тридцати турецких судов и эскорт кавалерии, чтобы увезти свою невесту из величественно украшенного коврами павильона, воздвигнутого в лагере императора в Селимбрии. Здесь, как пишет об этом «бесчестье пурпура» Гиббон, «Феодора взошла на трон, закрытый занавесками из шелка и золота; войска выстроились в боевом порядке, но один император был верхом на коне. По данному сигналу занавески мгновенно раздвинулись, и глазам зрителей предстала невеста или жертва, окру-

женная стоявшими на коленях евнухами и свадебными факелами; звуки флейт и барабанов возвестили о радостном событии, а мнимое счастье новобрачной сделалось темой для песнопений, написанных лучшими поэтами, какие были в то время. Феодора была отдана во власть своего варварского повелителя без соблюдения церковных обрядов, но было условлено, что, живя в Бурсе, в тамошнем гареме, она сохранит свою религию, а ее отец восхвалял смирение и благочестие, которые она выказала в этом затруднительном положении».

Она действительно смогла быть полезной своим собратьям по вере, посредством выкупа и освобождения многочисленных христианских рабов и пленников.

За этим матримониальным и военным союзом с османами последовал в 1347 году, при въезде Кантакузина в Константинополь, брак его другой дочери, Елены, с юным Иоанном Палеологом и их признание обеими сторонами в качестве императоров-соправителей. Так турки-османы основательно укоренились в Европе, но не как враги, а как союзники и родственники императоров Византии. Султан приходился одному из императоров зятем, другому императору – свояком, а также зятем царю соседней Болгарии.

Это не помешало Орхану подумывать об аналогичном союзе, который предлагал враждебный Византии Стефан Душан. Он уже расширил свое государство – Сербию – в «империю», присвоив себе титул «господина почти всей Римской империи» и был даже провозглашен венецианцами «императором Константинополя». Не сумев тем не менее заручиться поддержкой венецианцев в нападении на Константинополь, Стефан вместо этого стал искать поддержки Орхана, предложив соединение сербской и османской армий для совместной кампании против города. Чтобы закрепить союз, он предложил свою дочь в жены сыну Орхана. Орхан направил к Стефану послов, чтобы принять предложение. Однако этому плану помешал Кантакузин, который перехватил послов, убив одних, взяв под стражу других и присвоив себе предназначавшиеся сербскому «императору» дары. И ни Стефан, ни Орхан, чьи цели были слишком схожи, чтобы их можно было легко примирить, больше переговоров не возобновляли. В конечном счете Стефан в 1355 году попытался атаковать Константинополь в одиночку, силами восьмидесяти тысяч человек. Но он скончался на второй день похода, и его Сербская империя умерла вместе с ним.

Тем временем, в 1350 году, Кантакузин призвал себе на помощь еще одно двадцатитысячное войско османской кавалерии, чтобы обезопасить от Душана Салоники, выбив его войска из окружающих приморских городов Македонии. Салоники были спасены, хотя турки не заняли ни одного из этих городов, довольствуясь тем, что, с одобрения своего султана, вернулись в Малую Азию, нагруженные военными трофеями. Двумя годами позже Орхан оказал помощь генуэзцам в войне против их традиционного торгового соперника венецианцев и, по ходу войны, против самого Кантакузина. В 1352 году, когда венецианцы вместе с болгарами открыто выступили на стороне его соперника Иоанна Палеолога, Кантакузин вновь призвал двадцать тысяч турок, ограбив церкви Константинополя, чтобы оплатить их услуги, и обещая вознаградить Орхана крепостью во фракийском Херсонесе. Он таким образом выручил Адрианополь, обезопасил свое положение во Фракии и в большей части Македонии и провозгласил своего сына Матфея соправителем.

В 1353 году Сулейман-паша, сын Орхана, переправился через Геллеспонт с войском османов, чтобы вступить во владение крепостью, обещанной Орхану и носившей название Цимпе. Крепость находилась на полуострове между Галлиполи и Эгейским морем. Вскоре после его прибытия землетрясение разрушило часть стен Галлиполи. Сулейман быстро овладел и этой крепостью. После восстановления стен крепости он привез сюда из Азии первую группу османских поселенцев. После этого на землях беглых христианских хозяев, под началом мусульманских беев стали быстро появляться подобные колонии. Беи были братьями по оружию Орхана, считавшими его не столько своим господином, сколько объединяющей их силой и вдохновляющим примером. Их большие личные армии должны были обеспечить

прочные основы нового Османского государства в Европе. Тем временем местные жители-греки в разных провинциях искали убежища в крепостях и городах, где их оставили в покое в обмен на добровольное подчинение.

Так начиналась оккупация, продвигающаяся в западном направлении и распространявшая в Европу общество гази с открытыми границами, а также навязывающая землям Византии новый османский образ жизни. Позади быстро двигающегося авангарда, рыскавшего далеко вперед и по сторонам с целью блокирования дорог, уничтожения урожаев и создания обстановки общего экономического хаоса, главные силы османов основывали все новые поселения анатолийских турок вдоль важнейших направлений движения войск и по долинам четырех рек, ведущих к Дунаю. Но на первых порах армия не проникала в горные районы, где нашла прибежище большая часть местного населения. В этом неустойчивом балканском обществе оккупантам оказывалось лишь сравнительно слабое сопротивление. Братства дервишей основывали приюты, которые должны были служить ядром новых турецких деревень. Мусульманские беи на контролируемых ими землях устанавливали с крестьянами-христианами новые отношения, что сводилось к своего рода социальной революции. Они вытеснили класс наследственных землевладельцев, не важно, греческого или латинского происхождения, который до этого угнетал и эксплуатировал свое феодальное крестьянство. Вместо этого османы установили более свободную и непрямую форму контроля, беря с крестьян налоги ограниченных размеров и отменив действовавший ранее принцип неоплаченного труда. Дело в том, что по османскому праву они были не землевладельцами, а ответственными посредниками между крестьянством и султаном, который владел всей землей, завоеванной или приобретенной иным способом.

Таким образом, в данный период социальной и политической фрагментации Византийской империи османы заменили децентрализацию сильной системой централизованного государственного контроля. По мере продолжения оккупации местные христианские землевладельцы на землях, граничащих с захваченными османами территориями, стали признавать власть султана, в качестве его вассалов выплачивая ему небольшую ежегодную дань как знак подчинения исламскому государству. С самого начала это государство установило в отношении христиан лояльную политику, тем самым гарантируя, что крестьянство не присоединится к своим феодальным господам в сопротивлении вражеской оккупации, а по сути поощряя крестьян бунтовать против них. Балканский крестьянин вскоре понял, что мусульманское завоевание повлекло за собой его освобожде ние от феодальной власти христиан, многообразные вымогательства и злоупотребления которой становились все более тяжелыми с расширением монастырских земель. Теперь же османизация давала крестьянству ранее невиданные выгоды. Как писал один французский путешественник более позднего времени, «страна в безопасности, и нет сообщений о бандитах или разбойниках с большой дороги» – это больше, чем можно было бы сказать в то время о других государствах христианского мира.

На этой начальной стадии османы контролировали большую часть Галлиполийского полуострова и европейское побережье Мраморного моря, вплоть до мыса, расположенного всего в нескольких милях от Константинополя. Кантакузин, положение которого становилось все более ненадежным, упрекал Орхана в несоблюдении договоренностей и предлагал выкупить Цимпе за десять тысяч дукатов. Орхан, понимая, что может вновь захватить эту крепость в любое время, отдал ее в обмен на выкуп. Но он твердо отказался уступить Галлиполи, стены которого, как он настаивал, пали перед ним не благодаря силе его оружия, но по воле Аллаха. Вести дальнейшие переговоры Орхан отказался. Османские турки, которым помог Божий промысел, пришли, чтобы остаться.

Кантакузин был полностью дискредитирован. За рубежом христианские страны Балкан – Сербия и Болгария – отказали ему в просьбе поддержать империю. Таким, как резко ответил царь Болгарии, был заслуженный итог его нечестивого союза с турками. Пусть византийцы сами сражаются со штормом. «Если турки выступят против нас, – добавил он, – мы будем знать, как защитить себя». Жители Константинополя поднялись против Иоанна Кантакузина, заперли его во дворце и призвали Иоанна Палеолога. Публично осужденный и обвиненный в желании сдать город османам, он не видел иного выхода, кроме отречения от престола и ухода в монастырь в Мистре, что недалеко от Спарты. Там, под именем Иоасафа, Кантакузин провел оставшиеся тридцать лет жизни, написав выдающуюся историю своего времени.

Сулейман-паша все больше расширял свои завоевания и практику создания колониальных поселений, захватив Димотику и отрезав Константинополь от Адрианополя путем оккупации Чорлу. Эта иммиграция почти не встретила сопротивления со стороны местных жителей – греков, равно как и войск императора Иоанна Палеолога, который на поверку оказался столь же зависим от благосклонности османов, как и Иоанн Кантакузин. И в действительности его ожидало даже худшее унижение. Когда в 1357 году его племянник Халил, сын Орхана и Феодоры, был взят в плен пиратами, султан потребовал от императора, чтобы тот отправился в Фокею и освободил его. Таким образом, пока силы османов продвигались вперед во Фракии, император осаждал Фокею. По возвращении в Константинополь Иоанн Палеолог получил приказ Орхана лично продолжить руководить осадой и снова отправился к Фокее, но по пути встретил собственный флот, который оставил осаду, и император не смог убедить моряков вернуться. И он попросил Орхана освободить его от выполнения задачи, которая оказалась свыше его сил.

Орхан, став сюзереном императора Византии, упорствовал в своем требовании. В 1359 году Иоанн V отправился к нему в Скутари – вассал, надеющийся разжалобить своего сюзерена. Султан продиктовал императору мирный договор, по которому тот соглашался уплатить половину выкупа за его сына и фактически принял статус-кво во Фракии. По освобождении Халила император должен был отдать ему в жены свою десятилетнюю дочь. Император вернулся по велению Орхана в Фокею, выплатил большой выкуп и доставил Халила в Никею, где отпраздновали его обручение с христианской принцессой, сопровождавшееся соответствующими мусульманскими празднествами. Подобно тому как Иоанн Кантакузин привел османов в Европу в качестве солдат, так и его соперник Иоанн Палеолог согласился на их дальнейшее пребывание в качестве поселенцев.

Орхан умер в 1359 году. Его старший сын, Сулейман, погиб годом раньше, упав с лошади во время соколиной охоты на Галлиполийском полуострове. Его младший сын наследовал Орхану под именем Мурада I. Орхан, этот второй по счету из трех османских «отцов-основателей», добился поставленных целей в меньшей мере за счет воинского мастерства и в большей – за счет своего дара дипломата. После завершения преобразования своего государства в «нацию» он вступил в Европу, имея современную армию, но используя ее силу не напрямую, а лишь косвенно, в качестве аргумента в переговорах. Столкнувшись со слабым раздробленным противником, он действовал без излишней горячности, с образцовым терпением и прирожденным искусством истинного мастера манипуляции и интриги. Таковы были фундаментальные основы Османской империи, созданной в Европе.

Наступило время расширить сферу ее завоеваний, развернуть османскую армию как наступательную силу в целях покорения остатков Византийской империи и балканских христианских государств внутри и за пределами ее границ. Эта задача стояла перед сорокалетним Мурадом I, султаном, которому судьбой было предназначено превзойти двух своих предшественников и в качестве военного лидера, и в качестве государственного деятеля, в

то время не имевшего себе равных. Благодаря Мураду Запад должен был пасть перед Востоком, подобно тому как Восток пал перед Западом во времена греков и римлян.

Глава 3

Орхан был первопроходцем Османской империи в Европе. Мураду I предстояло стать ее первым великим султаном. Он правил на протяжении жизни целого поколения, во второй половине XIV века. Как воин, сам проявляющий неослабевающее рвение в военном искусстве и вдохновляющий других своим энергичным лидерством, он расширил территории османов до дальних пределов Балканского полуострова, объединяя завоевания, которые должны были оставаться в руках османов, на протяжении пяти веков. Как человек, обладающий кругозором и политической дальновидностью, он заложил на будущее основы модели грандиозного, действительно государственного по своим подходам управления. Это одновременно объединило и вдохнуло новую жизнь в остатки Византийской империи, заполнив вакуум, который в данный момент истории не могла заполнить ни одна другая держава. Он стал провозвестником новой османской цивилизации, уникальной в смысле объединения самых разнообразных элементов расы, религии и языка.

Более того, этот век османской экспансии в Восточной Европе совпал с периодом упадка на Западе. С окончательной потерей Иерусалима в середине XIII века и вторжением монголов в Малую Азию феодальный христианский мир уже никогда больше не смог продвинуть свои границы на Восток. Порыв крестоносцев обернулся против них самих – латинские христиане ссорились и воевали друг с другом. Один за другим разорялись банковские дома Италии, наладившие прибыльную торговлю с Востоком и финансировавшие крестоносцев. Финансовый и экономический спад привел к всеобщему и продолжительному социальному кризису. Европейское общество, лишенное гибкости и жизнеспособности, достигло низшей точки в своем упадке. Крестьянские восстания против землевладельцев, как феодальных, так и монастырских, восстания ремесленников против торговцев стали обыденными явлениями.

Бубонная чума, Черная смерть, занесенная с Востока, опустошила Средиземноморье и всю Западную Европу. Открытие новых территорий направило энергию европейской молодежи в западном направлении, через Атлантику. Таким был этот критический период Средних веков, кризис, который пошел только на пользу новой империи турок-османов, вступившей в эпоху расцвета.

* * *

В 1360 году началось наступление Мурада в Европе, подготовленное еще до его восшествия на престол и руководимое компетентными военачальниками, и его первая стадия быстро завершилась. В течение пятнадцати месяцев турки установили действенный контроль над Фракией, ее основными крепостями и богатой равниной, простиравшейся до подножий Балканских гор. Резня гарнизона в Чорлу и обезглавливание его командира были использованы как средство запугивания турками населения Балкан. Свои ворота открыл перед ними Адрианополь, вскоре ставший столицей Османской империи вместо Бурсы. Далее турки двинулись на запад, обходя Константинополь. Иоанн Палеолог, превратившийся в бледную тень прежнего императора, подписал договор, который обязывал его отказаться от каких-либо попыток восполнить потери, понесенные во Фракии, или от любой поддержки сербов и болгар в сопротивлении продвижению турок. Более того, он был обязан поддерживать османов против их турецких соперников в Малой Азии. Спустя десять лет Палеолог стал не более чем простым вассалом Мурада, признав его своим сюзереном и перейдя на службу в османскую армию.

По мере того как турки проникали все дальше в Европу – в Болгарию, Македонию, Сербию, а затем и в Венгрию, оплот Римско-католической церкви, христианские державы под покровительством папы Урбана V предприняли ряд безуспешных попыток объединиться друг с другом и с греками в защите христианского мира. В 1363 году войско сербов и, впервые, венгров без поддержки греков переправилось через реку Марицу в направлении Адрианополя только для того, чтобы быть внезапно атакованным турками. Они были «пойманы, как дикие звери в их логове» (по словам турецкого летописца Сеадеддина) в момент, когда войско отсыпалось после ночного празднества по случаю беспрепятственной переправы через водную преграду. Затем войско было сброшено обратно в реку, «подобно языкам пламени, бегущим впереди ветра», и таким образом поголовно истреблено.

Дальнейшие попытки организации Крестовых походов такого рода были сильно осложнены конфликтом между Римско-католической и Греческой церквями, сущность которого отражена в письме Петрарки папе Урбану: «Османы являются просто врагами, но схизматики-греки – хуже, чем враги». Император Иоанн Палеолог мог найти союзников, только обещая подчинить Греческую церковь католической. Он сделал это во время секретного визита в Венгрию. На обратном пути Иоанн был заточен болгарами в крепость. Это спровоцировало вмешательство Амадео Савойского, который в 1366 году отправился в новый папский Крестовый поход. Он отбил у турок Галлиполи, но, вместо того чтобы остаться здесь и продолжить борьбу, отправился к Черному морю, чтобы сразиться с болгарскими христианами. Освободив императора, он потребовал, как это уже сделали венгры, подчинения Палеолога Римско-католической церкви. Встретившись на этот раз с отказом, Амедео направил оружие против греков.

В конце концов император подчинился и в 1369 году отправился в Рим, где отрекся от «заблуждений» ортодоксальной церкви в обмен на обещания помощи со стороны властителей западного католического христианского мира в борьбе против турок. Но никакой помощи не пришло, а по пути домой он был задержан в Венеции за долги. Когда его старший сын Андроник отказался дать деньги на выкуп, это сделал младший сын – Михаил. Но подчинение Иоанна Риму было абсолютно неприемлемо в Константинополе. Отсюда и его подчинение Мураду в качестве вассала после освобождения.

Османы имели возможность извлечь из этой ненависти балканских христиан к Римско-католической церкви, как и из их взаимной политической неприязни, очень многое. Это привело к официальному признанию ортодоксальной церкви в ущерб католической. Признание означало, что каждая народность, будь то греки или славяне, сербы или болгары, была готова предпочесть господство османов господству со стороны своих соседей и прежде всего господству венгров. Такой дух, сочетаясь с деморализацией, вызванной на Балканах эпидемией чумы, облегчал главную задачу, стоявшую перед Мурадом, как государственным деятелем. Османы-завоеватели были сравнительно малочисленны. В Европе им противостояли массы населения, значительно более многочисленные, чем в любой из покоренных стран Азии, да и более разнообразные и сложные по своему национальному, религиозному и политическому характеру. Как можно осуществить их ассимиляцию? Такова была проблема Мурада, требовавшая проявления высшего мастерства в искусстве государственного управления, по мере того как одна успешная военная кампания следовала за другой.

Христианское население Балкан, мало что или совсем ничего не зная об исламе, едва ли подходило для ассимиляции путем добровольного обращения, как это было с христианами в Азии. Не стоял и вопрос об истреблении этого населения завоевателями, хотя бы из-за отсутствия достаточного числа мусульман-поселенцев, чтобы заменить его. В равной мере Мураду, все еще продолжавшему вести войны, не хватало свободных воинских резервов, способных держать местное население в подчинении с помощью полицейского контроля. Это исключало всеобщую политику принудительного обращения в ислам, которая в

любом случае могла бы только спровоцировать и еще больше усилить любую угрозу со стороны христиан. В результате Мурад предпочел проводить в отношении местных христиан в вассальных Балканских странах политику определенной терпимости. Принимая на службу членов военного класса, он использовал в войнах тысячи солдат христианского происхождения, нередко под командованием их собственных князей и правителей. В качестве платы за службу им гарантировались освобождение от налогов и право пожизненного пользования выделенными государственными землями и получаемым с них доходом.

Тем не менее проблема ассимиляции решалась в значительной степени с помощью политики порабощения в различных формах – нечто подобное турки сами испытали на себе на ранних этапах своей истории. Процесс обращения в рабство применялся к военнопленным и жителям захваченных территорий. Закон давал османскому солдату абсолютное право владения захваченными людьми, если они не соглашались открыто признать и исповедовать ислам. Он мог держать таких людей для работ по дому или для сельскохозяйственных работ. Он мог продать их на открытом рынке при условии соблюдения права государства на одну пятую часть рыночной стоимости всех захваченных в плен. Для греков рабство было невыносимым унижением. Императоры Византии продвинулись далеко вперед в деле освобождения рабов. Турецкий закон, таким образом, в определенной степени ускорял обращение в ислам среди христиан, которые предпочитали смену религии утрате своей свободы.

Но система сохраняла гибкость. Многие греки имели возможность купить свободу без обращения. Подобное могло бы произойти в городе, павшем в результате нападения, иногда в соответствии с оговоренными условиями капитуляции, и нередко наступающие армии Мурада предпочитали денежный выкуп обузе в виде рабов. В сельских районах угроза попасть в рабство была меньше. Можно было легко укрыться в горах, а в условиях наступления было мало времени на преследование. Отдельные земли оставались в руках своих покоренных владельцев в обмен на фиксированный налог. На других землях, завоеванных у противника, новые османские собственники нуждались в мужчинах для обработки их поместий, и среди этих людей многие так и оставались не обращенными в ислам.

Вместе с тем женщины, будь то вдовы воинов или молодые дочери греков, сербов и болгар, в основном обращались в рабынь и становились женами и наложницами завоевателей, которые, как правило, не возили за собой своих собственных женщин. Конечным результатом этого было развитие османской расы, сильной и богатой, благодаря смешению множества кровей. Восточная кровь – татар, монголов, черкесов, грузин, персов и арабов, – которая уже текла в жилах турок, смешивалась теперь с кровью балканских и других европейских народов за пределами Балкан, чтобы создать в пределах одного века цивилизацию столь же многонациональную, как и цивилизации греков, римлян и византийцев.

Наконец, в дополнение к этой общей системе кабалы, освобождение от которой могло быть достигнуто путем добровольного обращения в ислам или каким-то иным образом, Мурад набирал в свою армию из числа христиан особую, отборную пехоту, которая должна была служить лично султану. Это был корпус янычар, ени чери, или «новые войска». Введенные Орханом в качестве личной охраны, янычары были теперь преобразованы Мурадом в милицию, предназначенную главным образом для поддержания порядка и защиты завоеванных им территорий христиан в Европе. Основанное на практике принудительного обращения в ислам, это военное подразделение комплектовалось в каждом захваченном районе по одному принципу: привилегия освобождения от воинской обязанности, получаемая путем уплаты подушного налога, не распространяется на мальчиков-христиан определенного возраста. Османские власти могли выбирать из них подходящих рекрутов, которых забирали из семей и воспитывали в мусульманской вере. Функция этих рекрутов заключалась в служении султану: они лично зависели от него и оплачивались им по шкале более высокой, чем в других войсках. Специально отбираемые по силе характера, физическим данным и

уму, воспитываемые в духе непреклонности, дисциплинированные и приученные к любого рода невзгодам, воины были, подобно монахам, лишены права жениться, владеть собственностью, заниматься каким-либо другим делом. Их жизнь была посвящена воинской службе под руководством султана.

Вместо христианства они воспитывались на отличавшихся определенной широтой взглядов неортодоксальных мусульманских заповедях ордена дервишей Бекташи, благоговейным патроном которого был Орхан, построивший для ордена монастыри с монашескими кельями в Бурсе. Их шейх, Хаджи Бекташ, благословлял новые войска и вручал им штандарт, украшенный полумесяцем и обоюдоострым мечом Османа. Накрыв рукавом своих одежд голову первого солдата, он давал войску имя и предсказывал его будущее: «Его лик будет ярким и сияющим, его рука сильной, его меч острым, его стрела будет иметь острый наконечник. Он будет побеждать в каждой битве и никогда не вернется иначе как с триумфом». После этого благословения к белой войлочной шапке янычар, своими очертаниями напоминавшей головной убор воителей пограничных областей – ахи, крепился хвост, изображавший рукав дервиша шейха, и украшение в виде деревянной ложки вместо помпона. Знаком отличия войска, символизирующим более высокий уровень жизни, чем у других, были горшок и ложка; офицерские звания были позаимствованы из лексикона полевой кухни – начиная с Первого делателя супа и до Первого повара и Первого водоноса. Священным предметом полка был котел, вокруг которого янычары собирались, чтобы не просто поесть, а держать совет между собой.

Народы Европы вполне могли выразить моральное негодование бесчеловечностью турок с Востока, подобным образом наложивших на христиан кровавый налог, порабощавших юных пленников, отрывавших их от родителей, силой навязывавших чуждую религию и диктовавших образ жизни, которого им отныне предстояло придерживаться. Но следует сделать скидку на нормы воинственного века, когда борьба с врагами безоговорочно воспринималась как составная часть жизни. В этот век христиане сами были столь же негуманны в отношении к другим, будь то христианин или иноверец. Более того, Балканы того времени – запутанный театр военных действий, на котором солдаты-христиане постоянно воевали на стороне турок. Ни разу мусульманские армии Мурада не оказывались без поддержки со стороны войск «неверных», сознательно сражавшихся под руководством командиров-христиан против других христиан. Своей численностью такие контингенты намного превосходили янычар, число которых, хотя и возросло за несколько веков в несколько раз, все равно составляло сравнительно небольшую часть турецких вооруженных сил. Во времена Мурада их было немногим более тысячи человек. Несомненно, с течением времени угроза вербовки сокращала их ряды, побуждая крестьянство скорее принимать ислам, чем жертвовать сыновьями, нужными для работы на земле.

Будучи призванными, эти юноши получали такие преимущества, как высокая степень физической подготовки и технического мастерства, образование, разумный баланс между дисциплиной в казармах и отдыхом в лагерях, надежда на пожизненную карьеру. Здесь был развит spirit de corps, дух, основанный на гордости собственным полком, преданности суверену и религиозном братстве. Янычары, таким образом, начинали жизнь, имея достаточно большие преимущества. По мере того как проходили века Османской империи, они получили даже больше, чем их справедливая доля власти.

Система военного рабства шокировала христианский мир. Но она была достаточно давно известна и распространена в исламском мире, особенно среди турок. Они на самом деле извлекли из нее пользу в период собственного порабощения на ранних стадиях истории. Во времена халифата Аббасидов турок похищали, брали в качестве дани или покупали как рабов в немусульманских степях Центральной Азии, воспитывали как обращенных мусульман, а затем в Багдаде их обучали солдатскому ремеслу или же готовили из них чиновни-

ков. «Поставка рабов этого вида, – отмечает Клод Каэн, – статус которых был, естественно, намного выше, чем у домашних рабов, принадлежавших частным лицам, похоже, никогда не была затруднительной, и само турецкое население, среди которого она осуществлялась, не имело против нее возражений. Тогда рабство не вызывало в людях чувств, какие стало вызывать позже». Тюрки, подобным образом превращенные в рабов, нередко имели возможность подняться, благодаря системе поощрений, до высоких военных и административных постов.

В государстве Саманидов, преемнике халифата, их власть показала себя сильным фактором сохранения династии, но турки в конце концов ее свергли, чтобы заменить собственной династией рабского происхождения. Схожие династии, основанные лицами рабского происхождения, правили в Египте – речь идет о династии Тулунидов и, позднее, Мамлюков, изначально рабов Саладина и Айюбидов. Последнюю они просто вытеснили, чтобы создать свою собственную династию, аналогичным образом основанную на рабстве, которая продолжалась и при османском режиме.

Османы сами столкнулись при Мураде I с вызовом, на который им пришлось реагировать. В этом случае, по словам Арнольда Тойнби, имел место «географический перенос исконного сообщества из его естественного степного окружения, в котором оно находилось в состоянии борьбы с физической природой, во враждебное окружение, в котором оно обнаружило себя свободным от физического давления десикации, но взамен столкнулось с новой проблемой осуществления господства над враждебными общинами человеческих существ».

Другие кочевые сообщества, вставшие перед той же проблемой, просто попытались «трансформироваться из пастухов овец в пастухов людей».

Но в этом они в целом не преуспели. Господство аваров над славянами длилось всего лишь пятьдесят лет; западные гунны правили венграми не дольше срока жизни самого Аттилы. Все сменявшие друг друга империи монголов просуществовали также недолго. Ошибочность этого принципа правления кочевников заключалась в том, что «человеческий скот», оставаясь работать на собственных землях, продолжал быть экономически продуктивным и довольно скоро начинал объединяться, чтобы изгнать или же ассимилировать своих «пастухов». Те, в этом оседлом окружении, являлись бесполезными паразитами, по сути «трутнями, эксплуатирующими рабочих пчел». Отсюда быстрый подъем, столь же быстрое угасание и падение большинства империй кочевников.

Османы должны были доказать, что представляют собой уникальное явление в истории, исключение из этого правила. Они создали практику «подбора и обучения людей – сторожевых псов, чтобы сохранять порядок среди человеческого стада падишаха и держать его человеческих соседей на расстоянии». Этими помощниками низшего звена были рабы-христиане. Султан Мурад со своими янычарами открыл дорогу институту управления Османской империей, основанному на рабстве, а значит, на верности султану, впоследствии распространив на гражданскую сферу, чтобы охватить все ответвления государственной службы. С этого времени подданные империи христианского происхождения должны были управляться людьми, которые по своему происхождению также почти полностью были христианами. Это было началом длинной череды мусульманских правителей, предпочитавших править своими подданными, христианами и мусульманами, через христианского посредника.

Тем временем небольшой компактный корпус янычар – регулярной пехоты, напоминавшей преторианскую гвардию римлян, не имевшей аналогов в армиях христианских государств того времени, играл активную роль в продолжавшейся на Балканах кампании Мурада и его военачальников, а также в последующем заселении захваченных земель. Янычары сражались, как отметил Гиббон, «с рвением новообращенных против собственных соплеменников-идолопоклонников».

Покорение Фракии открыло османским армиям путь в Болгарию, а оттуда – в Македонию. После необходимого для ассимиляции интервала Мурад вторгся в Болгарию. Он воспользовался тем, что страна после смерти царя была поделена между тремя соперничавшими братьями-наследниками. Этот раздел между старшим, князем Шишманом, и двумя его младшими братьями был настолько выраженным, что на протяжении жизни целого поколения страна была известна как «три Болгарии». К выгоде Мурада, случилось новое потрясение, вызванное вторжением в Западную Болгарию венгров. Это был Крестовый поход против христиан, который получил благословение папы, и его результатом стало насильственное обращение францисканскими миссионерами из ортодоксальной в католическую веру около двухсот тысяч болгар. Гонения были таковы, что многие приветствовали завоевание страны мусульманами как восстановление их права на свою веру.

На протяжении трех лет, начиная с 1366 года и далее, османы смогли овладеть всей долиной реки Марицы и тем самым аннексировать большую часть Южной Болгарии. Шишман, следуя примеру Иоанна Палеолога, стал вассалом Мурада. Его дочь присоединилась к гарему султана с обещанием, что она не будет обращена в мусульманскую веру. С помощью османских войск Шишман изгнал венгров, но не смог получить, хотя надеялся на это, часть территории, которая принадлежала его младшим братьям. В 1371 году с помощью сербов он повернул оружие против турок, начавших продвижение в западном направлении, но потерпел решающее поражение под городом Самоков, бежал в горы и оставил туркам открытые перевалы, ведущие в обширную долину, лежащую перед Софией.

Мурад, однако, не спешил захватывать Софию. Верный, как и подобает человеку, который занимается не набегами, а строительством империи, своему принципу не торопиться между стремительными, хорошо спланированными кампаниями, он предпочел сначала обезопасить свой левый фланг от сербов, заняв долины Струмы и Вардара. Таким образом, он дал команду на вторжение в Македонию до реки Вардар.

Македонию и Сербию, даже сильнее, чем Болгарию, раздирали внутренние противоречия. Смерть Стефана Душана в то время, когда он собирался двинуться на Константинополь в 1355 году, и наследование престола сыном, которого в народе презрительно называли неджаки, «слабаком», ввергли его бывшую «империю» в состояние анархии и гражданской войны. История повторилась, когда в 1371 году сербская армия снова выступила к реке Марице. Здесь, как и раньше, она потерпела от османов полное поражение под Черноменом, и трое из ее князей утонули или были убиты.

Восточная Македония была теперь завоевана, причем столь же быстро, как и Фракия десятью годами раньше. Ее города Драма и Серре были надежно заселены османами, а церкви переделаны в мечети. Города и деревни в долине Струмы и вокруг нее признали господство османов, тогда как в менее обжитых районах сербы правили в качестве их вассалов. В 1372 году армии турок достигли реки Вардар и форсировали ее. Они османизировали население восточной части долины, а в северной ее части низвели до положения вассала князя Лазаря, который был избран, чтобы править в качестве преемника королей Сербии, но теперь признавался таковым лишь немногими своими людьми. Таков был конец Македонской империи Стефана Душана.

После этой успешной кампании Мурад выдержал десятилетнюю паузу – период стабилизации, считая преждевременным предпринимать вторжение в Венгрию, и сосредоточил свое внимание на действиях в Анатолии. Но он был вынужден вернуться в Европу, когда его ненавистный сын Санджи вступил в нечестивый союз с Андроником, старшим сыном императора Иоанна, который был опозорен и вытеснен своим братом Мануилом, теперь соправителем отца. Санджи и Андроник подняли во Фракии восстания, каждый против своего отца. Осажденные в Димотике, они вскоре были вынуждены сдаться и столкнуться с жестоким возмездием Мурада. После того как греческие повстанцы были связаны друг с другом

и сброшены с городских стен в воды Марицы, Мурад ослепил своего сына, а затем обезглавил его. Он приказал отцам молодых турок, участвовавших в восстании, последовать его примеру, ослепив и казнив своих собственных сыновей, и все выполнили этот приказ, кроме двух отцов, которых самих казнили вместо их детей. Мурад настаивал, чтобы император также ослепил своих сына и внука, что и было проделано с помощью кипящего уксуса, но неэффективно. И зрение у них восстановилось. Их выздоровление в общем отвечало интересам Мурада, который опасался соперничества со стороны своего сына, но стремился оставить в живых Андроника и его отца-императора и тем самым служить целям османов в отношении Константинополя.

Вскоре после этого настала очередь Мануила, младшего сына императора, опозорить свою репутацию. В качестве губернатора Салоник он оказался вовлеченным в заговор с целью сбросить власть Мурада в Серре. Когда заговор провалился и османы осадили Салоники, он бежал в Константинополь. Здесь его отец, опасаясь Мурада, отказался принять его. И он был вынужден просить милосердия Мурада в Бурсе. Султан проявил милость к Мануилу и восстановил его на императорском троне вместе с отцом.

В свое время брат Мануила, Андроник, бежал из башни, в которую заточил его отец. Он осадил Константинополь и вошел в город с генуэзскими и османскими войсками и короновался императором Андроником IV, предварительно отправив в ту же самую башню отца и брата Мануила. Спустя три года они тоже бежали и переправились через Босфор, чтобы вместе предстать перед султаном в качестве просителей. Мурад, теперь уже уверенно манипулировавший обеими партиями в византийской династической борьбе, настоял, чтобы Андроник был прощен и получил пост губернатора Салоник вместе с другими городами. Но он восстановил Иоанна и Мануила на императорском троне в обмен на большую ежегодную дань, обещание поставить значительный контингент византийских солдат для службы в османской армии и уступку османам Филадельфии – последнего крупного города Византии. Когда филадельфийцы выразили протест, Иоанн и Мануил стали сражаться в рядах османской армии за навязывание своим единоверцам мусульманского ига. Такой была последняя степень деградации, до которой опустился император Византии. Он мог продолжать править только благодаря милости и расположению турецкого султана.

Мураду все еще были нужны три города для полного укрепления своих позиций на Балканах: София – чтобы распространить свою власть на Северную Болгарию вплоть до Дуная; Ниш – ключ к Сербии; Монастир – чтобы установить османское господство над территориями к западу от Вардара, до тех пор подвергавшимися только набегам. В течение шести лет с момента возвращения Мурада после кампаний в Азии его военачальники достигли всех этих целей. Монастир вместе с Прилепом, что к северу от него, стал пограничной крепостью Османской империи в 1380 году. Хотя войска османов еще не предпринимали попыток завоевания прилегающих земель Албании и Эпира, они вошли туда по приглашению местных правителей, искавших защиты от собственных врагов.

Чтобы двинуться дальше в Сербию, необходимо было оккупировать Софийскую равнину. Она расположена в самом сердце Балкан, где сходятся три горных хребта, господствующие над долинами трех главных рек, текущих соответственно на север и на юг – к Дунаю и к Средиземному морю. Сама София, расположенная на реке Искыр, которая, изгибаясь, течет к Дунаю, пала без сопротивления в 1385 году. Командир ее гарнизона был предан, когда он находился вне города, а затем задушен молодым турецким беженцем, который ранее был его доверенным сокольничим. Теперь была открыта дорога на сербский город Ниш, что на Мораве. Он пал после борьбы в следующем году, и его правитель, Лазарь, был вынужден уплатить османам повышенную дань и выделить воинский контингент в их армию.

В Европе Мурад в качестве хозяина шести ключевых балканских городов теперь контролировал четыре пятых бывшей римской дороги из Константинополя в Белград и участок

дороги от Белграда к Салоникам. Теперь практически весь путь от Босфора до Адриатики, за исключением однодневного перехода в конце, проходил по территории османов. С учетом отрезка, идущего через Малую Азию от Ангоры до Босфора, общее время в пути от восточных до западных границ Османской империи составляло сорок два дня. Во время восшествия Мурада на престол двадцатью семью годами ранее назад на путешествие от одной границы до другой требовалось всего три дня.

Еще в 1335 году Мурад получил подтверждение своего статуса наследника Византийской империи с берегов Адриатики, когда республика Рагуза предложила ему подписать торговый договор. Это был первый из многих договоров, которые заключались между Османской империей и другими державами в последующие века. В обмен на значительную ежегодную дань жители Рагузы получили право торговать в империи и плавать в открытом море без помех со стороны османов. Договор был скреплен Мурадом, который не умел писать, отпечатком большого пальца. Таково было происхождение тугры, которое в каллиграфической форме сохранялось при каждом последующем султане в качестве официальной печати Османской династии.

Двадцатью годами позже Венеция и Генуя подписали договора с императором Византии, намереваясь защитить его от любых врагов, но исключая «Морат Бея и его турок». Генуэзцы дополнили этот документ официальным договором о дружбе с «великолепным и могущественным повелителем повелителей Моратибеем». Это, однако, не помешало им год спустя присоединиться к наступательному союзу «против этого турка, сына нечестивости и зла, врага Святого Креста, Морат Бея и его секты, которые пытаются столь ужасно атаковать «христианскую расу».

Мурад вел войну поочередно на двух фронтах, одном – в Европе и другом – в Азии. За наступлением на одном фронте, как правило, следовало продвижение на другом, с тем чтобы избежать опасности ведения войны одновременно на обоих фронтах. В Азии он хотел расширить и обезопасить свою власть за счет владений других турецких князей из внутренних районов страны. Решение этой задачи облегчалось по мере роста силы и престижа расширяющихся приграничных владений гази. После захвата Ангоры, что в центре Анатолии, на втором году правления Мурад сконцентрировал свои силы главным образом в Европе. Он здраво рассудил, что только при поддержке людских и материальных ресурсов Балкан и их ассимилированного христианского элемента он может быть уверенным в ассимиляции Малой Азии. Более того, он прекрасно осознавал, что угроза со стороны стоящего перед ним христианского мира остается большей, чем любая угроза со стороны мусульманских элементов у него в тылу. Но в данной обстановке перспектива любого Крестового похода на Балканах существенно уменьшилась. Южные славяне были в ссоре с венграми; в Сербии царила анархия; в Болгарии не хватало лидеров; а Византию раздирали на части династические распри. Кроме того, армия Мурада постоянно пополнялась за счет воинских контингентов, выделять которые султану были обязаны попавшие в вассальную зависимость христианские князья. И после покорения им Македонии (вслед за Фракией и Южной Болгарией) Мурад почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы перебросить силы из Европы в Азию.

В действительности он смог достичь своих предварительных целей в Малой Азии без военных действий. Большая часть анатолийского бейлика Гермиян, соседствующего с владениями османов, вместе со стратегически важным городом Кютахья была гарантирована ему женитьбой в Бурсе его сына Баязида на дочери эмира, за которой давали богатое территориальное приданое. Церемония бракосочетания отличалась великолепием, чуждым традициям более простых османских предков Мурада, но очень похожим на традиции византийского двора. После этого Мурад приобрел территорию в Хамиде, что между Гермияном и государством Карамания, купив ее у местного эмира, который считал, что османская оккупация

Кютахьи угрожает его безопасности. За территорию Текке, расположенную южнее, Мураду пришлось воевать. Но он ограничился захватом нагорий вокруг озерной части региона, оставив местному эмиру южные долины и низины между Тавром и Средиземным морем.

Когда пришло время разобраться с более крупным и грозным государством Карамания, с которым теперь имелась общая граница, Мурад собрал в Кютахье армию, левое крыло которой под командованием его сына Баязида было составлено из греческих, сербских и болгарских войск, предоставленных в распоряжение турок, согласно договору, императором Иоанном и правителями соответствующих стран. Битва произошла в 1387 году на обширной равнине перед Коньей. Она ничего не решила – каждая из сторон заявляла о своей победе. Город Конья устоял. Мурад не приобрел ни территории, ни трофеев, ни обещания выплатить дань или оказать военную помощь – а всего лишь примирение с эмиром Карамании в форме смиренного целования им руки. Победоносный в сражениях с христианами Балкан, Мурад таким образом встретил равного себе соперника в лице могущественного мусульманского властителя и не смог расширить свои владения дальше в Азию.

Косвенным образом эта битва втянула его в другую крупную кампанию на Балканах. Чтобы избежать антагонизма со стороны мусульман Малой Азии, Мурад приказал своим войскам воздерживаться от грабежей и насилия. Этот приказ привел в ярость сербский контингент, считавший, что, согласно правилам войны, трофеи есть награда солдатам за их службу. Некоторые из них поэтому не подчинились приказу и были казнены на месте. Остальные вернулись в Сербию, все еще кипя от возмущения из-за такого обращения. Это дало Лазарю, князю Сербии, возможность усилить сопротивление сербов османскому вторжению, которое после захвата Ниша теперь угрожало остальной части Верхней Сербии и Боснии. Лазарь создал большой сербский союз и заручился поддержкой князя Боснии, власть которого простиралась до берегов Адриатики. Ответом османов было форсирование Вардара и вторжение в Боснию. Уступая в численности, они потерпели поражение под Плочником, потеряв четыре пятых своей армии. Этот перерыв в череде османских побед стал причиной небывалого подъема воинского духа у балканских славян. Сербы, боснийцы, албанцы, болгары, валахи и венгры из приграничных провинций – все, как никогда раньше, сплотились вокруг Лазаря в решимости изгнать турок из Европы.

Мурад в это время оставался в Малой Азии, не проявляя ненужной спешки с отмщением за поражение, нанесенное ему под Плочником. Он предпочел выждать, чтобы не только восполнить свои потери, но и посмотреть, как долго его враги после первого эмоционального всплеска решимости и надежды смогут сохранить свое единство. Руководствуясь опытом прошлых лет и острым политическим чутьем, Мурад хорошо знал, что солидарность среди славянских народов часто бывала эфемерной.

Поэтому, прежде чем вновь повернуть оружие против сербов, Мурад в 1388 году начал кампанию по полному завоеванию Болгарии. Князь Шишман уже в начале войны удалился в крепость на Дунае и запросил мира. После получения условий Мурада он передумал и решился на последнее, отчаянное сопротивление. Но он недооценил силу османов, которые вскоре нанесли ему поражение и взяли в плен. В результате османы утвердили свое господство в Северной и Центральной Болгарии вплоть до Дуная, заняв несколько крепостей на стратегических участках берега реки, чтобы контролировать перевалы через Балканские горы. Хотя князь Шишман остался вассалом султана, он едва ли находился в достаточно сильной позиции, чтобы помочь своим собратьям славянам из большого союза.

Разделавшись таким образом с Болгарией, Мурад, которому было уже семьдесят лет, лично повел свою могучую армию в заключительную кампанию против сербов. К нему присоединились войска болгар и двух сербских перебежчиков с перспективой поддержки от третьего. Решающая битва за судьбу независимой Сербии произошла на пустынной холмистой равнине «черных дроздов» под Косовом, в месте, где сходились границы Сербии, Бос-

нии, Албании и Герцеговины. Уступая в численности, армия турок была чрезвычайно сильна своей верой в успех и моральными качествами. Мурад был настолько уверен в победе, что дальновидно приказал, чтобы в ходе сражения не пострадал ни один замок, город или деревня этого региона. Воюя за обладание богатой страной, не в интересах столь дальновидного и мудрого политика уничтожать ресурсы или без надобности ожесточать против себя население страны.

У сербов, с другой стороны, было предчувствие поражения, в основном из-за взаимного недоверия и подозрений относительно возможного предательства в собственных рядах. В обращении к войскам накануне битвы князь Лазарь, которому всегда не хватало авторитета и которому теперь не хватало еще и уверенности, открыто обвинил в измене своего зятя Милоша Обилича. Сам Мурад высказал опасение, что ветер, дующий со стороны врагов, может засыпать пылью глаза османов. На протяжении всей ночи, как указано в записях, он молил Небеса о защите и об оказании ему милости. Он желал умереть за истинную веру смертью мученика, ибо только она заслуживает вечного блаженства.

На следующее утро ветер стих. Османская армия развернулась для битвы в привычном порядке: в центре находился султан с янычарами и кавалерийской гвардией; на правом фланге – его старший сын Баязид, командовавший европейскими войсками (поскольку битва была в Европе); слева – его младший сын Якуб, командовавший азиатскими частями. Османы атаковали авангардом в две тысячи лучников. Сербы ответили атакой, прорвавшей левый фланг османов. Баязид с правого фланга пришел на выручку, нанеся массированный контрудар, доблестно сражаясь и лично поражая своих врагов массивной железной булавой. Исход дела оставался неясным – османы продолжали обороняться – когда другой зять Лазаря, Вук Бранкович, возможно благодаря вероломному предварительному сговору с Мурадом, вышел из боя с двенадцатью тысячами воинов. Его дезертирство настолько ослабило сербов, что они разбежались.

Мурад оказался прав в своей оценке отсутствия единства среди славян во время битвы. Но его вечерняя молитва, обращенная к Всевышнему, была услышана буквально во всем. И он сам пал на поле битвы. История этой трагедии была изложена различными источниками в нескольких противоречивых версиях. Наиболее правдоподобной представляется версия, согласно которой убийство было совершено во время или после битвы Милошем Обиличем. Уязвленный обвинениями в измене со стороны своего тестя Лазаря накануне вечером, он исполнился решимости доказать свою верность. Он притворился, что переходит на сторону турок, и, оказавшись в их лагере, потребовал аудиенции у Мурада. Когда аудиенция была дарована, Милош в притворном смирении опустился перед султаном на колени, а затем вонзил ему в грудь кинжал, «дважды», как утверждали позже, причем «кинжал пронзил его насквозь». Он не сумел бежать и был растерзан османскими солдатами. После покушения Мурад еще некоторое время оставался в живых и успел отдать приказ о введении в бой резерва, что принесло османам решающий успех. Последним деянием Мурада перед смертью был приказ «привести к нему Лазаря и приговорить его к казни».

Таким был внезапный конец этого первого великого султана Османской империи. Он имел место в момент победы в исторической битве, от которой побежденные уже не смогли оправиться. Мурад I возвысил Османское государство своих предков до уровня империи, которой было суждено стать могущественной мировой державой. Как султана его затмили в глазах истории два еще более могущественных суверена: Мехмед Завоеватель и Сулейман Законодатель. Его достижения заключались в том, что он, посредством завоевания и последующего управления обширными территориями, заложил основы империи, на которых они осуществляли дальнейшее строительство и расширение.

Мурад был не просто воином. Он преуспел в военном искусстве, стал мудрым стратегом, беспощадным, даже жестоким в бою, уверенным в своих военачальниках, которым он

был всегда готов передать право командования. Но его сила в отнюдь не меньшей степени заключалась и в искусстве поддерживать мир. Он был правителем выдающегося политического ума. Как только битва была выиграна, он сразу же начинал заботиться о том, чтобы жизнь на завоеванных христианских территориях продолжалась под властью ислама с минимальными социальными и экономическими нарушениями. Ни одна из сложившихся османских традиций управления не соответствовала в точности обстановке на европейских землях. Должны были появиться новые системы административного управления, находившиеся в прагматическом соотношении с условиями времени, места и обычая. Это было достигнуто при Мураде – который доверял своим чиновникам не меньше, чем своим командирам, – на достаточно компетентной и справедливой сбалансированной основе.

В оценке характера своих подданных и врагов, будь то грек или славянин, Мурад проявлял удивительную психологическую интуицию. Истый мусульманин, он тем не менее управлял «неверными» христианами своей новой империи с терпимостью, поразительной в своей противоположности отношению со стороны их собственных единоверцев-христиан, принадлежащих к Римско-католической церкви. Он никогда не санкционировал преследований христиан и, за исключением янычар, не предпринимал никаких насильственных обращений в ислам. Патриарх ортодоксальной церкви лично свидетельствовал в письме папе римскому в 1385 году, что султан оставил его церкви полную свободу действий.

Таким процессом ассимиляции Мурад I сеял семена многонационального, многоконфессионального и многоязычного общества, которое должно было эффективно функционировать под управлением его преемников в предстоящие века. Этот процесс создал на больших пространствах Pax Ottomanica, который со временем заслужит сравнение с Pax Romana более ранних веков. По своей сути композитная Османская империя должна была стать, благодаря своей эклектичной политике, истинным преемником Римской империи. Ибо она позаимствовала римскую традицию предоставления иностранцам гражданства, натурализовала их по собственным образцам и поощряла использовать свои возможности как к собственной выгоде, так и к выгоде империи. Она предоставляла подданным султана христианского происхождения на равных с мусульманами от рождения возможность достигать высших официальных постов в государстве. Подобная практика, с точки зрения профессора Тойнби, «позволила римлянам первыми создать империю, а затем вновь и вновь оживлять ее». В оценке достоинств этой практики он заходит достаточно далеко и утверждает, что османы «смогли построить империю, которая действительно была пятым возрождением Римской империи на Ближнем и Среднем Востоке» и которая просуществовала в этом качестве вплоть до первой четверти XX века.

Глава 4

После убийства Мурада его старший сын был сразу – непосредственно на поле битвы под Косовом – провозглашен преемником, как Баязид I. В ответ на давление со стороны государственного совета, опасавшегося конфликта по поводу наследования престола, его первым актом в роли султана, совершенным над мертвым телом отца, был приказ умертвить его младшего брата путем удушения с помощью шнурка. Это был Якуб, его товарищ по командованию во время битвы, отличившийся на поле боя и завоевавший популярность в войсках. Баязид, таким образом, ввел в практику братоубийства на имперском уровне, которая основательно укоренилась в истории Османской династии. Она основывалась на доводе, что убийство предпочтительнее подстрекательства к мятежу, к чему нередко прибегали братья какого-либо султана, оправдываясь удобным текстом из Корана: «Столь же часто, сколько они возвращаются к подстрекательству, они должны быть сметены с лица земли на том же самом месте; и если они не отходят от тебя, и предлагают тебе мир, и удерживают свои руки от борьбы с тобой, возьми их и убей их, где бы ты ни обнаружил их».

В следующем веке эта бесчеловечная традиция была законодательно закреплена указом его потомка, Мехмеда II Завоевателя, ранее задушившего в ванной своего брата-инфанта. До этого лидеры османов проявляли гибкость в отношении законов престолонаследия. Отныне и впредь в начале каждого нового правления они должны были следовать этой отнюдь не гибкой практике, таким способом охраняя принципы своей безраздельной власти и помогая гарантировать непрерывное выживание своей династии на протяжении веков.

Вскоре стало очевидным, что Баязид обладал лишь немногими из добродетелей своего отца. Торопливый и импульсивный от природы, он был непредсказуем как государственный деятель, нарушая традиции более осмотрительного поведения своих османских предков. С другой стороны, он был лихим и очень способным военачальником, остро чувствовавшим дух сражения. За быстроту перемещений его армий по Европе и Азии и с одного континента на другой его прозвали Йылдырым, иначе Молниеносный, или Удар Молнии, вполне подходящее определение, как считает Гиббон, для «бешеной энергии его души и скорости его разрушительного марша».

В Европе, отомстив за смерть своего отца массовой резней, в которой была уничтожена большая часть сербской знати из числа находившейся на Косовом поле, он быстро пришел к соглашению с сыном Лазаря, Стефаном Вулковичем, наследовавшим своему отцу. Рассудив, что сербы больше не представляют для него угрозу и их войска необходимы – так же Мурад поступал во время кампаний в Малой Азии – для защиты долины Дуная от более грозных венгров, Баязид заключил со Стефаном дружественный союз, который действовал на протяжении всего срока его правления. Сербия не включалась в состав Османской империи, сохраняя статус автономного вассального государства. Стефану в обмен на уплату ежегодной дани, выделяемой из доходов от сербских серебряных рудников, были сохранены все привилегии его отца; он отдал свою сестру Деспину замуж за Баязида; он взялся командовать контингентом войск османской армии и поставлять сербские войска, когда бы и где бы Баязид ни потребовал их. Существовавшие ранее поводы для недовольства были ликвидированы справедливым разделением трофеев. Тем временем на части захваченных у Сербии территорий были основаны колонии мусульман. Косово было, таким образом, прощено – хотя никогда, согласно сербским легендам, не забыто.

Затем Баязид обратил свое внимание на Малую Азию. Здесь его страстные и не отличающиеся терпением планы завоеваний могли обернуться его гибелью и поставить под угрозу будущее всей его империи. Вначале ему сопутствовал успех. Он сделал своим вассалом эмира Айдына и нанес поражение в битве эмирам Сарухана и Ментеше, тем самым утвер-

див османское присутствие на Эгейском море, где до них селились только другие тюркские племена, и впервые достигнув Средиземного моря. Так постепенно начал формироваться образ Османской империи как морской державы. Тем временем, потерпев неудачу в попытке вырвать Смирну из рук крестоносцев рыцарского ордена госпитальеров, османы заявили о своем появлении на море, опустошив остров Хиос, совершая набеги на побережье Аттики и пытаясь организовать торговую блокаду других островов Эгейского моря. Но как мореплаватели они пока еще не могли сравниться с флотами итальянских торговых городов Венеции и Генуи.

Потом, имея выгоду от поддержки вассалов-христиан, в том числе Мануила Палеолога, будущего императора Византийской империи, который лично прибыл в лагерь османов, чтобы служить султану, Баязид вторгся в Караман и осадил Конью, как до него это сделал его отец. После двух кампаний – с нарушением жителями Карамана мирного урегулирования в промежутке между ними, сопровождавшимся стремительной переброской подкреплений из Европы, – Караман был разгромлен в битве при Акчае и занят османами. За этим актом последовала оккупация Кайсери и Сиваса, расположенных неподалеку, и Кастамону на севере. Это дало османам доступ к порту Синоп на Черном море. Теперь Баязид мог похвастаться, что стал хозяином большей части Анатолии.

Однако его господство было поверхностным. Нередко оно оставляло лишь царапину на поверхности завоеванных им земель. Мурад, проводивший дальновидную политику ассимиляции, привел под власть османов обширные районы христианской Европы, которые приняли его правление, и не всегда против своей воли. После молниеносных завоеваний в Азии Баязид не предпринял подобных систематических попыток ассимиляции. Он действительно осуществил оккупацию османами обширных районов Анатолии. Но, за некоторыми исключениями, они не находились в истинном смысле под управлением османов. Населявшие эти районы народы, по большей части, добивались возвращения из ссылки своих собственных прежних правителей. Баязид, обычно находившийся со своим двором в Европе, не решил ни одной из проблем, которые повлекли за собой эти завоевания. Между кампаниями он предпочитал предаваться чувственным наслаждениям двора, известного роскошью, напоминавшей Византию в дни ее величия, неограниченному обжорству, пьянству и разврату с женщинами и мальчиками своего гарема. При всех этих излишествах Баязид отличался глубокой религиозностью. Он соорудил для себя небольшую келью на крыше своей мечети в Бурсе и на долгое время удалялся в нее для мистического уединения, а также подолгу общался с богословами из своего исламского окружения.

После побед, одержанных им в Малой Азии, которую он оставил в руках губернаторов, Баязид вернулся в Европу. Здесь его больше всего занимал вопрос, связанный с Венгрией, король которой, Сигизмунд, стал его главным врагом. Действуя в провокационном духе, Баязид и раньше инициировал набеги на Венгрию и за ее пределы, где турок стали рассматривать как страшную угрозу Центральной Европе. Участники одного из набегов переправились через Дунай и провели первое сражение османов на Венгерской земле, приобретя союзника в лице воинственной Валахии, стремившейся освободиться от власти венгров. Сигизмунд, понимая серьезность османской угрозы, направил Баязиду послание, жалуясь на вмешательство Болгарии, находившейся под венгерским покровительством. Баязид высокомерно отказался отвечать, лишь обратив внимание королевского посла на оружие, висевшее в его шатре.

Ответом Сигизмунда стало вторжение в Болгарию. Он захватил крепость Никополь на Дунае, но был вынужден оставить ее, когда против него выступило большое османское войско. Мурад, разгромив правителя Шишмана, разрешил Болгарии сохранить определенную автономию в качестве вассального государства. Но теперь Баязид, не доверяя Шишману как союзнику в случае вторжения венгров, направил османскую армию против Болгарии и, каз-

нив Шишмана, присоединил всю страну к Османской империи. Подобно Фракии и Македонии, Болгария стала составной частью империи и вместе с Валахией в качестве вассального государства создала на Дунае сильный заслон против Венгрии. Ликвидируя подобные местные династии, Баязид сделал большой шаг в направлении создания на Балканах централизованной имперской власти. В последующем процессе османизации и, в какой-то степени, исламизации Болгария утратила не только свою независимость, но и свою автокефальную ортодоксальную церковь, живой символ болгар как народа. Ранее частично латинизированная, она теперь оказалась под властью священников греческой ортодоксальной церкви, которых нередко было труднее выносить, чем мусульманских пашей.

Баязид тем временем готовился повернуть свои силы против Константинополя. В 1391 году скончался император Иоанн V Палеолог. Его преемник Мануил, послушный вассал султана, был низведен до крайней степени унижения – по сути, он вел полуголодное существование, удостоившись должности лишь немногим выше, чем презренный камердинер при дворе своего господина. Теперь он бежал в Константинополь, где обеспечил себе обладание императорским троном. Его покойный отец начал восстанавливать стены города и сносить церкви, чтобы перестроить их, искусно замаскировав орнаментом, фортификационные башни, которые закрывали с флангов вход в бухту Золотой Рог. Услышав об этом, Баязид приказал снести башни, угрожая, что иначе Мануил будет ослеплен. Последним актом императора Иоанна перед смертью было подчинение приказаниям султана.

Мануил, взойдя на престол, столкнулся теперь с ультиматумом Баязида, требовавшим не только продолжения вассальной зависимости и более крупной дани, но и учреждения в Константинополе должности кади, или судьи, для нужд мусульманского населения. За этим требованием последовал приход под стены Константинополя турецкой армии, по пути безжалостно убивавшей или обращавшей в рабство тех греков из Южной Фракии, которые еще оставались христианами. Так началась первая османская осада Константинополя.

Город был плотно окружен в течение семи месяцев. Затем Баязид снял осаду, но на еще более жестких условиях, чем раньше. Император Мануил был вынужден согласиться на учреждение в пределах городских стен исламского суда и выделение мусульманским поселенцам одного из кварталов города. Половина порта Галата на противоположном берегу Золотого Рога была отдана для размещения турецкого гарнизона численностью шесть тысяч человек. Помимо возросшей дани османы потребовали десятину с виноградников и участков для выращивания овощей, расположенных за городскими стенами. С этого времени призывы к молитве, звучавшие с минаретов двух мусульманских мечетей, стали слышны по всему городу, который османы стали именовать Стамбул – искаженное греческое is tin poli, «к городу».

Баязид продолжал блокировать город со стороны суши. Двумя годами позже он снова подвергся нападению, по наущению и при поддержке османских войск, молодого Иоанна Палеолога, племянника Мануила, который не без оснований объявил себя законным наследником трона. Но атака была отбита. В 1395 году Баязид позволил себе, как «наследнику Цезаря», провести в Сересе суд, на который он вызвал, среди других вассалов, императора, его брата и племянника и, повинуясь порыву, приказал умертвить всю семью Палеолог. Приговор был отменен, благодаря великому визирю Али-паше, который откладывал его исполнение до тех пор, пока султан не передумал и не согласился на компромисс – отрубить руки и выколоть глаза нескольким византийским сановникам. Мануил II, таким образом, продолжал править и проявил себя достаточно умелым правителем.

А тем временем внимание Баязида привлекла новая угроза со стороны короля венгров Сигизмунда. Раздраженный набегами османов и угрозами от их крепостей на Дунае, он

начал добиваться поддержки от западных христианских держав нового Крестового похода, чтобы пойти «против турок, к их ущербу и разорению». Мурад всегда был крайне осторожен между кампаниями, чтобы избегать ненужного провоцирования христианского мира, силу которого он не приуменьшал. Баязид был менее осмотрительным в своей политике по отношению к христианам. Претенциозный от природы, он надменно объявил итальянским послам в начале своего правления, что после завоевания Венгрии он совершит поход на Рим и накормит своего коня овсом на алтаре собора Святого Петра. С той поры, представляясь главным защитником ислама, он продолжал открыто заявлять о своих агрессивных намерениях в отношении христианства.

Именно подобные угрозы только побудили Сигизмунда попытаться организовать Крестовый поход. Он не получил реальной поддержки пап – они только пожелали ему успеха. Венецианцы проявили уклончивость, не доверяя венграм еще больше, чем османам; генуэзцы лишь конкурировали с венецианцами за торговые льготы от Баязида, а Неаполь и Милан поддерживали с османами дружественные контакты. Таким образом, чтобы найти желающих участвовать в кампании «по изгнанию турок из Европы», Сигизмунд был вынужден направить своих эмиссаров во Францию, ко двору страдавшего приступами безумия короля Карла VI. Дядя короля, герцог Бургундский, заявил о готовности, хотя и по личным мотивам, поддержать смелое предприятие, обещая Сигизмунду вооруженный отряд рыцарей и наемников под командованием своего юного сына графа Неверского.

Призыв Сигизмунда нашел широкий отклик в феодальной Европе. Момент был исключительно благоприятным – окончилась Столетняя война, и в Священной Римской империи установился мир. Под знамена Сигизмунда встали не только французы, но и знатные рыцари из Англии, Шотландии, Фландрии, Ломбардии, Савойи и всех частей Германии, а также авантюристы из Польши, Богемии, Италии и Испании. В последний раз в истории вместе собралась элита европейского рыцарства, чтобы принять участие в Крестовом походе, столь же светском, сколь и религиозном, имевшем целью остановить молниеносное продвижение Баязида и раз и навсегда изгнать турок с Балкан. Так «интернациональная» армия, составленная из собственных войск Сигизмунда, контингентов рыцарей с их эскортом и отрядов наемников, общей численностью в несколько сотен тысяч человек, собралась в Буде в начале лета 1396 года. Это была крупнейшая армия христиан, когда-либо противостоявшая «неверным». К тому же она имела дополнительную поддержку со стороны флота, укомплектованного гос питальерами, венецианцами и генуэзцами, находившегося в Черном море в районе устья Дуная, который позже должен был подняться вверх по реке.

Начиная с мая Сигизмунд ожидал вторжения Баязида в Венгрию с другого берега Дуная. Когда оно не состоялось и его разведчики не смогли обнаружить никаких признаков врага, он отдал предпочтение оборонительной стратегии, рассчитанной на то, чтобы заманить турок в Венгрию и там атаковать их. Однако рыцари мечтали о большом и славном наступлении. Когда вторжение не состоялось, они поверили в своем незнании географии, что Баязид (которого они в любом случае путали с Амуратом, или Мурадом) рекрутировал войска «в Каире и Вавилонии», а сосредоточил их в Александрии и Дамаске. По их мнению, Баязид получил в свое распоряжение «под командованием и духовным напутствием халифа Багдада и Малой Азии» армию «сарацин и неверных», которая включала «людей из Татарии, Персии, Мидии, Сирии, Александрии и из многих других земель неверных». Если он не пришел, тогда они, как им мечталось, сами пройдут через владения турок вплоть до империи персов, «завоюют Сирию и Святую землю» и, по словам Фруассара, «освободят Иерусалим от султана и его врагов». Баязид же не пришел потому, что был занят осадой Константинополя.

Тем временем крестоносцы решили, что им «нет резона стоять без дела; они должны совершать боевые подвиги, поскольку именно в этом заключается цель их пребывания

здесь». Итак, они отправились вниз по долине Дуная, достигли Оршовы, вблизи Железных ворот, и переправились через реку, на что ушло восемь дней. Венгры, не встречая сопротивления, рассеялись по Сербии, двигаясь вверх по долине Моравы, где они обнаружили хорошие вина, «налитые в бурдюки турками, которым по закону, под страхом смертной казни, запрещено пить их; и вместо этого они продавали их христианам». Они захватили Ниш с «великим убийством мужчин, женщин и детей. Христиане не жалели никого» – даже меньше, чем османы.

В Болгарии ворота Видина, первой крепости на Дунае, были открыты перед ними христианским командиром, и турецкий гарнизон был вырезан. Следуя далее вниз по реке, крестоносцы атаковали следующую крепость, Ряхово. В этом месте большой турецкий гарнизон, оказавшись лицом к лицу со всей христианской армией франков и венгров, сдался и основная масса населения, включая многих болгарских христиан, была предана мечу. Войска христиан соединились в общий лагерь перед ключевой крепостью Никополя, где все еще не было никаких признаков вторжения турецкой армии. Непредусмотрительные войска с Запада не привезли с собой осадных машин, а Сигизмунд подготовился только к оборонительной войне. Не обладая необходимой техникой, они расположились под стенами, надеясь голодом принудить город к сдаче.

Западные рыцари в отсутствие противника для схватки рассматривали всю операцию скорее как пикник. Они наслаждались женским обществом, винами и предметами роскоши, привезенными из дома, играли в азартные игры, перестав с присущим им высокомерием верить в то, что турки вообще когда-либо смогут быть для них опасным противником. Тем солдатам, которые осмеливались думать иначе, отрезали уши в наказание за пораженческие настроения. Одновременно все чаще стали возникать ссоры между различными контингентами, среди которых валахи и трансильванцы не считались надежными.

Никаких признаков появления Баязида не было еще шестнадцать дней. Но вот он внезапно, с привычной для него быстротой появился у стен города там, где дважды до этого одерживал победы, с армией, как сообщили Сигизмунду, из двухсот тысяч человек. Сигизмунд знал своего врага, был уверен, что с турецкой армией, прекрасно обученной, дисциплинированной и более подвижной, чем армия крестоносцев, нельзя шутить. Он настаивал на необходимости тщательно согласованного плана действий. Предварительная разведка была проведена опытным французским рыцарем де Курси, который наткнулся на подразделение турецкого авангарда в горном ущелье и нанес ему поражение, набросившись на врага с криками: «Дева Мария на стороне де Курси!» Этот успех вызвал всего лишь зависть других французских рыцарей, которые обвинили его в тщеславии. Сигизмунд пытался внушить им, что необходимо сохранять оборонительные порядки, дать возможность пехотинцам – венграм и валахам – сдержать первую атаку, в то время как кавалерия и наемники образуют вторую линию – для нападения или обороны. Это предложение привело французских шевалье в ярость, они посчитали, что венгерский король пытается присвоить себе «цветок славы дня и чести». Первыми в бой должны были вступить они.

Граф д’Элю при поддержке других французов отказался подчиниться Сигизмунду и крикнул своему знаменосцу: «Знамя вперед, во имя Господа Бога и святого Георгия, ибо они увидят сегодня, какой я славный рыцарь». И «под знаменем Божьей Матери» они бездумно ринулись в битву, уверенные в том, что разобьют презренных нечестивцев. «Рыцари Франции, – пишет Фруассар, – были великолепно вооружены… Но мне сказали, что… когда они двинулись вперед на турок, их было не более семисот человек. Подумайте о безрассудстве и печали этого поступка! Если бы только они подождали короля Венгрии, у которого было по меньшей мере шестнадцать тысяч человек, они могли бы совершить великие подвиги, но гордыня стала их гибелью».

Начав атаку от подножия вверх по склону холма, крестоносцы застали врасплох и перебили сторожевую охрану Баязида. Рассеяв его кавалерию, они спешились и продолжили атаку в пешем строю против его пехоты, замедлив шаг, проходя частокол, защищавший позиции пехоты, и вновь ускорив движение, которое разметало и эти войска. Мечи рыцарей были обагрены кровью. День, как они свято верили, был за ними. И лишь достигнув вершины холма, крестоносцы увидели главные силы султана численностью шестьдесят тысяч человек, основательно усиленные сербами, которые стояли в боевых порядках на противоположном склоне, готовые к сражению. Верный своей обычной тактике, с которой Сигизмунд был знаком, Баязид поставил в первые ряды своих необученных новобранцев, которых было не жалко потерять, но силы противника при этом истощались. Затем «всадники Баязида, его пехота и колесницы двинулись на них в боевом построении, как луна, когда она новая». Спешившиеся рыцари, которых тянули к земле тяжелые доспехи, оказались беспомощными. Они были разбиты наголову. Их лошади прискакали обратно в лагерь без наездников. Цвет европейского рыцарства был перебит и остался лежать на поле под Никополем или же оказался в руках турок в качестве пленных.

Согласно традиции того времени рыцари оставались, по сути, воинами-любителями, сражавшимися по старинке в романтическом духе. Они не имели ни профессионального мастерства в сфере военного дела, которое совершенствовалось из века в век, ни военных навыков турок, которые были более дисциплинированны, отлично обучены, знали тактику ведения боя и, главное, не имели мобильных легковооруженных сил и конных лучников. Эти уроки Сигизмунд с венграми начал получать на практике. Он со своим войском устремился вслед за крестоносцами, но знал, что, раз его советом пренебрегли, значит, битва проиграна. «Если бы они только поверили мне, – сказал он, – у нас было много сил, чтобы сразиться с врагом». Перед битвой он похвастался: «Если бы небо обрушилось на нашу армию, у нас хватило бы копий, чтобы подпереть его».

Теперь же Сигизмунду удалось спастись, и он сумел добраться до своих кораблей на Дунае вместе с Великим магистром госпитальеров, в то время как оставшиеся в живых солдаты его армии вместе с уцелевшими рыцарями бежали от османов. Некоторые из них добрались до кораблей, но тысячи других вынесли жестокие тяготы, совершив переход через Карпаты. На следующий день Баязид, осматривая поле битвы и оценивая свои потери, приказал убить всех пленных, пощадив только графа Неверского, его советников и несколько богатых рыцарей в надежде получить за них солидный выкуп. Пленников заставили встать за спиной султана, чтобы те видели, как обезглавили их товарищей по оружию, стоящих на коленях и связанных друг с другом.

В летописи сказано: «Число людей, убитых в тот день, оценивается в десять тысяч человек». Вот так последний из Крестовых походов закончился катастрофическим поражением от мусульман в самом сердце христианской Европы. Султан, удовлетворенный своей победой, не был склонен развивать успех. В прощальной речи, исполненной глубочайшего презрения, он пригласил рыцарей вернуться и рискнуть еще раз потерпеть поражение от его рук. Пока же он повел свою армию в Грецию, где захватал важные опорные пункты в Фессалии и женился на еще одной христианской невесте, дочери Елены Кантакузины. Он оставил своих военачальников для продолжения кампании в Морее, где мусульманские колонии заселялись турками из Анатолии. Но Афины оставались в руках христиан.

Хотя теперь византийское наследство определенно принадлежало ему, Баязид не стал сразу же пытаться завладеть им, немедленно перейдя от осады к штурму Константинополя. Его сдерживало отсутствие достаточных морских сил в то время, когда после поражения под Никополем две морские республики – Венеция и Генуя – были резко настроены против него. После открытого конфликта с генуэзцами в Пере он попытался в 1399 году войти в город с отрядом численностью десять тысяч человек, но отступил при появлении неболь-

шой группы кораблей под командованием французского маршала Бусико. Этот человек – единственный из оставшихся в живых под Никополем, принявший вызов султана на поле боя. Он осуществил две последовательные экспедиции в поддержку генуэзцев и венецианцев, которые выходили в море навстречу ему, и вступил в первое зарегистрированное морское сражение с османами, нанеся поражение флоту Баязида в Дарданеллах и преследуя его галеры вплоть до азиатских берегов Босфора. Прежде чем повернуть назад, он оставил в городе французский гарнизон и утвердил, в качестве соправителя Мануила, его ненавистного племянника узурпатора Иоанна.

Сам Мануил совершил вместе с маршалом путешествие в Европу в качестве просителя – тени императора, – ищущего дополнительной помощи со стороны христиан. Принятый с соответствующими императорскому сану почестями в Италии, Франции и Англии, он лелеял большие надежды, но вернулся с пустыми руками. Больше не было Крестовых походов, о которых имело бы смысл упоминать. Тем временем столица империи, блокада которой продолжалась уже шесть лет, была близка к голодной смерти. Ее жители на веревках спускались со стен и сдавались в плен османам. Имперская казна была пуста, и сдача города была уже близкой. Везде – здесь, в Морее, в Албании, в Адриатике – Баязид был готов нанести смертельный удар Византийской империи.

В самый последний момент, весной 1402 года, его планы были нарушены страшной угрозой с востока. Все военные действия были приостановлены; все войска, имевшиеся в наличии на Балканском полуострове, мусульманские и христианские, были срочно переброшены в Малую Азию. Константинополь и остатки его империи получили отсрочку. На запад двигался новый, потрясший весь мир завоеватель, подобный Чингисхану с его монгольскими ордами, прокатившимися по евразийским степям почти два века назад. Это был его потомок Тамерлан, известный также как Тимур Татарин.

Глава 5

Когда татары впервые узнали железо и даже самый сильный из них не сумел его согнуть так, как гнули другие металлы, они предположили, что оно должно содержать внутри какую-то особую, неизвестную субстанцию. Они назвали ее тимур; это означало что-то наполненное или набитое. Стало обычаем присваивать это имя их великим предводителям, тем самым признавая наличие у них каких-либо необычных сил. Среди них Тимур Татарин значился как величайший из всех Людей Железа, поскольку его целью было не что иное, как покорение мира, поскольку «если на небесах есть только один Бог, то и на Земле должен быть только один правитель».

Тимур родился в небольшом татарском племени, вождем которого стал уже в юности, правя регионом между Самаркандом и горными границами Хиндустана. Он был наделен необычной храбростью, неукротимой энергией, уникальным даром руководителя и потрясающим военным талантом. Создавая мощную армию, Тимур всегда был впереди и вел ее от одной блестящей победы к другой, чтобы стать повелителем трех империй – Персии, Татарии (с Туркестаном) и Индии. За свою жизнь Тимур истребил девять династий, чтобы править из Самарканда во имя ислама большей частью Азии.

Личная власть Тимура была абсолютной. Он правил без министров. Мускулистого телосложения, с широкими плечами, массивной головой и большим высоким лбом, с очень выразительным лицом, обрамленным густой бородой, кожа под которой была светлой, он с раннего возраста был седым. Тимур прихрамывал, то ли из-за врожденного паралича, то ли вследствие несчастного случая или полученной в бою раны. Говорили, что ему в ногу попала стрела. Поэтому его звали Тимур Хромой (Тимурленк) – и действительно, временами его недомогание становилось настолько сильным, что, как во время наступления его армии на Багдад, он был не в состоянии сидеть на лошади, и слуги несли его в паланкине. Немногословный, рьяный приверженец своей веры, строгий в представлениях о справедливости, он был мастером расчета и планирования, и, нередко в одиночестве по ночам, Тимур часами просиживал за огромной шахматной доской. Он манипулировал фигурами, вырабатывая стратегию сложных кампаний, «которые он всегда выигрывал в борьбе с любым противником». В его победоносной армии количество лошадей исчислялось шестизначной цифрой. За войском следовали стада не только верблюдов, но и слонов, животных, оказавшихся очень полезными в бою, а также использовавшихся как тягловая сила при строительстве его легендарной новой столицы – Самарканда. Отсюда в конце XIV века Тимур правил империей, которая простиралась на восток до Великой Китайской стены, на север – до российских степей, на юг – до реки Ганг и Персидского залива. На западе она включала Персию, Армению и верховья Тигра и Евфрата, иными словами, достигала границ Малой Азии. Дальше простиралась лишь другая великая мусульманская империя – Османская, – чьи завоевания при Мураде и Баязиде совпали по времени с завоеваниями Тимура. Теперь интересы двух победоносных соперничающих императоров, Тимура и Баязида, татарина и османа, столкнулись на этой границе, в регионе, где (как представлялись их характеры Гиббону) «Тимур проявлял нетерпение равного, а Баязид не был осведомлен о превосходстве».

Здесь обозначился критический момент истории, когда интересы каждого, в их соответствующих сферах, взывали к молчаливому modus vivendi. Вызывает сомнение наличие у Тимура в то время каких-либо планов в отношении территории его османских соседей. Как солдат, он отдавал должное военной мощи турок. Как строитель империи, стремящийся приумножить свои владения, он все еще имел другие области для завоеваний; перед ним была открыта дорога на юг – в Сирию, Святую землю, Месопотамию и Египет. А Баязиду больше всего нужно было завершить завоевания на Балканах захватом Константинополя, который

уже был близок. Тимур видел, в чем заключаются их обособленные интересы, Баязид – нет. С одной стороны, исполненный гордости и заблуждений относительно непобедимости своей армии после десяти лет побед без единого поражения, с другой стороны, вероятно, недооценивавший силы своего соперника, Баязид своими действиями спровоцировал Тимура выступить против него.

Баязид, заняв, но не сумев ассимилировать значительную часть Анатолии, превратил в изгнанников ненавидящих его бывших правителей, стремившихся вернуть свои земли из-под власти османов и снова править своими прежними подданными, все еще сохранявшими им верность. Многие бывшие правители жили при дворе Тимура. Однако Тимур не слишком интересовался их судьбой или действиями султана до захвата турками Сиваса. Прояви тогда Баязид осмотрительность, он бы сделал этот укрепленный город оборонительным аванпостом. Вместо этого он в 1399 году использовал его в качестве опорного пункта для наступления дальше на восток, к верховьям Евфрата. Армией командовал его сын Сулейман. Там османы вступили на находившиеся под защитой Тимура территории туркменского правителя Кара Юсуфа, который попал к ним в руки.

Так впервые гнев Тимура обрушился на Баязида, и он обратился к нему (снова находившемуся в Европе) с письмом, требуя вернуть пленника. Гиббон цитирует персидского историка Шерефеддина: «В чем причина твоего высокомерия и безрассудства? – спрашивал Тимур султана. – Ты провел несколько сражений в лесах Анатолии: ничтожные трофеи». Далее он, один из главных поборников ислама, обращающийся к другому, пишет: «Ты одержал несколько побед над христианами в Европе; твой меч был благословлен апостолом Бога; и твое следование заповеди Корана в войне против неверных есть единственное соображение, которое удерживает нас от разрушения твоей страны, границы и оплота мусульманского мира». В заключение Тимур предупреждает: «Вовремя прояви мудрость; подумай; раскайся и предотврати удар грома нашего возмездия, которое все еще висит над твоей головой. Ты не больше чем муравей; зачем ты дразнишь слонов? Увы, они растопчут тебя под ногами».

Баязид предпочел отнестись к этому и последующему посланиям с презрением: «Твои армии бесчисленны, пусть так; но что такое стрелы твоих стремительных татар против ятаганов и боевых топоров моих непоколебимых и непобедимых янычар? Я буду охранять князей, которые искали моего покровительства. Ищи их в моих шатрах. – Он закончил послание оскорблением, более интимным по своему характеру: – Если я побегу от твоего оружия, пусть мои жены будут трижды отрешены от моего ложа; но если у тебя не хватает мужества встретиться со мной на поле битвы, желаю тебе снова принять своих жен после того, как они трижды окажутся в объятиях чужестранца».

Послания Тимура Баязиду, каким бы ни было их содержание, по форме были дипломатическими. Татарин следовал общепринятому обращению между двумя равными по положению людьми, ставя их имена рядом. Теперь Баязид намеренно отбросил всякую дипломатию, написав свое имя большими золотыми буквами, а имя Тимура – под ним маленькими черными буквами. На это явное рассчитанное двойное оскорбление, одновременно личное и дипломатическое, мог быть только один ответ.

Тимур немедленно занял поле напротив Сиваса. Сулейман, который располагал только небольшим отрядом конников, направил отцу, находившемуся в Фессалии, просьбу о подкреплении, но не получил ответа. Тогда он предпринял смелую вылазку, но, обнаружив, что противник имеет большое численное преимущество, ушел из города. Тимуру потребовалось восемнадцать дней, чтобы подорвать укрепления города и осуществить его захват, после чего он похоронил в крепостных рвах несколько тысяч наиболее стойких его защитников, которыми были армянские христиане. Затем, вместо того чтобы продолжать движение в Малую Азию, он направился на юг, захватив один за другим Алеппо, Дамаск и Багдад, который разрушил до основания, соорудив пирамиды из отрезанных голов его защитников.

Только осенью 1401 года Тимур вернулся к границам Малой Азии. Здесь он остановился на зимний период, намереваясь решить, стоит или нет возобновлять атаку на Османскую империю.

Удивительно, но тем временем Баязид ничего не сделал для того, чтобы надлежащим образом встретить такую угрозу. Потеря Сиваса была первым обрушившимся на него серьезным ударом после ряда легких побед над мелкими правителями в Европе и Азии, унизительным результатом первой схватки с действительно грозным противником. Впервые встретив равного себе, Баязид казался парализованным, ошеломленным поражением и медленно реагировал на кризис, с которым теперь столкнулся. Несомненно, его физическое состояние и умственные возможности были подорваны усиливавшейся тягой к пьянству и разгульной жизни. Тимур, отсутствовавший более года после захвата Сиваса – он вел кампанию в Сирии и Месопотамии, – оставил свой армянский штаб открытым для нападения, аналогичного тем, что принесли Баязиду имя Удар Молнии. Но только гром больше не гремел, да и молнии не сверкали. Баязид, не выказывая обычной быстроты решения или действия, не нанес Тимуру удара возмездия и даже не попытался умиротворить его. Куда делась решимость, военное и дипломатическое искусство, которые принесли ему победу в Европе?

Летом 1402 года Тимур наконец принял решение выступить на Баязида. Теперь союза с ним против османов искали генуэзцы и другие силы христианской Европы. После захвата Сирии он больше не был склонен поддерживать солидарность с другими исламскими державами. Поэтому он и двинул свою победоносную армию на запад, к Сивасу. Только теперь, почти два года спустя после первоначальной потери города, Баязид заставил себя отказаться от осады Константинополя и перебросить основную часть своей армии в Азию. В страшную жару середины лета он выступил из Бурсы, по выжженному солнцем, безводному Анатолийскому плато к крепости Ангора, расположенной в самом сердце страны.

Армия Баязида была закаленной и дисциплинированной, не уступавшей по мужеству и военному мастерству Тимуру и его татарам из Центральной Азии. Но только теперь она не была, как в прошлом, единой или довольной абсолютно всем. Четвертую часть ее солдат составляли татары по национальности, следовательно, их преданность представлялась сомнительной. Все воины были измучены изнуряющей жарой и длительными переходами, а Баязид не давал им времени отдохнуть или восстановить свои силы. Другим источником недовольства была скупость султана, его отказ открыть казну, в результате чего выплата жалованья воинам задерживалась.

Тем временем полководцы султана выразили несогласие с его планом кампании. Столкнувшись с более многочисленным противником, они желали, согласно традиционной военной тактике османов, чтобы Баязид сначала занял оборону, то есть позицию, дающую возможность выбора. Вместо того чтобы идти в наступление против Тимура, ему следовало на несколько дней укрыться в горах, дав войскам отдых и вынудив Тимура искать армию султана в изнуряющей жаре на плато. Но Баязид с упрямством, исключавшим всякое здравомыслие и самоконтроль, жаждал лобового столкновения. Поэтому его армия пошла на восток по дороге на Сивас и заняла передовую позицию в излучине реки Галис, откуда при появлении Тимура должен был начаться бой.

Прошло несколько дней, но разведчики Баязида не обнаружили никаких следов татар. Наконец пришла весть, что Тимур обошел турок и теперь шел на них с тыла. Из Сиваса, избегая труднопроходимой холмистой местности на западе, он направился к югу вдоль долины реки Кайсери, по дороге собирая для своих войск богатый урожай зерна. Далее его путь лежал на север, к точке у стен Ангоры, и турки оказались теперь к востоку от него. В это время Баязид, явно бравируя перед лицом врага, скорость которого он сравнивал со скоростью ползущей улитки, с презрением отверг все меры предосторожности, послав свои вой-

ска на большую охоту. Окружающая местность была практически безводной, и воины тысячами умирали от жажды и переутомления.

Тем временем Тимур, проведя разведку вокруг Ангоры, вышел к прежнему, ныне покинутому лагерю Баязида. Здесь, разграбив брошенное имущество и заняв оставленные турками шатры, армия татар устроила свой штаб, сначала перегородив плотиной и отведя для своих нужд воду речки, текшей к Ангоре. Тимур также приказал разрушить и отравить родник на пути турок, шедших сейчас с востока в погоне за ним. Здесь он подготовился к бою. Таким образом, Баязид с уставшей и измученной жаждой армией был вынужден встретиться с врагом, укрепившимся перед его собственным городом Ангора, на той самой позиции, где следовало находиться ему самому и встречать врага. Сражение завязалось на обширной равнине, начинавшейся сразу за городскими стенами, на поле боя, уже известном в истории.

Левым флангом армии Баязида, состоящим из анатолийских частей, известных своей лояльностью, командовал его старший сын Сулейман; арьергардом – его другой и самый любимый сын Мехмед. Правый фланг, где были отряды сербов и других лояльных европейских контингентов, возглавил его шурин – серб Стефан Лазаревич. Сам Баязид занял позицию в центре, расположив вокруг себя янычар. Но, составляя боевой порядок, султан, ослепленный гордыней, допустил последнюю роковую ошибку. Следуя обычному тактическому принципу постановки малоценных воинов под первый удар вражеской атаки, Баязид поставил в первую линию кавалерию анатолийских татар. Битва едва началась, когда те дезертировали и перешли к Тимуру, что вполне можно было предвидеть в отношении войск, мобилизованных для того, чтобы сражаться против собственных соплеменников. Султан таким образом в одночасье потерял четвертую часть своих сил.

Теперь Баязид мог атаковать только левым флангом. Повинуясь приказу, Сулейман бросил в кавалерийскую атаку анатолийских конников. Они мужественно сражались против града стрел и обжигающих языков «греческого огня». Но воины Сулеймана не смогли прорвать ряды татар и в конце концов в беспорядке отступили, потеряв примерно пятнадцать тысяч человек. После этого армия Тимура перешла в наступление, его кавалерия преследовала турок справа от него, пока не скрылись из вида. После ожесточенного сопротивления, разгромив сражавшихся, как львы, сербов, за что Тимур воздал им должное, его армия прорвала левый фланг. И наконец она обрушилась на центр турецкой позиции, где находился султан лишь со своими янычарами и остатками османской пехоты.

Превзойденного по всем статьям Баязида медленно, шаг за шагом, оттеснили на вершину небольшого холма. Здесь он еще несколько часов продолжал биться вместе со своей личной гвардией и остатками его разбежавшихся войск – до наступления темноты. Теперь, когда все было потеряно, Баязида поддерживало только его знаменитое упрямое мужество. «Удар Молнии, – писал турецкий историк, – продолжал размахивать своим тяжелым боевым топором. Подобно тому как голодный волк разгоняет отару овец, он разбрасывал врагов. Каждый удар его грозного топора наносился с такой силой, что во втором ударе уже не было необходимости». Таким, все еще отчаянно сражающимся, его обнаружили воины Тимура, вернувшиеся на поле сражения после окружения и полного разгрома турецких войск. Вскочив на коня, Баязид предпринял последнюю попытку скрыться на другой стороне холма, пробившись сквозь ряды татарских лучников. Но его настигли, стащили с лошади, связали, а затем привели в шатер Тимура, который спокойно играл в шахматы со своим сыном.

Баязид держался с достоинством в присутствии своего победителя, который сначала воздал ему почести как суверену, но затем решил унизить его как пленника. Во время перехода по Анатолии Баязида несли в паланкине с решеткой, похожем на клетку, сделав его таким образом объектом насмешек татарских воинов и его прежних подданных-азиатов. Легенд об обращении Тимура с Баязидом множество: утверждали, что по ночам его держали в цепях, что он служил Тимуру скамейкой для ног, что, завладев гаремом Баязида, Тимур

унизил его жену – сербку Деспину, заставив ее прислуживать обнаженной за столом, где сидели ее прежний господин и его победитель. Страдания надломили дух Баязида и, в конце концов, его разум. Через восемь месяцев он скончался от апоплексического удара, но есть версия, что он покончил жизнь самоубийством.

Баязид пал, потому что перешел границы разумного. Он стремился выйти за пределы традиций гази, которых придерживались его предки в Малой Азии и Европе. Он, преждевременно и не имея соответствующих ресурсов, встал на путь расширения империи на мусульманском Востоке, желая следовать тем распространяющимся на весь мир торжествующим традициям ислама, столь дорогого богословам священного города Бурса. Так Баязид на свою погибель вступил в конфликт с мировой империей Тимура, который, пока его намеренно не спровоцировали, хотел лишь мирного сосуществования с Османским государством гази.

Тимур без промедления захватил Малую Азию. Его татарские орды быстро взяли Бурсу, увезли с собой молодых женщин, устроили в мечетях конюшни, разграбили и сожгли почти весь город, но не смогли взять в плен сына Баязида, Сулеймана, которому удалось скрыться, верхом прорвавшись через ворота города, и благополучно достичь Европы. Затем Тимур лично повел войска на Смирну, последний оплот христиан, и город был взят всего за две недели. Госпитальеры были оттеснены к галерам и морем отправились к Родосу, а те немногие, кто не добрались до галер, были обезглавлены, а их головы уложены в привычную пирамиду. Это была демонстрация против неверных, в традициях гази, рассчитанная на одобрение мусульманского мира.

Из Ангоры войска Тимура продолжали преследовать уцелевшие остатки османской армии, бежавшие десятками тысяч по плато или через горы в сторону Дарданелл. Здесь генуэзцы и венецианцы, которые раньше с готовностью переправляли их в Азию, теперь с той же готовностью переправляли их обратно в Европу. Такое проявление вероломства вызвало у Тимура приступ бешенства. Но это поведение было понятным. Венецианцы и генуэзцы предпочитали врага, которого успели изучить, врагу неизвестному. Это было показателем того, как сильно османы за два поколения сумели укорениться на Балканах. Христианское население их молчаливо приняло наследниками Византии. В Анатолии Тимур натравливал друг на друга четверых других сыновей Баязида, оставшихся в его руках в качестве вассалов. Он в каждом из них поддерживал надежду на признание единственным законным наследником османского трона. Он дал Сулейману полномочия татарского вассала на османских территориях в Европе.

Теперь, когда будущее Османской империи было в его руках, Тимур благосклонно отнесся к инициативам европейских держав. Но когда император Византии предложил признать его суверенитет и выплатить ему соответствующую дань, Тимур ответил приказом подготовить флот для переправы своих солдат через пролив в Европу. Это породило паническое предположение, что армия Тимура намерена осадить Константинополь. Но у него не было замыслов, направленных ни против Европы, ни против Анатолии, где он, согласно традициям гази, вернул местным правителям их земли. В данном случае Тимур рассматривал свою кампанию не более как рекламный рейд. Его имперские амбиции лежали на Востоке. Вскоре после смерти Баязида в 1403 году он уехал из Малой Азии в Самарканд, чтобы больше никогда не возвращаться. Он готовился покорить Китай, но умер по пути туда, на два года позже Баязида, заболев лихорадкой, осложненной общей усталостью и (по словам Гиббона) «опрометчивым употреблением ледяной воды». Татарские орды ушли, оставив после себя полный хаос.

Это сокрушительное поражение османов в Анатолии могло повлечь за собой распад недолговечной Османской империи – так же, как в свое время под ударами монголов в Малой

Азии распалось государство сельджуков. Оно действительно привело к десятилетию дестабилизации, иногда переходящей в анархию, поскольку конфликтующие внутренние силы боролись за власть друг с другом. Возникла опасность, что в ходе этой борьбы центральная власть может оказаться в руках провинциальных беев, как это уже случилось в других мусульманских государствах. Четыре сына Баязида боролись за императорский трон, к ним позднее присоединился пятый претендент. Претензии каждого поддерживались его группой сторонников из числа местных династий, озабоченных своими привилегиями. Император Византии поощрял кандидата, наиболее способного удовлетворить его собственные интересы, а вассальные христианские государства Балкан предпринимали попытку вернуть себе часть ранее принадлежавших им земель.

Территория империи разделилась на две части – между Европой, с одной стороны, где старший сын Баязида Сулейман правил из Адрианополя, и Анатолией – с другой, которой из Бурсы управлял младший сын Мехмед. Понимая, что ни одна империя не переживет такого распада, каждый стремился распространить свою власть на территорию другого, ведя постоянно возобновлявшуюся гражданскую войну, к которой подключились два других сына, Иса и Муса. После того как Муса убил Сулеймана, он в свою очередь был подавлен Мехмедом, которого император призвал на помощь на другую сторону Босфора и который таким образом вышел окончательным победителем.

В 1413 году он был возведен на трон как султан Мехмед I. Он опирался на поддержку двух могущественных сил: анатолийских беев, которых его отец, Баязид, настроил против себя и власть которых восстановил Тимур, и янычар, оказавших влияние на внутренние дела впервые, но далеко не в последний раз в османской истории. Они поддержали Мехмеда I как «самого справедливого и самого добродетельного из османских принцев». Итак, после периода беспорядков и подрывающей единство децентрализации наиболее сильные элементы одержали верх. Опять была установлена центральная власть, и Османское государство обрело единство под властью Мехмеда I.

Благодаря его выдающимся качествам дальновидного государственного деятеля всего лишь за восемь лет Османская империя была поставлена на прочную основу, возродившись к былому единству и могуществу – к большому разочарованию христиан, – причем в тот момент, когда ее крах казался неизбежным. Византийская империя в этот период неумолимо двигалась к упадку, а династия Османа, больше не раздираемая внутренними противоречиями, доказала свою жизнестойкость. В ней появились новые правители крупного масштаба. Осталось только одно поколение до выхода на историческую арену величайшего из османских завоевателей, Мехмеда II.

Часть вторая. Новая Византия

Глава 6

Мехмед Завоеватель, которому было предначертано покорить Константинополь, был внуком Мехмеда I и сыном Мурада II. Его отец, Мурад, был просвещенным правителем, который за тридцатилетний период своего правления сумел завоевать привязанность и уважение османского народа. Он высоко чтил такие понятия, как честь и справедливость, искренность и простота, неустанно заботился о народном благосостоянии. Он был, по сути, мирным человеком. Но ему приходилось воевать из-за существования постоянных угроз войны. Мурад искал мира для своей страны, чтобы она смогла наконец обрести внутренний порядок и стабильность после десятилетия разброда, конец которому положил его отец. Он искал мира и для себя самого, страстно желая покоя, чтобы наслаждаться удовольствиями, не только чувственными, но также духовными. Стремясь реализовать эту сторону своей натуры, он дважды отказывался от трона в пользу своего юного сына. Но каждый раз его обязывали вернуться.

С самого начала правления Мурада его поискам мира мешали враги и в Европе, и в Азии, провоцируя султана на действия и пробуждая в нем наследственные инстинкты воинской доблести и мастерства. В то же время Мурад старался беречь своих солдат – когда это было возможно – и быть честным со своими врагами в переговорах и выполнении условий договоров.

Сначала с помощью янычар и при поддержке представителей улемы ему удалось подавить внутренний мятеж одного из претендентов на султанат, который еще во время правления его отца бежал к византийскому императору. Затем Мурад начал осаду Константинополя, впервые использовав пушки для обстрела городских стен, а также передвижные башни, из которых можно было их штурмовать. Однако греки защищали город с беспримерным героизмом, воодушевленным чудесным явлением Святой Девы, и Мурад из-за изменения обстановки в Азии был вынужден снять осаду, которая не возобновилась вплоть до восхождения на престол его сына. Тем временем после смерти Мануила Мурад подписал новый договор с его преемником, Иоанном VIII, в котором, по сути, содержался отказ от осады Константинополя, но при этом Византийская империя низводилась до крайней степени подчинения: за ней оставалась лишь небольшая территория, непосредственно примыкающая к стенам города.

Теперь Мурад был вынужден перебросить силы в Анатолию, где другой мятежник, его младший брат по имени Мустафа, выступил против него и где все вассальные князья подняли мятеж. Хотя за Мустафой стояли войска Карамана, он был стремительно разбит и повешен. Его восстание Мустафы было работой «Великого Карамана», мятежного вассала, захотевшего оспорить власть у «Великого Турка». Еще дважды Караман пытался добиться своего, но оба раза терпел поражение, причем каждый раз Мурад даровал ему договор, по которому Караман сохранял свой вассальный статус и не включался в состав Османской империи. Тем временем Мурад взял под контроль остальные государства Западной Анатолии.

В Европе османам теперь противостояли две державы – Венгрия и Венеция, оспаривавшие у них право на остатки Византийской империи: венгры мечтали о панславянской империи, которая включала бы Константинополь, венецианцы стремились окончательно закрепить свое господство на море. Мураду пришлось принять против них меры, когда император продал Венецианской республике важный порт Салоники, бывший на протяжении

многих лет яблоком раздора между османами и греками. В 1430 году Мурад атаковал и вскоре захватил город, подчинив его вместе с окрестностями Османской империи – это была значимая потеря для венецианцев. Султан удержал своих солдат от убийств жителей города, а в мирном договоре предоставил венецианцам право свободного передвижения и ведения морской торговли во всех его владениях. Он также позволил им сохранить за собой те острова и замки на Пелопоннесе, над которыми тогда развивалось знамя святого Марка.

Дух венгерской агрессии на Балканах вновь возродился после смерти в 1437 году короля Сигизмунда, не имевшего наследника по мужской линии, в результате чего династия перестала существовать. Желая во что бы то ни стало закрепить владение территорией к югу от Дуная и тем самым усилить контроль османов над Сербией, Мурад в следующем году захватил мощную крепость Смедерево, которую ранее разрешил сербам построить на Дунае, и изгнал деспота Георгия Бранковича, усиливающемуся влиянию которого он не доверял. Деспот стремился к союзу с венграми и требовал их помощи. После нескольких месяцев осады Мурад так и не сумел захватить Белград. Однако смерть Сигизмунда позволила ему закрепить свой контроль над Валахией и возобновить набеги через Дунай в Венгрию. В это время Венгрия, раздираемая внутренней междоусобицей в условиях безвластия, выбрала переход под польскую корону, монарх которой, Владислав III, стал править двумя странами. Его поддержал национальный герой Венгрии Хуньяди, военный лидер, ставший кошмаром для турок на следующие двадцать лет.

Хуньяди, иначе Ян Корвин Гуниади, которого турки прозвали Янко, имел благородные румынские корни, хотя и не вполне ясную родословную. Янко начал управлять от имени благодарного короля Владислава большой областью в Трансильвании и в конечном счете стал править собственно Венгрией. Для венгров и сербов он был романтическим Белым рыцарем, возглавляющим стремительные кавалерийские атаки в сияющих серебряных доспехах. Его героические ратные подвиги породили в восточной части христианского мира надежду на освобождение Венгрии от турок и на восстановление ее единства. Обороняя около двухсот миль южной границы Венгрии, Янко одержал ряд значимых побед над турецкими войсками, которые понесли серьезные потери. Одновременно он стимулировал религиозное рвение христиан, украшая церкви захваченными османскими флагами и трофеями. Полагают, что Хуньяди вполне мог быть родным сыном короля Сигизмунда, зачатым во время его отступления на родину после битвы под Никополем. Как бы то ни было, теперь он стремился повторить историю, организовав новый Крестовый поход, наподобие похода Сигизмунда, с целью выбить турок из Европы.

Не получив на этой стадии истории никакой поддержки со стороны Запада, кроме благословения папского легата кардинала Юлиана и его личного присутствия в войсках, Крестовый поход черпал свои силы только в Венгрии и Польше, а также впоследствии в присоединившейся к ним Валахии. Некоторую помощь оказали балканские народы – сербы, болгары, боснийцы и албанцы. Тем не менее новому Крестовому походу сопутствовал успех. Переправившись в 1443 году через Дунай, крестоносцы захватили Ниш, нанеся большой урон его турецкому гарнизону, восстановили власть деспота Георгия Бранковича в его сербских владениях, заняли Софию. А затем, в условиях зимней стужи, совершили переход через покрытый снегом и скованный льдом Балканский горный хребет, чтобы выйти к лежащей за ним Фракийской равнине.

Продвижение крестоносцев через перевалы турки нередко блокировали обломками скал, а в одном месте склоны гор всю ночь поливали водой, превратившей тропы и стены в лед. Этот поход крестоносцев был военным подвигом, почти не имевшим параллелей в истории. Но в итоге после победы в день Рождества Христова они были сломлены непогодой, ставшей причиной проблем со снабжением, а также усилившимся давлением со стороны турок, так что Хуньяди приказал отступить в Буду. Его солдаты, измотанные холодом,

исхудавшие до состояния скелетов из-за голода, в конце концов добрались туда и, ведомые королем Владиславом, прошли по городу в пешем строю, распевая христианские гимны и потрясая турецкими знаменами. Венгерский народ встретил их с восторгом, и в кафедральном соборе была проведена торжественная служба, чтобы возблагодарить Всевышнего за помощь в минуту крайней опасности.

Мурад, мирный человек, воздержался от преследования войск крестоносцев за Дунаем. В Сегеде он заключил десятилетнее перемирие, по которому Сербия и Валахия были, по существу, освобождены от зависимости от Османской империи, в то время как венгры согласились не переходить Дунай и не претендовать на Болгарию. Владислав и Мурад скрепили договор клятвой, христианин – на Евангелии, а мусульманин – на Коране.

В пределах границ империи Мурад, восстановив единство Османского государства, предпринял конструктивные шаги к созданию сильного централизованного правительства. Он увеличил численность и расширил сферу деятельности корпуса янычар, ставшего его главным инструментом. В этот корпус теперь набирались не только юноши, захваченные в бою, но молодые люди из местного христианского населения в различных провинциях страны. Достигнув численности семь тысяч человек, янычары теперь считались опорой государственности и поддерживались даже сипахами, личной кавалерией султана и корпусом военных чиновников – все они имели рабское происхождение. Стремясь возместить ущерб из-за поражения Баязида, Мурад старался заложить прочный фундамент, на котором династия Мурада II могла бы строить свое будущее.

Тогда султан впервые стал подумывать об уходе от государственных забот в уединение своего азиатского дворца в Магнесии. Готовясь к этому шагу, Мурад вызвал в Адрианополь своего двенадцатилетнего сына Мехмеда, чтобы тот служил в качестве губернатора под надзором великого визиря Халила Чандарлы-паши. Этот шаг вызвал опасения Халила и других визирей, полагавших, что мальчик, пусть смышленый и не по годам развитой, все же еще не созрел для управления государством.

Мехмед II, родившийся при недобрых предзнаменованиях – во время эпидемии чумы, которая унесла жизни двоих братьев его отца, имел несчастливое детство и отнюдь не лучшее воспитание. Он был третьим сыном отца, отдававшего предпочтение двоим его старшим сводным братьям – Али и Ахмеду – и не рассматривавшего его в качестве возможного наследника трона. Более того, матери каждого из братьев были женщинами достаточно благородного происхождения и положения в обществе, тогда как мать Мехмеда была девушкой-рабыней предположительно христианского происхождения. Таким образом, в жилах Мехмеда текла кровь, давшая ему черты совершенно отличные от черт характера его отца и деда.

Воспитывавшийся главным образом нянькой, он был увезен из Адрианополя в двухлетнем возрасте вместе с братом Али в Амасью, где губернатором был их четырнадцатилетний старший брат. Город был расположен в гористой провинции Северной Анатолии, между центральным плато и побережьем Черного моря. Это было место, населенное старинными и влиятельными османскими родами, на женщине одного из которых был женат отец Мурада. Амасья также являлась религиозным центром и для исламского истеблишмента, и для странствующих дервишей, еретиков из Персии. Это было место рождения самого Мурада, который ввел традицию, поддержанную некоторыми султанами последующих времен, посылать своих сыновей под присмотром доверенных чиновников в подобные азиатские провинции, далекие от столицы, тем самым обеспечивая их изоляцию от народных масс и мятежей в своем регионе. Это была своего рода страховка от подстрекательств к мятежу, более цивилизованная, чем практика братоубийства на имперском уровне, внедренная еще дедом Мурада Баязидом и позже получившая силу закона при его сыне.

Но старшие братья Мехмеда умерли преждевременно. Ахмед подростком внезапно скончался в Амасье. В возрасте шести лет Мехмед наследовал ему на посту губернатора провинции, а остававшийся в живых брат Али был назначен губернатором в Магнесию. Двумя годами позже они, по указанию Мурада, поменялись местами, а несколько лет спустя Али скончался. Он был задушен при невыясненных обстоятельствах в своей постели в Амасье, к большому горю отца, любимым сыном которого, как говорили, он был.

Мехмеда, в одиннадцатилетнем возрасте ставшего очевидным наследником, отец вызвал из Магнесии в Адрианополь. Мурад был совершенно шокирован отсутствием у сына образования. Учителя мальчика считали его трудным ребенком, не желавшим учиться и в особенности невосприимчивым к религиозным наставлениям. Поэтому отец выбрал в наставники Мехмеду для изучения Корана и истории религии прославленного муллу по имени Ахмед Курани. Курд по происхождению, он изучал законы ислама и теологию Корана в Каире, а теперь преподавал в знаменитой семинарии в Бурсе.

Имеется письменное упоминание, что султан вручил учителю розгу, разрешив ему, если необходимо, наказывать наследника. Говорят, мулла как-то занимался с ним, держа розгу в руке, а потом сказал: «Твой отец послал меня учить тебя, но также держать тебя в порядке, если ты откажешься подчиняться мне». Мехмед в ответ рассмеялся. Тогда мулла обрушил на него такой град ударов, что с того времени и впредь ученик относился к своему учителю с большим уважением, вскоре изучил с его помощью весь Коран. При наличии рядом таких просвещенных ученых и советников Мехмед вырос достаточно хорошо образованным.

Помимо этого при дворе Адрианополя Мехмед обучался ведению государственных дел. Этим с ним занимался отец, а после его возвращения в Азию – великий визирь и его окружение. Мехмед, высокомерный и развитой не по годам, в своих отношениях с Халилом довольно скоро проявил надменную решимость идти своим путем. Вскоре после отъезда Мурада сын вызвал в Адрианополе беспокойство своей явной поддержкой еретического религиозного движения в лице персидского миссионера, лидера секты дервишей, которая проповедовала, в числе других неортодоксальных взглядов, духовное родство ислама и христианства. Мехмеду пришлись по душе экзальтированные идеи проповедника. Он привечал его при своем дворе и тем самым существенно помог проповеднику найти восприимчивую аудиторию среди жителей города.

Это вызвало тревогу и негодование религиозной верхушки, возглавляемой великим муфтием, и великого визиря Халила, который был мусульманином старой школы. Застав перса в момент произнесения ересей, они задержали его. Но проповедник бежал и укрылся у Мехмеда во дворце султана. Мехмеду, однако, пришлось выдать своего протеже муфтию, который так яростно осудил еретика с кафедры мечети и настолько возбудил чувства толпы, что люди сожгли проповедника, привязанного к столбу, причем муфтий даже опалил свою бороду, слишком близко подойдя к костру. Последователи еретика тоже были уничтожены. Инцидент обнаружил у Мехмеда пристрастие к персам и к неортодоксальным взглядам, что было характерно для его пытливого ума, но чревато опасными последствиями в будущем. Плохое начало во взаимоотношениях юного наследника с османским религиозным и гражданским истеблишментом было ударом по самолюбию молодого человека, посеявшим в его душе семена горькой обиды. Халилу он этого так и не простил. У Мехмеда, с детства замкнутого по характеру, такие кризисы лишь усиливали чувство отчужденности от всех.

Скоро это обстоятельство стало фактором, способствовавшим началу восстания янычар. Преданные и исполненные уважения к своему признанному господину, Мураду, они с негодованием отнеслись к необходимости получения приказов от его неопытного, юного, но властного сына. Янычары потребовали прибавки к жалованью. Получив отказ, они поднялись против юного наследника, устроив поджог. Пожар распространился по Адрианополю,

уничтожив кварталы в районе базара. За ним последовали грабежи и резня. Главным объектом их враждебности был личный советник Мехмеда, евнух Шихабеддин-паша, который был вынужден искать убежища во дворце. В конце концов, чтобы умиротворить янычар, прибавка к жалованью была разрешена.

Этот эпизод, однако, расширил брешь между Халилом и Мехмедом и стал симптомом появления нового источника конфликта, который быстро разрастался после проведенной Мурадом реорганизации системы вербовки янычар и распространения принципа набора христиан для выполнения не только военных, но и гражданских обязанностей. Это не могло не привести к развитию института управления, в котором христианские вероотступники, одним из которых был Шихабеддин, могли подниматься до высших государственных постов. Все чаще христиане возвышались за счет знатных правящих мусульманских родов, которые, как заявил Халил Чандарлы, обнаруживали себя исключенными из системы власти. Именно Халил мог поощрить это восстание янычар против Шихабеддина с целью утвердить собственную власть и преподать урок юному Мехмеду. Здесь мы видим суть конфликта между старым и новым, между традиционным мусульманином и ренегатом-христианином, который теперь стал разъединяющей силой в административном аппарате империи. Представляется, что он мог повлиять на решение Мурада уйти со сцены, предоставив Халилу решать проблему, в которую султан предпочел не вмешиваться лично.

Но его первый уход из власти длился всего лишь три месяца. Время для окончательного ухода еще не настало. Кампания Хуньяди вызвала за границей волну энтузиазма наряду с обещаниями поддержки христианского дела, которая включала отправку морских сил для защиты свободы плавания через проливы. Резко изменилось отношение к сохранению договора с Мурадом. Император Византии, мобилизуя силы на проведение кампании в Морее, писал Владиславу, убеждая его в том, что «защитник христианского мира» должен устоять. Владислав вместо ратификации договора заявил о решимости продолжить Крестовый поход, чтобы «отбросить за моря языческую секту Мухаммеда». В этом проявилось влияние на него папского легата кардинала Юлиана.

Воспользовавшись тем, что Мурад находился далеко – в Азии – и потому был безопасен и, более того, удерживался там благодаря контролю над Геллеспонтом со стороны христианской военной эскадры, Юлиан отпустил Владиславу грех нарушения «поспешной и святотатственной клятвы врагам Христа», подчеркнув, что никакое обещание, данное «неверным», нельзя считать имеющим силу. Договор, подписанный на Евангелии, был отменен во имя Святой Троицы, Девы Марии, святого Этьенна и святого Владислава, и цели крестоносцев были освящены как «следование дорогой славы и спасения». Против турок были выставлены войска, не включавшие сербский контингент, поскольку деспот Бранкович, получив по договору все, что ему хотелось, не одобрил его отмену и претендовал на нейтралитет. Зато крестоносцы получили значительные подкрепления из Валахии, составившие почти половину их общей численности. Все были в приподнятом настроении, надеясь на победу в отсутствие султана и его армии за рубежом.

Но в ноябре 1444 года Мурад внезапно появился в Варне. Он ускользнул от морского дозора, воспользовался попутными ветрами, подкупил жадных генуэзцев, чтобы обзавестись транспортом, и переправился через проливы при поддержке береговых батарей, чтобы противостоять христианам, причем его силы были втрое больше. В завязавшемся сражении первый эшелон янычар отразил главную атаку христиан и обеспечил победу с большими потерями с обеих сторон. Владислава сбили с лошади, и он принял смерть на поле боя; его голова в шлеме была поднята на копье, а позади него на другом копье несли пронзенную копию разорванного договора – это было уроком христианского вероломства, который должен был запомниться османским войскам. Кардинал Юлиан, инициировавший все это,

спасся бегством, и его никогда больше не видели, ни живым, ни мертвым. Хуньяди исчез вместе с Владом Дракулой, вождем валахов, который отплатил ему за давнюю обиду, продержав некоторое время в Валахии в качестве узника. После сражения голова короля Владислава, сохраненная в меду, была отправлена в Бурсу, первоначальную столицу Османской империи, где ее вымыли в реке, затем вновь водрузили на копье и пронесли по улицам.

Победа позволила Мураду восстановить контроль над всей территорией до Дуная. И он почувствовал, что теперь может уйти. На этот раз в конце 1444 года он официально отказался от трона в пользу Мехмеда, который отныне должен был править не просто как губернатор в Европе, как раньше, но со всеми правами султана. Мурад взял себе в качестве личных владений, но под юрисдикцией сына территорию в трех районах Анатолии, вокруг Магнесии. Он обосновался в окружении великолепной природы, возведя новый дворец с прекрасными садами, обращенный фасадом к широкой долине. Здесь, в обществе поэтов, мистиков, богословов и ученых, он стремился вести идеальную жизнь религиозного братства, как это делали его предки гази – читать, писать, размышлять, слушать дервишей. Бывший султан стремился положить начало развитию турецкого языка – как средства выражения культуры, – отличного от персидского и арабского языка. Он поощрял новое движение в турецких исторических исследованиях, которое концентрировалось, в «романтическом» духе, на деяниях выдающихся предшественников Османов и истоков племени огузов. Иностранные дипломаты, время от времени наносившие визиты Мураду, отмечали, что он принимал их не в комнатах для официальных приемов, а в личных апартаментах.

К весне 1446 года он снова прибыл в Адрианополь, вызванный туда по настоянию Халила, отношения которого с юным Мехмедом быстро ухудшались, и был с восторгом встречен народом, запомнившим его простоту и справедливость. Причиной второго возвращения Мурада был политически неразумный и невыполнимый план его сына напасть на Константинополь в то время, когда армии османов были вовлечены в операции одновременно на границах Греции и Албании. Это опять являлось результатом конфликта в правящих кругах между Халилом, проводившим политику мира, и группой высокопоставленных военных, стремившихся к войне и которых поддерживал воинственный молодой наследник трона. Однако они не смогли свергнуть и сломить власть Халила, который пользовался поддержкой янычар, и не посмели пойти против самого Мурада, на этот раз не собиравшегося отказываться от власти. Теперь ушедшим оказался Мехмед, который удалился в Магнесию, чтобы там поразмыслить о своих заблуждениях и умерить амбиции. А его отец оставался на троне вплоть до своей кончины пять лет спустя.

Война снова потребовала внимания Мурада, менее всего ее желавшего. В Венгрии обстановка пока была спокойной. Но угроза нарастала из-за восстановления власти византийских деспотов над Мореей, что заставило Мурада начать поход в Грецию. Здесь он осуществил успешный штурм массивной и отлично укрепленной стены Гексамилиона, которая была возведена для защиты Коринфского перешейка, и послал свои войска разграбить страну, лежавшую за ней. Он низвел греческих деспотов до положения вассалов и восстановил власть своих латинских вассалов, изгнанных греками.

Другой конфликт возник в Албании, где появился новый борец за сопротивление туркам, сравнимый с Хуньяди в Венгрии. Это был Георгий Кастриоти, сын албанского вассального князя христианского происхождения, которого воспитывали и обучали, когда он был заложником при дворе султана. Там он был обращен в ислам и служил в турецкой армии. Там же он получил имя Искандер-бег, или господин Александр, в результате чего стал в конечном счете известен как Скандербег. Будучи храбрым и патриотично настроенным воином, он бежал из турецкой армии, чтобы сражаться за свою собственную веру и страну, возглавив сопротивление своих соотечественников, которое в целом совпадало с сопротивлением,

организованным Хуньяди. В 1448 году оба лидера объединили силы в рамках наступления венгров на турок, поддержанного также сербами и боснийцами. Мурад быстро нанес им поражение на историческом поле битвы под Косовом, где шестьюдесятью годами раньше его предок Мурад I нашел свою смерть в момент победы над сербами и венграми. Это поражение означало конец независимости Сербии. На некоторое время была подорвана и военная мощь Венгрии. Босния стала вассальным государством османов. Однако в Албании Скандербег из своей неуязвимой крепости в Крое, ведя активную партизанскую войну, противостоял всем попыткам завоевания, тем самым унизив Мурада на склоне лет, а затем, на протяжении последующих двадцати лет, – аналогичным попыткам Мехмеда. В период пребывания в Магнесии Мехмед воспылал чувствами к девушке-невольнице по имени Гюльбахар, предположительно албанского или греческого христианского происхождения, которая родила ему сына, позже правившего под именем Баязида II. Мурад, руководствуясь династическими соображениями, посчитал ее недостойной невестой для своего сына и позже, когда юный наследник достиг семнадцати лет, устроил для него более подходящую партию, женив его с соответствующими торжествами на Ситт-ханум, дочери важного туркменского князя. Но Мехмед никогда не любил ее; она не родила ему детей; и когда он перевел свой двор в Константинополь, ее не взяли, оставив забытой в гареме дворца в Адрианополе. Впредь ни одна женщина не играла существенной роли в его чисто мужской жизни.

В последние годы своей жизни Мурад стал проявлять больше дружелюбия к сыну, который наносил визиты в Адрианополь и сопровождал отца в нескольких военных кампаниях. Мехмед принял свое боевое крещение, командуя анатолийскими войсками в битве под Косовом, и участвовал вместе с отцом в безуспешной осаде Крои в Албании в 1450 году. Когда годом позже Мурад скончался от апоплексического удара, Мехмед находился в Магнесии. Получив известие, он, как гласит история, немедленно вскочил на своего арабского коня и поскакал к северу, к Геллеспонту, со словами: «Всякий, кто любит меня, пусть следует за мной!»

Он остановился на два дня в Галлиполи, чтобы дождаться прибытия свиты, а затем отправился в Адрианополь. Там в присутствии множества людей он взошел на престол. Заметив, что Халил, ближайший друг его отца, и второй визирь Исхак-паша стоят немного в стороне, словно опасаясь за свое будущее, он через главного евнуха передал им приглашение занять привычные им места. Затем он подтвердил, что Халил сохраняет свой пост, Исхака назначил губернатором Анатолии с инструкцией доставить тело его отца в Бурсу.

Вдова Мурада, женщина из знатного османского рода, подошла к Мехмеду, чтобы выразить соболезнования по поводу смерти отца и поздравить с восхождением на трон. В это время ее малолетнего сына Ахмеда утопили в ванне по приказу Мехмеда – это братоубийство выражало страх сына рабыни лишиться трона. Лишенная всего вдова Мурада была отправлена в Анатолию в качестве принудительной невесты губернатора – Исхак-паши.

Позже, в Бурсе, Мехмед еще раз столкнулся с бунтом янычар. Он энергично подавил его, изгнав многих из корпуса, но в качестве разумной предосторожности повысил жалованье оставшимся янычарам. Это весьма дальновидный шаг, который тем не менее создал для последующих султанов достаточно затруднительный прецедент. Одновременно он сформировал несколько новых подразделений из дворцовых охотников и сокольничьих – сильный отряд, из которого он мог выбирать воинов на должность аги (начальника) и для службы в своей челяди. Реорганизованные янычары превратились в еще более мощное ядро османской армии, чем когда-либо ранее. Вскоре Мехмед был готов к началу великого предприятия, которое он задумал уже давно, – осаде Константинополя.

Глава 7

У христианских держав сложилось невысокое мнение о юном султане, теперь Мехмеде II. Оценивая его по провалам на заре карьеры, они все еще видели в Мехмеде неопытного юношу с сомнительным авторитетом, который едва ли мог что-либо добавить к завоеваниям своего отца. Однако Мехмед быстро превратился во влиятельное лицо. Коренастый, сильный и красивый, он держался с большим достоинством, неизменно был вежлив и сдержан с людьми. Он обладал орлиным профилем и проницательным взглядом, а характер имел холодный и скрытный. В результате окружавшие Мехмеда люди нередко испытывали неловкость, но его живой ум, неукротимая энергия и неослабевающее стремление к цели, желание достичь абсолютной власти неизменно вызывали уважение. В начале правления Мехмед пытался произвести впечатление человека миролюбивого.

«Мир был на его губах, – пишет Гиббон, – но война – в его сердце». Принимая иностранных посланников, он демонстрировал готовность подтвердить договоры своего отца – с венецианцами и генуэзцами, с Хуньяди, с Сербией, Валахией, Рагузой, островами Эгейского моря, рыцарями Родоса, даже с монашеской общиной горы Афон. Послы императора Константина сначала встретили со стороны султана дружественный прием и клятву уважать территорию Византии, а также обещание платить за содержание под арестом в Константинополе его родственника, претендента Орхана (который был внуком Баязида), из доходов некоторых греческих городов, расположенных в долине Струмы.

Однако следующие посланники в его лагерь в Малой Азии оказались недальновидными и заняли жесткую позицию, жалуясь, что обещанные деньги не были выплачены, и даже требуя увеличить сумму. Они позволяли себе при этом демонстрировать скрытую угрозу и намекнули султану, что претендента можно использовать. В ответ на это великий визирь Халил, знавший характер своего юного господина лучше, чем кто-либо другой, посчитал необходимым, как цитирует Гиббон, предупредить послов: «Вы, глупые и жалкие римляне, нам известны ваши замыслы, а вы даже не подозреваете о таящейся в них опасности для вас самих! Осторожного Амурата больше нет; его трон занят молодым завоевателем, которого не могут связать никакие законы и никакие препятствия не могут остановить… Зачем вы пытаетесь испугать нас тщетными и косвенными угрозами? Освободите беглеца Орхана, коронуйте его султаном Романии; позовите венгров из-за Дуная; восстановите против нас страны Запада; и будьте уверены, что вы только спровоцируете и ускорите свою гибель».

Султан успокоил посланников любезными словами. Но император дал повод султану не соблюдать его прежнюю клятву уважать территориальную целостность империи. В Адрианополе Мехмед приказал изгнать греков из городов Струмы и конфисковать их доходы. По возвращении в Малую Азию, переправившись через Босфор в его самом узком месте, напротив замка, построенного султаном Баязидом на азиатской стороне в Анадолу Хисары, он приказал построить новый замок на европейском берегу, расположив его напротив первого, что на территории Византии. Это гарантировало османам контроль над проливом и обеспечило базу для намеченной осады Константинополя.

Император немедленно направил своих послов с заявлением протеста против нарушения существующего договора, напомнив Мехмеду, что Баязид спросил разрешения императора, прежде чем построить собственный замок. Но султан презрительно отказался принять послов. Когда работа над крепостью началась, император направил других послов с дарами, продовольствием и напитками, чтобы просить защиты для греческих деревень на Босфоре. И снова султан проигнорировал их. Когда прибыло третье посольство, требуя гарантии, что строительство замка не является подготовкой к нападению на Константинополь, Мехмед

бросил послов в тюрьму и отрубил им головы. Это было равносильно объявлению войны. С тех пор в Константинополе воцарился страх. «Это конец города, – жаловались люди, – конец нашего народа. Это дни Антихриста».

Зимой 1451 года Мехмед приказал собрать около пяти тысяч каменщиков и других рабочих из всех провинций империи. Люди султана повсюду реквизировали строительные материалы, а следующей весной были разрушены церкви и монастыри, чтобы расчистить территорию и окрестности, а также обеспечить каменщиков строительными материалами. Султан лично занимался планированием стен замка и весной прибыл на стройку, чтобы осуществлять надзор и ускорить строительные работы. За четыре с половиной месяца замок был возведен и назван Богаз Кесен, что означает «Разрезающий пролив» или «горло». Греки называли его Румели Хисары, или Замок Румской земли, в отличие от расположенного на противоположном берегу Анадолу Хисары – Анатолийского замка.

Строительные работы были завершены, и султан со своей армией подошел к стенам Константинополя, где провел три дня, осуществляя разведку оборонительных сооружений. Затем он вернулся на зиму ко двору в Адрианополь, оставив в замке гарнизон численностью пятьсот человек. Он приказал, чтобы каждое судно, следующее через пролив в любом направлении, спускало паруса и становилось перед замком на якорь для получения разрешения продолжать плавание и внесения платы за право прохода. В случае отказа судно следовало потопить замковой артиллерией, состоявшей из трех громадных пушек, установленных на башне у воды. Каждая пушка могла выстрелить каменным ядром весом 600 фунтов.

Эти орудия были работой венгерского инженера по имени Урбан, эксперта по литью металла. Сначала Урбан предложил свои услуги императору, но тот не смог оплатить его труд и материалы, в которых он нуждался. Поэтому инженер предложил свои услуги султану, заявив, что может изготовить пушку, способную сровнять с землей стены не только Византии, но и самого Вавилона. Мехмед, интересовавшийся каждым новым изобретением военной науки, был полон решимости оснастить свои войска наиболее современным из имеющегося оружия. Он постоянно изучал технические руководства по строительству современных крепостей и осадных машин, консультировался с иностранными экспертами по вооружению, которых приглашал к своему двору. Так что он немедленно нанял Урбана за самую высокую плату и в качестве первого испытания его мастерства приказал изготовить пушку для башни новой крепости Богаз Кесен, достаточно дальнобойную, чтобы контролировать Босфор. Готовое через три месяца орудие сразу подверглось проверке: венецианское судно, шедшее по проливу с грузом зерна по пути в Константинополь, отказалось остановиться и было – весьма эффектно! – потоплено прямым попаданием ядра.

Тогда Мехмед заказал Урбану изготовить в литейной Адрианополя другую пушку, в два раза большего размера. Когда она была готова к испытаниям, для ее обслуживания и транспортировки сформировали отряд в семьсот человек с пятнадцатью парами волов, которые с большим трудом смогли сдвинуть ее с места. Это гигантское орудие длиной более 26 футов и диаметром 8 дюймов было заряжено ядром весом 12 сотен фунтов. Окрестных жителей предупредили, чтобы они не пугались звука выстрела. Потом фитиль был подожжен, и орудие, установленное неподалеку от дворца султана, произвело выстрел. Его звук был слышен на 10 миль вокруг, а ядро пролетело около мили и зарылось в землю на глубину 6 футов.

Восхищенный успехом этих испытаний, султан приказал выровнять дорогу и укрепить мосты, чтобы весной пушку можно было перевезти к назначенному для нее месту у стен Константинополя. Тем временем в литейных султана шла отливка других пушек, но меньшего калибра. Таким образом он создавал артиллерию, стрелявшую с помощью черного пороха, какой еще не видел Восток, хотя на Западе она была известна уже на протяжении столетия. Против этих орудий каменные стены, построенные в раннее Средневековье, больше не могли служить надежным средством защиты.

На протяжении зимы 1452 года султан был полностью занят приготовлениями к осаде Константинополя. Не зная сна, он ночи напролет изучал чертежи оборонительных сооружений города, планируя направления атаки, позиции войск, места установки осадных машин, батарей, производства подкопов. Он мог за полночь, одетый как простой солдат, всего лишь с парой спутников, бродить по улицам Адрианополя, чтобы знать настроение народа и солдат. Если кто-либо осмеливался узнать султана и приветствовать его, Мехмед, безразличие которого к человеческой жизни уже давно вошло в поговорку, на месте убивал такого человека кинжалом. В одну из ночей, в предрассветные часы, Мехмед послал за великим визирем Халилом, который из предосторожности взял с собой блюдо с золотыми монетами. Когда его спросили, зачем он это сделал, Халил ответил, что в обычае слуг султана приносить с собой подарки, когда господин неожиданно вызывал их к себе. Мехмед отодвинул блюдо в сторону, сказав: «Я хочу только одного. Дай мне Константинополь». После этого он сообщил Халилу, что осада начнется в самое ближайшее время. Отпустив его, султан вновь вернулся к своим планам.

Армия, которую Мехмед собрал во Фракии из всех провинций своей империи, составила в конечном счете несколько сотен тысяч человек, включая двадцать тысяч нерегулярных войск. Ее ядро составляли двенадцать тысяч янычар. Султан лично позаботился о снаряжении армии, используя оружейные мастерские всей империи для изготовления нагрудных пластин, щитов и шлемов, дротиков, мечей и стрел, а его инженеры сооружали катапульты и стенобитные тараны. Против этой силы греки в Константинополе, население которого сократилось и составляло менее пятидесяти тысяч человек, могли выставить всего семь тысяч защитников. В это число входило около двух тысяч иностранцев, главным образом венецианцев и генуэзцев, которые объединились, чтобы помочь горожанам «ради чести Господа Бога и христианства», вместе с командами судов, находившихся в бухте Золотой Рог. С этим войском византийцам предстояло оборонять 14 миль городских стен. Более того, в их распоряжении были только легкие пушки.

Их воодушевило лишь своевременное прибытие генуэзского эксперта по обороне городов-крепостей Джованни Джустиниани, которого император назначил главнокомандующим и который немедленно при активной помощи населения приступил к работе по укреплению стен, расчистке рвов и улучшению обороны в целом. Были собраны все имеющиеся запасы оружия для его перераспределения туда, где оно требовалось больше всего. Испытывая нехватку не только в живой силе, но и в деньгах, император учредил фонд обороны, в который вносили пожертвования частные лица, монастыри и церкви. В церквях переплавляли серебряную утварь, чтобы чеканить монеты.

Султан прекрасно понимал причину неудач предшествующих осад Константинополя: город подвергался атакам только со стороны суши. Византийцам всегда приносило пользу господство на море, и они могли доставлять морем запасы воды. Турки же зависели от христианских судов для транспортировки своих войск из Азии. Поэтому, как отчетливо видел Мехмед, было жизненно необходимо собрать не только наземные, но и военно-морские силы. Этому вопросу он уделил самое пристальное внимание. И теперь осадный флот Мехмеда состоял не только из старых, но и из новых судов, быстро построенных на верфях Эгейских островов, и насчитывал около 125 кораблей различных размеров, наряду с различными вспомогательными судами.

Весной 1453 года эта армада под командованием болгарского адмирала вышла из Галлиполи в Мраморное море, и греки, к своему изумлению и ужасу, поняли, что турки обрели флот, который оказался в пять раз больше, чем их собственный. Султан собрал совет министров, чтобы обнародовать планы войны и получить санкцию на их реализацию, сумев убедить министров, что теперь османы господствуют на море. Он утверждал, что, несмотря на прошлые достижения, Османская империя никогда не будет в безопасности, пока не овла-

деет Константинополем. По ряду причин он был убежден, что город нельзя считать неприступным. Лично для него, заключил Мехмед, ясно одно: если он не сможет править империей, включающей Константинополь, то предпочел бы не править вовсе. Совет единогласно поддержал его.

Султан также получил поддержку духовенства. Армия султана верила, что сам Пророк Мухаммед отведет особое место в раю тому солдату, который первым ворвется в город. Разве Мухаммед не пророчил: «Они завоюют Константинию. Славой будут покрыты князь и армия, которые сделают это!» Султан сам часто заявлял, что будет именно этим князем, торжествующим над «неверными» во имя ислама.

Греки, со своей стороны, были очень встревожены дурными предзнаменованиями, преследовавшими их на протяжении всей долгой и суровой зимы: землетрясения, ливни, зарницы, кометы, наводнения. Все они, по их мнению, предвещали конец империи и приход Антихриста. В канун Рождества Христова в огромном храме Святой Софии прошла торжественная служба, на которой был провозглашен союз между греческой и латинской церковью, ранее согласованный во Флоренции. Но греческая конгрегация неохотно принимала этот факт, и лишь немногие греки были готовы войти в церковь, где служили только священники, поддержавшие союз.

С наступлением весны султан стал перебрасывать свою огромную армию через Фракию к стенам города, куда тяжелая артиллерия прибыла раньше, а он подошел с последним отрядом 2 апреля 1453 года, в понедельник Пасхальной недели. Мехмед поставил свой шатер, ставший штаб-квартирой, на возвышенности, напротив центральной части стен сухопутной стороны. Янычары стали лагерем вокруг него, и вблизи была оборудована огневая позиция с гигантским орудием и еще двумя – меньшего калибра. Император занял позицию прямо напротив позиции султана, у ворот Святого Романа, имея на флангах войска генуэзцев под командованием Джустиниани. Дабы продемонстрировать поддержку еще и христиан Венеции, он велел провести тысячу венецианских моряков, одетых в узнаваемую форму, по стенам, чтобы все турки могли их видеть.

Дипломатия не дала результата, и император написал султану: «Поскольку очевидно, что ты хочешь войны больше, чем мира, и я не могу удовлетворить тебя ни моими заверениями в искренности, ни моей готовностью клятвенно подтвердить лояльность, пусть будет так, как ты желаешь. Теперь я обращаюсь к Богу и взираю только на Него. Если Он пожелает, чтобы город стал твоим, кто сможет противиться этому? Если он дарует тебе желание мира, я буду только счастлив. Но я освобождаю тебя от всех твоих клятв и договоров со мной и закрываю ворота моей столицы. Я буду защищать свой народ до последней капли крови. Правь в согласии с Высшей Справедливостью, пока Бог не призовет нас обоих к Себе, чтобы рассудить».

Итак, ворота города были закрыты и мосты через рвы снесены. Для защиты стен с морской стороны под наблюдением генуэзцев была протянута цепь из деревянных понтонов через вход в бухту Золотой Рог. Она защищала двадцать шесть кораблей, стоящих в бухте. До этого семь кораблей – шесть критских и один венецианский – тайно отплыли, чтобы избежать осады, с семью сотнями итальянцев на борту. Но больше подобных дезертирств не было. Всю Святую неделю народ молился в церквях об избавлении. Когда она окончилась, султан в соответствии с законом ислама направил своих парламентеров с флагом перемирия и последним предложением мира. В обмен на добровольную сдачу он обещал сохранить жителям города жизнь и собственность под османским протекторатом. Горожане сдаться отказались. И 6 апреля начался обстрел. Неделю спустя он усилился и продолжался без перерыва в течение шести недель.

В стремлении проломить стены города султан полагался скорее на артиллерию, чем на людскую силу, причем не только на пушки и мортиры, но и на катапульты. Его войска, однако, не смогли добиться быстрого успеха. Хотя стены во многих местах были повреждены огромными ядрами, а несколько башен снесено, существенных проломов в стенах не было, и четырехчасовой штурм осман окончился неудачей. Греки под руководством Джустиниани быстро ликвидировали ущерб и укрепили ослабленные участки, используя для этого тюки шерсти и куски кожи, но там, где угроза была наибольшей, соорудили частокол из деревянных брусьев и бочек с землей.

Ничуть не успешнее оказалась и атака турок с моря, где корабли султана дважды пытались преодолеть понтонное заграждение на входе в бухту, и оба раза их постигла неудача. Более того, в середине апреля три генуэзские галеры, нагруженные оружием и боеприпасами и сопровождаемые греческим транспортом с Сицилии, смогли пройти через Дарданеллы и появились перед городом. Получив известие об их прибытии, султан лично отправился к адмиралу, чтобы отдать приказ. Он должен захватить и потопить суда и, если не сделает этого, пусть лучше не возвращается живым. В течение всего дня, на виду у жителей города, бушевало морское сражение. Корабли христиан, лучше вооруженные и управляемые опытными моряками, успешно миновали турок и благополучно вошли в убежище – бухту Золотой Рог. Султан, наблюдая за поражением своих кораблей с берега Босфора, настолько разгневался, что загнал своего коня в воду и, несмотря на свое невежество в морском деле, стал выкрикивать команды адмиралу и его экипажам, сопровождая их проклятиями. Но и это ничего не изменило. После сражения он излил на адмирала все свое негодование, подвергнув его порке и угрожая посадить на кол. Вместо этого он снял адмирала с должности и конфисковал всю его личную собственность, распределив ее между янычарами.

Мехмед ясно видел, что Константинополь не может быть взят одной лишь атакой с суши, а его морское наступление провалилось. Чтобы исправить ситуацию, Мехмед нашел остроумное решение, возможно подсказанное ему находившимся у него на службе итальянцем: перетащить свои корабли с Босфора в Золотой Рог, обойдя заграждения на входе. Инженеры Мехмеда построили с этой целью дорогу, идущую вверх по долине, через водораздел, лежащий на 200 футов выше уровня моря, а затем спускающуюся к гавани по другой долине. На всем протяжении дорогу выложили смазанными жиром бревнами, чтобы по ним могли двигаться металлические салазки. На них укрепили морские суда, поднятые из воды системой блоков, и по суше перевезли с помощью упряжек волов.

С поднятыми парусами, развевающимися флагами и гребцами, поднявшими весла в воздух, они создавали у изумленных христианских моряков и наблюдателей иллюзию морского флота, идущего вниз по холму в направлении гавани. Вскоре в водах Золотого Рога, в самом центре морской обороны греков, на плаву оказалось около семидесяти турецких кораблей. Попытка венецианцев и генуэзцев использовать против них легковооруженные корабли, за которыми шли две большие галеры, окончилась неудачей ввиду отсутствия элемента внезапности и действий турецких береговых батарей, потопивших два корабля. Греки таким образом потеряли контроль над Золотым Рогом, и турки теперь могли действовать в их тылу. Они смогли окружить и взять под контроль генуэзцев в Пере; построить понтонный мост через гавань, выше города, и тем самым укрепить свои коммуникации; поставить под угрозу стены с морской стороны и тем самым существенно ослабить оборону.

За этой морской победой турок не последовала немедленная атака по суше. Оба противника вели лишь незначительные военные действия. В городе закончилось продовольствие, а снабженческий флот из Венеции так и не пришел. Моральный дух защитников Константинополя упал. В отсутствие помощи от христианского Запада нашлись те, кто попытался убедить императора покинуть город и организовать сопротивление вне его стен. Он отказался со словами: «Для меня невозможно уйти: как могу я покинуть церкви нашего

Господа, Его слуг – священников, и трон, и мой народ в столь трудном положении?.. Я умоляю вас, мои друзья, в будущем не говорить мне ничего другого, кроме: «Нет, Господин, не оставляйте нас. И я никогда вас не покину». Он предпочел «последовать примеру Доброго Пастыря, который положил жизнь свою за овцы своя».

После почти семи недель осады с применением наиболее современных из имевшихся вооружений ни один турецкий солдат еще не вошел в пределы города. Попытки сделать подкопы под стены и перекинуть мосты через ров окончились неудачей. Операции в бухте Золотой Рог не принесли решающего успеха. В этот критический момент великий визирь Халил, который с самого начала не поддерживал идею осады, при поддержке своих молодых коллег стал убеждать султана предложить грекам мир. Через эмиссара он предложил императору выбор между выплатой крупной ежегодной дани и свободным уходом из города жителей со всем их имуществом и королевство в Пелопоннесе для него лично. Император отверг оба предложения. Султан заявил, что теперь у греков нет иного выбора, кроме сдачи в плен, смерти от меча или обращения в ислам.

Он объявил свои заключительные планы штурма, который был назначен на вторник, 29 мая. Накануне в воскресенье султан объехал всю армию, в сопровождении глашатаев, доводивших до всеобщего сведения, что, согласно обычаю ислама, солдатам будут даны три дня на разграбление города, богатства которого будут честно поделены между ними. Первый, кто взойдет на стены, будет награжден поместьем и высоким постом в администрации. Для самого султана остаются здания и стены Константинополя. Защитники города уже слышали радостные крики вражеских солдат, доносившиеся из-за стен, и их клич: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк Его». Всю ночь турки засыпали крепостные рвы и подносили оружие под звуки дудок и труб и свет многочисленных факелов, настолько яркий, что лагерь турок казался объятым огнем. Догадываясь, что их ждет, греки могли только преклонять колени и молиться.

Весь следующий день у городских стен царила полная и зловещая тишина, поскольку турецкие войска отдыхали перед штурмом. В городе тишину нарушал звон церковных колоколов и звуки гонгов: горожане с молитвами шли по улицам и вдоль стен, неся иконы и другие священные реликвии. Султан после последней проверки боевой готовности армии созвал министров и командующих войсками в свой шатер. На протяжении веков, напомнил он им, захват столицы христиан был священной обязанностью правоверного мусульманина. Завтра он пошлет своих людей, волна за волной, штурмовать город до тех пор, пока его защитники, измученные и отчаявшиеся, не сдадутся. Султан призвал своих офицеров проявлять мужество и поддерживать дисциплину.

Император, обращаясь к своим командирам, сказал, что мужчина всегда должен быть готов умереть за свою веру, свою страну, свою семью и своего монарха. Сейчас каждый должен быть готов умереть за все эти ценности сразу. Император говорил о славе и традициях великой столицы империи, о вероломстве султана-иноверца, который стремится разрушить истинную христианскую веру, заменив Христа «фальшивым» Пророком. Он призвал своих соратников быть достойными предков, древних героев Греции и Рима, быть храбрыми и непоколебимыми. С Божьей помощью они победят. Такой, по словам Гиббона, была «погребальная речь по Римской империи».

В предрассветные часы 29 мая 1453 года адская какофония звуков – пронзительные боевые кличи, грохот пушек, звон цимбал, рев труб, стоны флейт – возвестила о начале наступления мусульман. Эти звуки смешались со звоном церковных колоколов: когда часовые подали сигнал тревоги, на колокольнях зазвонили по всему городу, чтобы все узнали о начале сражения. Воины бросились на свои места, женщины поспешили им вслед, чтобы подносить камни и бревна, необходимые для укрепления стен, тогда как старики и дети тол-

пами уходили из своих домов в церкви, чтобы исповедоваться и обратиться к Богу с последней мольбой о спасении города. Прихожане, не сомкнув глаз, молились до рассвета.

Атака султана на городские стены шла тремя последовательными волнами. Первую образовало многоязычное нерегулярное войско, башибузуки, подгоняемое вперед ударами плетей и железных прутьев шедшей за ним шеренги военной полиции. Выставленные против лучше вооруженных и обученных войск, башибузуки тем не менее сражались почти два часа и лишь потом, по приказу Мехмеда, отошли, выполнив свою задачу – измотать противника в начале сражения.

Затем последовала атака хорошо вооруженных и дисциплинированных полков анатолийских войск. Вновь тревожно зазвучали церковные колокола, но на этот раз их звуки потонули в реве выстрелов пушки-монстра и другой тяжелой артиллерии, начавшей разрушать стены, в то время как пехота бросилась на частокол, возведенный под руководством Джустиниани из деревянных брусьев и бочек с землей там, где стены были повреждены предшествующим обстрелом. Турки карабкались по спинам друг друга, устанавливали осадные лестницы, прокладывая себе путь наверх, и были встречены градом камней, а затем втянуты в рукопашный бой. Число атакующих оказалось слишком велико для столь узкого фронта, и они несли большие потери. Но за час до рассвета точным попаданием ядра из огромной пушки Урбана был разрушен значительный участок укреплений. Отряд турок в триста человек стремительно бросился в пролом, крича, что город в их руках. Однако подразделение греков под предводительством императора остановило турок, убив многих и заставив отступить в ров остальных.

Султан также лично участвовал в атаке – не выпуская из рук железной булавы, он то подбадривал своих людей, то угрожал им – и был возмущен этой неудачей. Тем не менее пришло время, согласно плану, ввести в бой янычар, находившихся в резерве для нанесения главного удара. Без промедления они двинулись к укреплениям, подбадриваемые военной музыкой и строго соблюдая боевой порядок под градом летевших им навстречу стрел и других снарядов. Мехмед сам вел их вперед до крепостного рва и остановился там, выкрикивая слова воодушевления, пока один ряд янычар сменял другой. После часа рукопашной схватки воины не смогли существенно продвинуться вперед. Христиане, бившиеся без передышки уже четыре часа, продолжали сражаться с отчаянием обреченных.

А затем защитников города постигли две роковые неудачи. Во-первых, после вылазки против турецкого фланга случайно осталась незакрытой потайная дверь, Керкопорта, в северном углу крепостных стен, и, прежде чем ее успели закрыть, отряд турок прорвался внутрь и начал взбираться на башню. С ними можно было бы справиться, если бы не второе несчастье. Джустиниани был тяжело ранен выстрелом в упор, пробившим его нагрудную пластину. Страдая от сильнейшей боли, он лишился мужества и попросил унести его с поля битвы. Напрасно пытался император уговорить его: «Не бросай меня в момент опасности. Только от тебя зависит спасение этого города». Были открыты внутренние ворота, и люди Джустиниани понесли его по улицам города к Золотому Рогу, где погрузили на генуэзское судно. Увидев это, многие генуэзцы последовали за ним, преждевременно придя к выводу, что сражение проиграно.

Воцарилась паника и смятение. Султан, постаравшись воспользоваться возникшим преимуществом, закричал: «Город взят!» – и отдал приказ янычарам начать последнюю атаку на ворота Святого Романа. Ее возглавил анатолийский гигант Хасан, оружием прокладывая себе путь, по которому шли другие, к вершине частокола. Поверженный на колени, он был убит защитниками города вместе с половиной его товарищей. Но оставшиеся в живых удержали позиции и вскоре были поддержаны другими янычарами, оттеснившими греков и начавшими обстреливать их сверху. Многим янычарам удалось достичь внутренней стены и

подняться на нее, не встречая сопротивления. В то же самое время над башней, высившейся над Керкопортой, взвились турецкие флаги и разнесся торжествующий крик: «Город взят!»

Тем временем император мчался к потайным воротам. Но там смятение достигло такого уровня, что было слишком поздно стараться их закрыть. Турки рвались в город сплошным потоком, и им противостояло лишь небольшое число генуэзцев. Константин повернул коня, чтобы присоединиться к главной схватке у ворот Святого Романа, где турки теперь также шли плотной массой через бреши в укреплениях. Сделав последнюю попытку воодушевить греков, император понял, что бой проигран. Воскликнув: «Город взят, а я все еще жив!» – он спешился, сорвал с себя регалии и бросился в отчаянный рукопашный бой с янычарами, после чего его больше никто и никогда не видел, ни живым, ни мертвым. «Оправданное отчаяние Константина, – описывал эти мгновения Гиббон, – отбросило прочь императорский пурпур; и посреди сумятицы боя он был зарублен неизвестной рукой, и тело его было погребено под горой убитых».

После дисциплинированного входа войск в город через открытые ворота армия завоевателей сама нарушила боевой порядок, и солдаты толпами устремились по улицам города в безумной оргии убийств и грабежей, разрешенных им обычаем. Они грабили церкви, женские и мужские монастыри, разоряли дворцы и жилые дома, не только унося с собой содержимое, но и убивая обитателей. Тысячами бежали греки к великой церкви Святой Софии.

«Всего за час, – пишет историк Михаил Дука, – огромное помещение храма было заполнено мужчинами и женщинами… их было бесчисленное множество. И, закрыв вход, они стояли там, отчаянно надеясь на спасение ангелом. Затем, сражая все на своем пути, убивая и беря в плен, к церкви пришли турки – а ведь день еще только начался. Обнаружив двери закрытыми, они стали рубить их топорами, без угрызений совести».

В то время как священники продолжали возносить молитвы у алтаря, большинство молящихся связали попарно рубашками и шарфами и погнали по улицам к бивуакам, где солдаты свирепо ссорились друг с другом за право обладания миловидными девушками и юношами и богато одетыми сенаторами.

Султан Мехмед отложил свой триумфальный въезд в город, который покорил, до вечера того же дня. Затем, сопровождаемый своими телохранителями из янычар и министрами, он медленно проехал верхом по улицам города, прямо к церкви Святой Софии. Спешившись у дверей церкви, он нагнулся, в восточной традиции поднял пригоршню земли и посыпал голову в знак покорности своему Богу. Войдя в церковь, султан проследовал к алтарю. По пути он заметил турецкого солдата, пытающегося вырубить кусок мраморного пола. Султан повернулся к нему и спросил, почему тот разрушает пол. «Во имя веры», – ответил солдат. Тогда султан ударил его своим мечом и сказал: «Для тебя достаточно богатств и пленников. Здания города переходят ко мне». Турка выволокли за ноги и вышвырнули вон.

После того как султан объявил свободными нескольких греков, все еще таившихся по углам, и разрешил уйти священникам, он отдал распоряжение переделать церковь в мечеть. Мусульманский богослов поднялся на кафедру и произнес молитву. Затем султан сам взошел по ступенькам алтаря и почтительно поклонился Аллаху, единственному Богу, принесшему ему победу. Когда он вышел из церкви, на улицах царила тишина. Дисциплина в армии была восстановлена; однодневного грабежа оказалось достаточно для вознаграждения солдат. Султан проехал верхом через площадь к сильно разрушенному императорскому дворцу, где вспомнил строки персидского поэта: «Паук плетет свою паутину во дворце цезарей; сова окликает стражу на башнях Афрасиаба».

Глава 8

Падение Константинополя потрясло западный христианский мир, став знамением рока. Сетования по поводу случившегося раздавались во всех странах, которые почти ничего не сделали, чтобы спасти город. Даже предпринятая в последний момент попытка помочь оказалась безрезультатной. Направленная к городу папская армада венецианских галер не смогла продвинуться дальше берегов Эгейского моря. Слишком поздно христиане осознали, что утратили последний бастион, за которым Запад так долго прятался и ссорился из-за пустяков в ложном ощущении безопасности. Теперь же случилась беда, угрожавшая всей западной цивилизации. Таковы эмоции, вызванные падением города. На деле Константинополь был утрачен еще столетие назад, и в любом случае в последний момент вряд ли что-то могло надолго отсрочить его падение. Тем не менее шок от случившегося для народов Запада был велик. Занятые своими местными заботами, они не смогли предусмотреть эту трагическую возможность, оставаясь слепыми к военным реалиям. Гарнизон, окруженный многократно превосходящей его по численности и оснащению современной армией в стенах средневекового города, обречен. Османская оккупация Юго-Восточной Европы изолировала столицу в географическом, политическом, экономическом, военном отношении, превратив ее из оплота христианства в простой аванпост Запада, в христианский остров посреди исламского океана.

Дата падения Константинополя – 29 мая 1453 года – сохранилась в исторических мифах как поворотный момент между Средними веками и современностью. Это справедливо только в символическом смысле. В буквальном понимании падение Константинополя было лишь одним среди многих факторов переходного процесса постепенных изменений. Эта дата на самом деле означала конец Византийской империи и день смерти ее последнего императора. Между тем на протяжении предшествующих 150 лет образующийся вакуум постепенно заполнялся новой империей, развивавшейся, благодаря сражавшимся на ее передовых рубежах воинам-гази, из Османского племенного государства. Призванная господствовать над обширными территориями в течение последующих 450 лет, Османская империя отныне обладала ключевым пунктом между континентами Европы и Азии.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II видел себя наследником классической Римской империи и ее христианского преемника. Теперь завоевание Константинополя утвердило его в этой роли. Перед ним была Византия, которую следовало возродить в новом облике. В процессе обучения и приобретения опыта государственного управления Мехмед постепенно превратился в молодого человека с большими имперскими идеями и широким кругозором. Хорошо знающий историю, абсолютно уверенный в своей способности достичь и удержать абсолютную власть, Мехмед стремился повторить и даже превзойти в качестве мирового завоевателя достижения Александра Великого и цезарей. Как заверял критский историк Георгий Трапезундский, позже призванный ко двору султана: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, и есть император, а Константинополь – столица Римской империи». Он одновременно был римским императором, наследовавшим Августу и Константину, и падишахом, что по-персидски означает «тень (наместник) Бога на земле».

Если говорить о собственно турецких традициях, достигнув этой верховной власти, Мехмед воплотил всегдашнюю мечту ислама о мировом господстве, игнорируя право Запада на то, чтобы стать «сувереном двух земель и двух морей» – Румелии и Анатолии, Средиземного и Черного морей. Захватив Константинополь, султан преуспел там, где прежние халифы терпели неудачу. Почитаемый как величайший мусульманский властитель со времен первых четырех халифов, Мехмед выполнил священную миссию как наследник династии, которую

он соединил с династиями великого исламского прошлого. Видя себя ханом, гази и кесарем в одном лице, универсальным властелином, олицетворяющим турецкие, исламские и византийские традиции, Мехмед должен был превратить Константинополь в центр одного моря и одной империи.

Он сам поставил перед собой задачу не разрушить Византийскую империю, а возродить ее к новой жизни по османскому образцу, одновременно восстанавливая имперскую славу столицы, которая теперь должна была называться Стамбул. Это название должно было отражать, по словам Пауля Виттека, «истинный образ того, что должно было стать фундаментальной чертой государства: соединение местных культурных традиций старой Византии, пусть уже и с восточными влияниями, с традициями старого ислама».

Это должна была быть империя под светским и религиозным управлением ислама. Но одновременно она должна была оставаться и многонациональной, как византийская, где все народы и все верования будут сосуществовать в порядке и гармонии. После гибели последнего императора церковь и государство больше не были объединены. Христианская церковь была отныне подчинена исламскому государству и обязана платить дань. Но в обмен на это ее община по-прежнему пользовалась свободой вероисповедания, сохраняла свои обряды и обычаи.

Такова была разработанная и введенная во всех мусульманских владениях система, определяющая статус религиозных меньшинств. Они были райя, буквально «ученики», организованные в миллеты, или народности, самоуправляемые общины, имеющие свои законы и обычаи во главе с религиозным наставником, ответственным перед центральной властью за управление и хорошее поведение его людей. Прецеденты для подобной системы в форме разнообразных патриархий восточных христиан были знакомы и по опыту бывших империй Арабского халифата и самой Османской империи, где православный патриарх Константинополя долгое время нес ответственность за общины – в Азии или в Европе, – жившие под управлением мусульман. Теперь это должно было стать общим правилом для всех христианских общин бывшей Византийской империи. Являясь покоренным народом, они не имели больших привилегий и максимальных политических свобод. Но даже при наличии некоторых ограничений одна только перспектива наслаждаться всеми преимуществами мира и процветания дорогого стоила, а возможности заниматься коммерческой деятельностью даже увеличились. Для этого Мехмед потребовал, чтобы бок о бок с представителями улемы, исламской духовной власти, в стенах Стамбула имелись резиденции патриарха греческой ортодоксальной церкви, армянского патриарха и главного иудейского раввина.

Завоеватель показал себя человеком, достаточно хорошо расположенным к греческому населению города. Именно греки представляли собой самую большую, самую богатую и наиболее культурную немусульманскую общину. Он отчетливо видел, что они могут стать ценным приобретением для его империи, поскольку имели способности к промышленности, торговле и морскому делу, которых не хватало туркам. Более того, он с большим уважением относился к накопленным греками знаниям. Мехмед основательно занимался изучением греческой истории. Возможно, даже в его венах текла греческая кровь – по материнской линии. Он проявлял особое уважение и заботу о своей мачехе, вдове Мурада, наполовину сербке, наполовину гречанке, госпоже Маре, которую после смерти мужа рассматривали в качестве возможной невесты императора Константина.

Поэтому Мехмед не терял время при выборе нового патриарха. Последний обладатель патриаршего трона бежал в 1451 году в Италию и, таким образом, считался отрекшимся. Выбор султана пал на монаха Геннадия, иначе Георгия Схолария – известного ученого. Геннадий возглавлял оппозицию греков союзу греческой ортодоксальной и Римско-католической церкви, предложенному в качестве последней попытки получить западную помощь для города. А значит, представлялось маловероятным, что он может плести интриги с запад-

ными христианами. Когда султан вызвал к себе Геннадия, оказалось, что тот был выдворен из своей монашеской кельи и стал рабом богатого турка, на которого произвела впечатление его ученость. Выкупленный у своего хозяина монах Геннадий был доставлен к Завоевателю, который отнесся к нему с большим почтением, убедил принять патриарший престол, а также обсудил с ним условия конституции, по которой надлежало жить общине православных христиан. Согласно конституции грекам предоставлялись такие гарантии, которые давали им, по крайней мере, относительную свободу вести свои дела, как религиозные, так и, в некоторой степени, гражданские, без вмешательства и без угрозы преследований. Назначение Геннадия было узаконено, согласно установившейся практике, Священным синодом по рекомендации султана.

В январе 1454 года Геннадий был введен в сан греческого патриарха под покровительством султана, взявшего на себя функции византийских императоров и выполнившего большую часть их традиционного церемониала. Султан лично преподнес Геннадию регалии сана – мантии, посох и новый позолоченный нагрудный крест из серебра взамен исчезнувшего старого. Затем султан напутствовал Геннадия словами: «Будь патриархом со счастливой судьбой и будь уверен в нашей дружбе, сохраняя все привилегии, которые имели все патриархи до тебя». Патриарх получил полную власть над миллетом Рума, Восточно-Римской (Византийской) общиной и церемониальный ранг паши с тремя бунчуками, сохраняя свой гражданский суд и тюрьму в греческом квартале Фанар. Поскольку церковь Святой Софии была превращена в мечеть, последующая церемония его посвящения в сан и возведения на престол была проведена в церкви Святых Апостолов, защищенной приказом Мехмеда от разрушения, чтобы использовать ее как церковь патриарха. После получения от султана щедрого дара золотом новый патриарх во главе процессии объехал город на великолепном белом коне, также подарке султана, а затем занял свою резиденцию на территории церкви Святых Апостолов.

Церковь Святых Апостолов была одной из нескольких христианских церквей, которая после завоевания использовалась для христианских богослужений, некоторые из них – в обмен на подчинение султану соответствующих приходов, другие храмы были переделаны в мечети. Церковь Святой Софии, став мечетью, сохранила свое название: в исламской форме как большая мечеть Айя-София, однако крест, венчающий ее купол, был заменен полумесяцем, указывающим в сторону Мекки, – традиционной эмблемой турок, знакомой по их знаменам и восходящей к их ранней истории. Впоследствии к нему была присоединена звезда. С самого начала завоеватель относился к храму Святой Софии, к которому пристроил минарет, с почтением, сохранив его замысловатые мозаики, вопреки запрету ислама на любое изображение человека в искусстве.

Новый патриарх, таким образом, имел стимул взирать на султана как на благодетеля и защитника Греческой православной церкви – в отличие от папы. Его власть и престиж были большими, чем у любого из его предшественников во времена поздней Византии, придавая ему почти что статус «греческого папы» и оправдывая популярный в то время лозунг «Лучше турки, чем латиняне!». Мехмед установил с Геннадием тесные дружеские отношения, часто вел с ним долгие беседы на богословские темы, а также подчеркивал стремление пополнить знания и проявлял интерес к христианской религии. По просьбе султана Геннадий написал историю ортодоксальной веры, которая была переведена на турецкий язык.

Это породило на Западе благочестивые надежды на то, что султан может в перспективе обратиться в христианство. После падения Константинополя известный итальянский грекофил Франческо Филфельфо написал завоевателю письмо, с просьбой освободить его тещу, итальянку, вдову греческого философа, плененную при нападении на город. Он адресовал султану самые изысканные комплименты и выражал свое пылкое желание, чтобы тот перешел в христианскую веру. Утверждают, что папа Николай V молился за обращение султана

в христианство после соответствующих напутствий – после якобы имевшего место обмена письмами, в которых Мехмед, говоря о себе как о преемнике и мстителе за Гектора, намекал на такую возможность.

Позже – и это представляется более правдоподобным – папа Пий II, опасавшийся, как бы султан не стал приверженцем ортодоксальных доктрин, написал ему, подробно изложив высшую мудрость и истину католических догм, и предложил крещение, так чтобы султан под покровительством папы мог бы стать величайшим из христианских государей. В самом Константинополе греческий философ, Георгий Амирутци, подготовил для султана исследование, указывающее на общие корни ислама и христианства, предлагая объединить их в одну религию или хотя бы признать их родство.

Все это, конечно, не могло повлиять на султана, считавшего себя инструментом Аллаха и наследником халифов, то есть духовно и политически связанным с исламом. Тем не менее Мехмед обеспечил выживание ортодоксальной христианской цивилизации. Он всегда оставался терпимым к христианам и продолжал, как и его отец, набирать новобранцев из христиан, демонстрируя предпочтение им по сравнению с мусульманами старой школы, и в первую очередь теми, кто разделял широту его взглядов.

Оставаясь терпимым в религиозных делах, Мехмед мог быть хладнокровно и часто жестоко беспощадным, каким он всегда показывал себя на поле боя, в политических и личных ситуациях. После завоевания города султан освободил из-под стражи несколько бывших министров императора, включая мегадука Луку Нотару, министра, по слухам якобы сказавшего в момент кульминации переговоров о союзе церквей, что он бы предпочел увидеть в Константинополе тюрбан, чем митру кардинала. Вначале султан обращался с ним уважительно и даже собирался назначить губернатором города, но отказался от этого намерения, поддавшись увещеваниям подозрительных советников. Чтобы проверить его, однажды вечером на банкете Мехмед, разгоряченный выпивкой (что было его частой привычкой) и известный своими разнообразными сексуальными вкусами, послал в дом Нотары евнуха с требованием прислать его миловидного четырнадцатилетнего сына для развлечения султана. Когда министр отказался, султан приказал немедленно отрубить голову Нотаре, а вместе с ним его сыну и зятю, и их три головы, как рассказывают, были помещены на банкетном столе перед султаном. Нотара попросил, чтобы сначала головы отрубили двоим юношам, дабы вид его собственной казни не лишил их мужества умереть как подобает христианам. Затем аналогичным образом были казнены другие представители греческой знати. Султан хладнокровно решил, что лучше устранить главных чиновников бывшего императора.

Нотара между тем успел намекнуть султану на соучастие вместе с греками в получении взяток великого визиря Халил-паши, которого Мехмед и сам давно подозревал в вероломстве после того, как тот всячески пытался навязать ему мирный договор, основанный на компромиссе. Халил был немедленно арестован, лишен всех постов и отправлен в Адрианополь. Говорят, здесь однажды султан увидел лису, привязанную у дверей его дворца, и с иронией сказал животному: «Бедная глупышка, почему ты не попросишь Халила предоставить тебе свободу». Халил, услышав об этом и опасаясь за свою жизнь, немедленно объявил о своем намерении совершить паломничество в Мекку. Но, успокоенный султаном, остался. А вскоре после этого был обезглавлен. Мехмед таким образом отдал старый долг, который беспокоил его с детства, освободившись от врага, которого так долго ненавидел.

Халил был четвертым представителем рода Чандарлы, служившим великим визирем при дворе султана. Мехмед уволил других министров старого режима, которые служили еще его отцу. И впредь он окружал себя только советниками, бывшими выходцами из растущего правящего класса вероотступников – христиан, обратившихся в ислам, карьеры которых напрямую зависели от расположения султана и на кого он мог рассчитывать в своих

начинаниях. Новым великим визирем Мехмеда стал его полководец Заганос-паша, албанец по происхождению.

Самой неотложной задачей завоевателя было возрождение нормальной жизни Стамбула, города, которому было предначертано судьбой стать крупнейшей столицей мира. В частности, эта задача включала восстановление населения. Поскольку в условиях вынужденной изоляции значение города упало, его население сократилось до тридцати – пятидесяти тысяч обитателей. Многие районы остались безлюдными. Уже пришедший в упадок город ныне, в результате захвата, являл собой печальную картину разрушения и запустения. Дворцы и другие красивейшие здания лежали в руинах. Теперь улицы стали очищать от обломков, каменщики ремонтировали стены. Заработала новая администрация, созданная по османской модели. Всем, кто покинул город – в большинстве своем это были ортодоксальные христиане, – было предложено вернуться с обещаниями защиты собственности, свободы религии, освобождения от налогов, а также помощи правительства в восстановлении их домов и лавок. Пленные, захваченные турецкими войсками, были освобождены, расселены в районе Фанар и на какое-то время освобождены от налогов. Губернаторы провинций и в Румелии, и в Анатолии были обязаны послать в Стамбул четыре тысячи семей, либо христианских, либо мусульманских, чтобы занять пустующие дома. Около тридцати тысяч крестьян, захваченных во время военных кампаний, были доставлены для расселения на землях брошенных деревень вокруг Стамбула, чтобы снабжать город продовольствием.

По распоряжению султана состоятельные люди, торговцы и ремесленники из числа жителей захваченных городов были переведены в Стамбул, чтобы помочь его торговому и промышленному развитию. Среди иммигрантов из Салоник была большая еврейская община и немалое число евреев прибыло из Европы. В течение двадцати пяти лет евреи превратились в третью по численности группу населения столицы после мусульман и христиан. На следующем этапе его завоеваний в город прибыли пять тысяч семей из Трапезунда (Трабзона) и его окрестностей, а также из Анатолии, из Мореи и с Эгейских островов. Всех разместили в соответствующих городских кварталах, которым давали название мест происхождения его жителей, как Аксарай и Карамания. Помимо знатных семей, среди переселенцев были владельцы лавок и все больше ремесленников и строителей, которые способствовали ускорению процесса реконструкции города. С течением времени греки начали иммигрировать по своей воле, желая заработать, подобно армянам и евреям, на растущем благосостоянии Стамбула. Тем временем на другом берегу Золотого Рога оборонительные сооружения были снесены, вместе с портом Галата была восстановлена и стала, как и раньше, турецким городом, с генуэзцами и другими жителями-латинянами.

«Как интересен, – писал турецкий писатель вскоре после завоевания, – этот город Стамбул; за одну медную монету вас могут перевезти на лодке из Румелии во Франкистан». Задолго до конца правления завоевателя Стамбул вновь стал процветающим городом мастерских и базаров, кипящий промышленной активностью и смешанным населением, в три или четыре раза большим, чем оно было до завоевания. Всего за один век население города достигло полумиллиона человек, из которых лишь немногим более 50 процентов составляли турки.

Мехмед был особенно активен в продвижении экономики, для чего всячески старался развить традиционный исламский институт имарета, который был уже известен в прежних столицах – Бурсе и Адрианополе и теперь способствовал росту Стамбула. В реальности это был комбинированный институт религиозного, культурного и коммерческого характера, вакф, благотворительное начинание, финансируемое государствами или частными лицами, поддерживаемое или контролируемое государством. Вакф включал комплекс общественных зданий, группировавшихся вокруг мечети, с медресе (центром религиозного образования),

больницей и постоялым двором для путников. Вместе с тем доходы гостиницы, рынка, караван-сарая, мельниц, бань, красилен, складов, скотобоен и суповых кухонь дополняли религиозные пожертвования и помогали финансированию.

Как часть материального обеспечения Айя-Софии, великой мечети Стамбула, Мехмед Завоеватель распорядился построить бедестан, большой базар или крытый рынок, с несколькими сотнями лавок и складов, наряду с еще тысячей лавок на окрестных улицах. По сути, это был торговый и деловой центр, где купцы могли без опасений хранить свой товар и вести дела. Когда Мехмед построил собственную Большую мечеть, вокруг нее разместились восемь медресе, в которых каждый день занимались шестьсот студентов, школа для детей, библиотека, две гостиницы для приезжих, столовая, кухни, где кормили бедняков, а также больница, где бесплатно лечили офтальмолог, хирург и фармацевт и работали повара, готовившие пищу по указаниям врача. Здесь располагался центр бесплатного обучения и медицинской помощи благополучного средневекового исламского государства.

Султан Мехмед требовал от ведущих деятелей своей империи создания имаретов в других частях города, где они становились центрами новых жилых кварталов. Такие комплексы зданий, построенные для общественного блага, стали возникать на караванных путях по всей стране, способствуя их расширению по мере роста торговли. И Стамбул сначала дополнил, а затем и превзошел Бурсу и Адрианополь в качестве крупнейшего торгового центра империи, заняв господствующее положение на торговых путях, проходивших через Черное море, Средиземноморье и Азиатский континент.

Другим традиционным институтом исламской экономической жизни, который Мехмед всячески поддерживал и держал под контролем, был институт ремесленных гильдий – профессиональных организаций, или союзов, к которым принадлежала значительная часть работающего населения. Зародившись, вероятнее всего, в корпорациях греко-римского мира, эти союзы были характерны для средневековой Европы, а при исламе обрели особый характер, объединив черты религиозного и социального братства. Они играли важную роль – под руководством аги – в раннем османском пограничном обществе, когда еще не существовало сильной централизованной власти, и обеспечивали политическую защиту ремесленников и рабочих. Гильдии были разделены по видам деятельности. Каждой руководил лидер, которого ремесленники избирали, согласно правилам гильдии, для гарантии своей автономии и поддержки своих интересов перед правительством. Хотя гильдии были, по крайней мере теоретически, независимы от государственного контроля, они по закону несли перед государством ответственность за соблюдение тех коммерческих правил, которые касались системы мер и весов, стоимости труда, прибыли, качества товара, недопущения мошенничества и спекуляции. Уважая традиционную структуру гильдий как источника порядка и стабильности, государство не вмешивалось в их внутренние дела, осуществляя только защиту интересов казны и широких масс.

Развитие системы гильдий, наряду с ростом урбанизации и увеличением возможностей рынка, характеризовало новый этап экономического развития Османской империи, теперь уже полностью развившейся. Имело место значительное расширение торговли с Западом, ставшей в последние десятилетия XV века кардинальным элементом в отношениях империи с европейскими державами. Теперь, когда Византии больше не существовало и любая угроза Востоку со стороны крестоносцев стала достоянием истории, Османская империя явила себя миру в качестве основного центра торговли, служащего жизненно важным торговым звеном между Азией и Европой и создающего более широкое поле для экономического обмена, что также влияло на общественные и культурные отношения между странами. В то время как Византия находилась под экономическим влиянием Венеции, Османская империя с ее процветающим многонациональным сообществом торговала одинаково со всеми державами на основе четко установленных защищающих таможенных тари-

фов. Ее купцы с течением времени проникли с востока в центр, а потом и на север Европы, основывая собственные торговые центры в ключевых городах и развивая свою кредитную систему, обменивая сельскохозяйственные продукты и товары Востока на оружие, минералы и другое сырье Запада. Развившись из ряда осевших кочевых сообществ в исламскую империю с базовой структурой традиционного восточного государства, она управлялась с помощью проверенных временем экономических институтов и принципов. Там, где функцией всех классов общества и всех источников его богатства было сохранение власти правителя, население делилось на два главных класса. Один из них представлял власть султана – чиновники, армия, служители культа; другой составляли райя – земледельцы и ремесленники, которые, собственно, и были единственными производителями и платили налоги. Их методы производства и прибыль строго контролировались государством в интересах общественного и политического порядка. Он обеспечивался посредством жесткой логической установки, согласно которой человек должен был оставаться только в своем собственном классе.

Но теперь в обществе появился третий класс – класс купцов, который был свободен от юридических и социальных ограничений. Только составляющие его торговцы могли стать капиталистами. Это были крупные бизнесмены, в числе которых не было мелких торговцев и ремесленников, занятых в торговле между регионами и продаже товаров, ввозимых издалека. Забота правительства о коммерции в этот период XV века нашла отражение в отрывке из «Османского зеркала для принцев» Синан-паши: «Взирай с благосклонностью на купцов своей земли, всегда заботься о них; никому не позволяй помыкать ими, ибо благодаря их торговле земля становится процветающей, а благодаря их товарам дешевизна приходит в мир; благодаря им великолепная слава султана доходит до окружающих стран, и ими прирастает богатство внутри страны».

Мехмед начал перестраивать и укреплять стены города. Он решил создать город в архитектурном отношении столь же прекрасный, каким он всегда был в Византии, достойным отражением славы Османской империи, которая выросла из Сельджукского султаната Рума. По его указу была возведена большая мечеть, ставшая известной народу как мечеть Фатиха, Завоевателя. Он воспользовался услугами греческого архитектора и выбрал для нового здания место и материалы, оставшиеся от церкви Святых Апостолов, которая была снесена, а греческий патриарх перенес свою резиденцию в монастырь Паммакаристоса, что в греческом квартале Фанар, на берегу Золотого Рога. Мехмед любил хвалиться, что его мечеть со всеми внешними приделами превзошла размерами Айя-Софию. Венчая противоположный западный гребень холмистой гряды между Мраморным морем и бухтой Золотой Рог, новая мечеть стала первой из серии огромных мечетей с куполами, которые со временем придали Стамбулу новые очертания. Первоначально вдохновленные византийским стилем церкви Святой Софии, они отразили в исламской трактовке величественную имперскую манеру нового поколения архитекторов, создавших мусульманскую столицу, которая должна была превзойти христианскую.

Мехмед заложил также первый камень в фундамент мечети Айюба (Эйюба), спутника Пророка, который встретил свою смерть под стенами этого города – его могила была обнаружена во время осады. Затем, поскольку дворцы императора лежали в руинах, да и не устраивали Мехмеда своими размерами, он построил для себя дворец, расширив монастырь Пантократора, в который должен был переехать из Адрианополя и который он сделал более доступным, проложив к нему несколько новых мощеных улиц. Этим, как и другим строительным работам, султан уделял личное внимание, правда, по большей части в зимние месяцы между ежегодными военными кампаниями, которые ему приходилось вести на протяжении остававшихся двадцати пяти лет своего правления.

Глава 9

Военной задачей султана Мехмеда, после захвата столицы в качестве базы, обезопасившей его фланг и тыл, стала консолидация империи, а также расширение и окончательное установление ее границ. Со стороны моря он имел большую, хорошо укрепленную гавань с постоянно увеличивающимся флотом. На другом берегу Дарданелл, между Сестосом и Абидосом, была возведена новая крепость, чтобы контролировать пролив со стороны юга, подобно тому как Румели Хисары и Анадолу Хисары господствовали над ним с севера. Султан лично возглавлял свои армии, командовал военачальниками, не созывая военных советов, не доверяя никому планов использования своих отлично вымуштрованных армий, которые он каждый год собирал и из Азии, и из Европы. Как-то раз один из полководцев поинтересовался целью его следующей кампании, и султан ответил, что, если бы хоть один волос в его бороде знал о его намерениях, он вырвал бы его и бросил в огонь.

Мехмед унаследовал и врагов своего отца: Хуньяди в Венгрии, деспот Георгий Бранкович в Сербии, Скандербег – в Албании, венецианцы – в Греции и Эгейском море. Он методично поочередно выступил против каждого из них. Сразу после завоевания Константинополя, в 1454–1455 годах, его целью стала Сербия, буферное государство, за которое соперничали венгры и турки. Здесь он оккупировал большую часть княжества, которое его отец, Мурад, возродил после битвы под Варной, завладел его ценными серебряными рудниками и более тесно привязал к Османской империи. Но на пути к решительному наступлению османов в Венгрию все еще оставалось препятствие – город Белград на Дунае.

Полный решимости захватить город, чего не удалось сделать его отцу, Мехмед в 1456 году собрал хорошо вооруженную армию численностью около 150 тысяч человек и флотилию легких кораблей, которая поднялась вверх по Дунаю до Видина. На крупных кораблях доставляли тяжелую осадную артиллерию. Легкие орудия были отлиты в Сербии, главным образом мастерами, привезенными с Запада. Прочее вооружение, боеприпасы и продовольствие были доставлены сухопутным путем с помощью хорошо организованных караванов верблюдов и других вьючных животных. Стремясь заблокировать город со стороны Дуная, Мехмед разместил выше крепости по течению цепь из лодок, которая служила боновым заграждением. С берегов реки тяжелая артиллерия взяла под прицел западные стены крепости. Здесь в начале июня, когда начали созревать зерновые культуры, на вершине холма был поставлен шатер султана, вокруг и ниже которого разместились позиции янычар. Непоколебимо уверенный в себе после успешного захвата Константинополя, Мехмед не предвидел особых трудностей с Белградом.

В начале июля турецкая кавалерия разорила окрестности города и начался обстрел, продолжавшийся две недели и серьезно повредивший стены, но не нанесший заметных потерь обороняющимся. В это время ниже по течению Дуная неожиданно появилась эскадра речных судов Хуньяди, а его кавалерия расположилась вдоль берегов, чтобы не допустить подхода подкреплений и отрезать туркам путь к отступлению. Жестокая битва продолжалась пять часов. Турки оказали яростное сопротивление, и воды Дуная окрасились кровью. В конце концов венгры, имеющие более легкие и маневренные суда, прорвали цепь неповоротливых турецких кораблей с неопытными командами, рассеяли их, потопили две галеры вместе с командами и захватили четыре других со всем вооружением. Оставшиеся корабли турецкой флотилии, заваленные мертвыми и умирающими, попытались спастись бегством, но были сожжены по приказу султана, чтобы не допустить их попадания в руки врагов.

Победа венгров была полной. Теперь Хуньяди и пламенный монах-крестоносец Капистрано ввели войска в крепость, чтобы усилить и подбодрить осажденный гарнизон. Пробоины в стенах были спешно заделаны, орудия отремонтированы. Мехмед, взбешенный пора-

жением на реке и вынужденный штурмовать крепость, лично повел янычар в решающую ночную атаку. В конце концов они пробились в нижнюю часть города, а отдельные группы пытались взобраться на стены, чтобы проникнуть внутрь цитадели. Хуньяди хитроумно увел свои войска от стен и приказал им спрятаться, пока янычары рыскали по пустынным улицам в поисках наживы. По заранее условленному сигналу боевые кличи венгров перекрыли их победные выкрики, и, прежде чем турки успели собраться вместе, они были окружены небольшими группами и по большей части истреблены.

Оставшиеся в живых бросились вон из крепости, но только для того, чтобы встретиться с еще более серьезной опасностью. Накануне ночью Хуньяди и Капистрано подготовили груды вязанок хвороста с ветками, пропитанными серой. Утром эти вязанки были подожжены и сброшены вниз, вслед отступающему врагу. Пламя занялось со всех сторон. Бесчисленное количество турок оказалось в ловушке без малейшего шанса спастись. Они сгорели во рвах, которые вскоре оказались заваленными грудами обуглившихся и изуродованных тел, а пытавшиеся спастись бегством все равно попадали в огонь. Отряды крестоносцев решительно бросились прямо на осадную артиллерию противника. Турки в беспорядке отступили, оставив орудия, и были отброшены вплоть до их третьей линии обороны, расположенной прямо перед лагерем султана. Мехмед, ослепленный яростью, устремился в гущу сражения. Он снес мечом голову одному крестоносцу, но получил ранение стрелой в бедро и был вынужден покинуть поле боя. Янычары в смятении разбежались. Взбешенный столь вопиющим отсутствием субординации, султан проклял их командира Хасан-агу, который лично бросился в бой и был убит на глазах у своего господина. С наступлением сумерек султан подал сигнал к отступлению, которое превратилось в беспорядочное бегство, и большое количество орудий, боеприпасов и провианта попало в руки противника.

Победа христиан вызвала ликование по всей Европе. Но вскоре после осады и Хуньяди, и Капистрано умерли от чумы, которая опустошила Белград и его окрестности. Пятью месяцами позже, в канун Рождества, скончался проживший долгую жизнь Георгий Бранкович. Сербия распалась на протурецкие и провенгерские части и погрузилась в династические и религиозные распри. Наконец после двух успешных кампаний туда вторгся Мехмед, и страна была присоединена к Османской империи, обеспечив туркам удобную базу для экспансии в северном направлении. Она оставалась в руках турок на протяжении следующих пяти веков.

На протяжении всего 1457 года Мехмед, лишившийся вооружений во время бесславного отступления от Белграда, никаких военных действий не предпринимал. Все это время он предпочитал находиться в своем дворце в Адрианополе, заново возведенном на острове посреди реки Марицы, поскольку его дворец в Стамбуле все еще строился. Здесь два его юных сына – Баязид из Амасьи и Мустафа из Магнесии – были подвергнуты обрезанию, сопровождавшемуся торжественной церемонией и шумными празднествами, в присутствии собрания иностранных послов и видных представителей религиозных, правовых и литературных кругов, собранных со всей империи.

В следующем, 1458 году Мехмед начал первую из кампаний по покорению Греции. Здесь, в разделенной на деспотии Морее, находившейся под бесплодным правлением двух оставшихся в живых представителей династии Палеологов – Димитрия и Фомы, нашли убежище многие представители правящего класса Византии. Братья последнего императора – Константина, – они правили, враждуя друг с другом, соответственно из Патраса (Патры) на западе и Мистры на востоке, с обязательством платить султану дань. Задолженности по выплате дани росли. И султан, перейдя Коринфский перешеек, повел свою армию через всю Западную Морею, встречая лишь незначительное сопротивление со стороны народа, кото-

рый находился под столь неясным правлением, что еще не успел выработать национальное самосознание. Он оккупировал и разграбил большую часть Западной Мореи, но отложил штурм основной крепости – Коринфа – до возвращения из похода на север. Султан предложил жителям почетную капитуляцию без обращения в ислам. Встретившись с отказом, он осадил тройные стены крепости, стреляя из своей пушки мраморными ядрами, которые тесались тут же на месте, среди руин древнего классического города. После того как две первых стены были проломлены, гарнизон сдался, уступив место янычарам, а два Палеолога согласились на договор, по которому уступали значительную часть бывшей деспотии Константина. Они сохранили кое-какие остатки территории, но с прежним обязательством платить дань.

После этого султан посетил Афины, которые были захвачены турками двумя годами раньше у герцога Флоренции. Османам Афины были известны как «город мудрых», и на Мехмеда, «мудрого и великого проэллинского монарха», произвели большое впечатление реликвии классической Античности. Он особенно восхищался Акрополем. Султан великодушно обошелся с афинянами, подтвердив их гражданские свободы и освобождение от налогов, но особенно восхитил их тем, что после краха Римско-католической церкви даровал привилегии ортодоксальному клиру.

Братоубийственная вражда между двумя деспотами Палеологами вспыхнула снова вскоре после отъезда султана, причем Димитрий поддерживал турок и договор с ними, а Фома нарушил договор и призвал на помощь войска римского папы. В 1460 году Мехмед еще раз пришел со своей армией в Грецию. Димитрий сначала бежал от него, но в итоге сдал город Мистру и свою деспотию, за исключением Монемвазии, которая противостояла туркам с помощью папских войск. Затем Мехмед намеревался подавить силы деспота Фомы. Но тот вскоре бежал на Запад, оставив свой народ во власть турок.

Таким образом, османы установили господство над всем Греческим полуостровом, за исключением нескольких прибрежных аванпостов, которые могли снабжаться по морю и благодаря этому оставались в руках венецианцев. Отныне там утвердился Pax Ottomanica, сменивший феодальные отношения франков, причем с греческим народом обращались с разумной терпимостью, не перегружая чрезмерными налогами, не беря дань детьми. Грекам разрешалось свободно торговать и выбирать свою собственную местную власть. Вместе с тем христианский мир Запада предпочитал видеть греков народом, угнетенным иноверцами и жаждущим освобождения руками латинян. С течением времени именно Греция сменила Константинополь и Святую землю в качестве цели европейского крестового энтузиазма.

Мехмед II, стремясь возродить Византийскую империю под своим правлением, как свидетельствуют турецкие исторические источники, старался не оставить ни одного «из византийских греков, кого можно было бы назвать королем». Он избавился от Палеологов. Теперь наступила очередь Комнинов. Пришло время уничтожить империю Трапезунда. Великий Комнин, император Иоанн IV, уже фактически отказался от ее независимости, выплачивая султану значительную ежегодную дань. После смерти Иоанна его младший брат, император Давид, выбрал себе в союзники против султана не только его известных европейских врагов – Венецию, Геную и папство, но и его признанного врага в Азии, туркменского правителя Узун-Гасана из племенной конфедерации Белого барана (Ак-Коюнлу). Мусульманин с христианской кровью, связанный с Комнинами брачным союзом, Узун-Гасан создал в Восточной Анатолии мощную оппозицию османам, которая объединила также местных турецких правителей Синопа и Карамана и христианских князей Грузии.

Когда Давид потребовал от султана снять дань, наложенную на его отца, он сделал это через послов Узун-Гасана в Стамбуле, которые предъявили султану и ряд других экстравагантных требований. Султан решил, что пришло время разрушить этот нечестивый союз

и наконец разрешить все анатолийские вопросы в османских интересах. В 1461 году Мехмед организовал морскую и сухопутную карательную экспедицию в Азию. Захватив сначала порт Амастри, последний торговый пункт генуэзцев на Черном море, он посредством переговоров забрал себе и город Синоп. Затем отправился походом на земли Узун-Гасана, который, не получив никакой поддержки от своих караманских союзников, отступил в восточном направлении. Его мать, принцесса Сара, христианка сирийского происхождения, прибыла к султану от его имени, нагруженная подарками, и согласилась на мирный договор, по которому Узун-Гасан обязался не помогать Комнинам из Трапезунда. Но когда принцесса Сара попыталась убедить Мехмеда не подвергать себя опасностям, связанным со штурмом города, он ответил: «Мать, в моей руке меч ислама».

Выступив в поход со своими войсками, Мехмед совершил трудный переход через Понтийский горный хребет, в то время как его флот осадил Трапезунд с моря, хотя и без особого успеха. После восемнадцатидневного перехода авангард турецкой армии под командованием Махмуд-паши, великого визиря султана, появился под стенами города. Турки не привезли с собой осадной артиллерии, у них почти не было кавалерии, и, более того, путь снабжения армии был крайне ненадежен. Но император Давид не был воином. Брошенный своим самым могущественным союзником, он не имел желания погибнуть среди развалин города и империи, как это сделал его героический соплеменник, император Константин. Предпочитая мир и выживание, Давид был вполне готов принять предложения, сделанные ему Махмудом через греческого сановника сомнительной лояльности, а султан, в свою очередь, оказался более восприимчивым к миролюбивым призывам принцессы Сары.

Итогом стал мирный договор, не делавший чести грекам, по которому османская армия вступала в Трапезунд без помех. Последний император с семьей и чиновниками двора вместе с их золотом и другим ценным личным имуществом по милости султана были доставлены специальным судном в Стамбул, а Сара была вознаграждена за посредничество подарком в виде горсти драгоценных камней. С населением города османы обошлись не столь лояльно. И мужчины и женщины были обращены в рабство и разделены между султаном и его сановниками, мальчики были зачислены в корпус янычар, а большое число семей было лишено собственности и депортировано в Стамбул для увеличения числа жителей города.

Дни Комнинов тем не менее были сочтены. Не прошло и двух лет, как император Давид снова стал тайно плести интриги против османов с Узун-Гасаном. Султан заключил его в новую тюрьму Семи башен, расположенную внутри городских стен Стамбула, и здесь несколько месяцев спустя Давид и остальные Комнины – его брат, семеро сыновей и племянник – были убиты. Более того, султан распорядился, чтобы их тела не предавались земле, а были брошены на съедение бродячим псам и хищным птицам.

Мехмед в ходе Трапезундской кампании включил в свою империю большую часть северного прибрежного района Малой Азии с тремя важными черноморскими портами. В последующей кампании, имевшей место после смерти в 1464 году Ибрагим-бея, великого эмира Карамана, и развала его династии семью недовольными сыновьями, он аннексировал путем захвата почти весь Караман, воинственного соперника турок на протяжении последних 150 лет. Это должно было привести к фактическому османскому контролю над Киликией и азиатским побережьем Средиземного моря.

Обезопасив таким образом на какое-то время тылы на востоке, Мехмед вновь обратил свой взор на запад. Здесь его целью было не что иное, как полное, неделимое османское господство над всем Балканским полуостровом. Дабы достичь этого, Мехмед теперь должен был «округлить» свою территорию на оконечностях, подобно тому как это было сделано на Греческом полуострове, и консолидировать ее в качестве базы для дальнейших завоеваний в Западной Европе. К северу за Дунаем лежала Валахия, которой правил уже упоминавшийся

Влад Дракул, иначе Дракула, один из монстров мировой истории. Его жестокость намного превосходила все известные примеры, обычные для того века, и сделала его одним из чудовищных персонажей легенды.

Несмотря на все это, султан был склонен оставить Дракулу в покое, пока тот исправно выплачивал дань и не беспокоил турецких соседей. Но в 1461 году Дракул оформил союз против турок с королем Матиашем Корвином, который наследовал Хуньяди в качестве правителя Венгрии. Мехмед направил посла, чтобы заманить Дракулу с долгами по дани в Стамбул, вместе с контингентом валахов для османской армии. Командующему своими войсками на Дунае Мехмед приказал устроить засаду и взять Дракулу в плен еще по пути в Стамбул. Но ситуация коренным образом изменилась в ходе стычки, в которой личная гвардия Дракулы обратила турок в бегство, и по его приказанию посол и командующий были посажены на колья, причем самый большой кол достался старшему по рангу. Затем Влад Дракул переправился через Дунай и вторгся в Болгарию во главе армии, с которой он разграбил османскую территорию и убил большинство населения.

В ответ на это султан, движимый жаждой мести, повел в Валахию большую армию. В ходе кампании турки наткнулись на «лес трупов», в котором гнили останки двадцати тысяч болгар и турок, посаженных на колья и распятых на крестах. Это был один из мрачных примеров массовых казней и экзекуций, которые Дракул любил устраивать для собственного удовольствия и в назидание своим соседям. Армия султана, хотя и измотанная стремительными схватками в ходе непривычной для нее мобильной партизанской войны, в конце концов одолела противника и вынудила Влада Дракулу бежать в Молдавию, а османский командующий смог положить к ногам своего суверена две тысячи отрубленных голов валахов. На посту правителя Валахии Влада сменил его брат Раду, бывший заложником в Стамбуле – красивая внешность привлекла внимание султана и сделала одним из самых любимых его пажей. При Раду Валахия стала вассальным государством, но не считалась турецкой провинцией.

Однако двумя годами позже фаворит султана был изгнан из страны соседним правителем Штефаном Молдавским, правителем масштаба Хуньяди, который во главе бесстрашно действовавшей крестьянской армии дважды срывал попытки турок вновь вернуть к власти Раду. В конце концов Штефан был разбит лично Мехмедом с армией отрядов татар, набранных в Крыму после захвата там генуэзской колонии Черноморским флотом турок. Они были брошены на Молдавию с севера. Здесь, в дельте Дуная, возникла новая потенциальная османская угроза флангу Хуньяди. Но пока Мехмед был вынужден, считаясь с венгерской угрозой, уйти из Молдавии и оставить ее незанятой.

Тем временем в 1463 году Мехмед обратил внимание на северо-запад, на Боснию, еще одно государство-данника, которое граничило с Сербией и требовалось ему в качестве базы для новых агрессивных кампаний на западе. Босния находилась в уязвимом положении не только из-за династических, но и из-за религиозных распрей. Некогда ортодоксальная Босния присоединилась к Римско-католической церкви и опиралась на сильную поддержку папы, которая до некоторой степени была чисто внешней. Более того, в Боснии нашла себе убежище крупная секта еретиков, богомилов, которым папа пытался противостоять, направляя миссии францисканцев. Однако еретики состояли в дружбе с турками, которые обеспечивали им защиту в своих османских провинциях. Так что они были постоянно хорошо информированы о происходящем в Боснии и соблазняли местное крестьянство обещаниями свободы. Уже с 1461 года король Боснии Стефан ожидал вторжения султана, чья «неутолимая жажда господства», как он предупреждал папу, «не знает границ». Обращаясь к папе за поддержкой, Стефан указывал, что завоевание его королевства приведет к вторжению в Венгрию, а затем в Венецию и другие части Италии. Более того, «он часто говорит также о Риме, который тоже мечтает получить».

Ответом папы было прибытие легата, который, насколько это было возможно, увенчал Стефана славой и оказал давление на короля Венгрии, чтобы тот договорился с ним. Но король Венгрии был готов на это, только если Стефан откажется от выплаты дани османам. Султан пришел в бешенство и немедленно направил в Боснию армию, принял капитуляцию стратегически важной крепости Бобовац и, согласно обычаю, поделил ее жителей на три части: одну, которая останется в городе, вторую для дележа между его пашами и третью для отправки в Стамбул с целью пополнить городское население. Затем Мехмед послал своего великого визиря Махмуд-пашу с авангардом армии, чтобы захватить короля Стефана и крепость, в которую тот сбежал со своим войском. Стефан капитулировал при условии, с которым Махмуд согласился в письменной форме, что ему будет сохранена жизнь.

Однако это обещание не понравилось Мехмеду, проводившему политику умерщвления любого правителя завоеванных им стран. Поэтому султан посоветовался с находившимся в его свите святым персом, который услужливо заявил, что с точки зрения исламского закона обещание помилования, данное неверному его починенным, не является обязательным для властелина. И последний король Боснии был обезглавлен лично святым человеком в присутствии султана или, возможно, самим султаном. Османское правление Боснией было с этих пор принято, по крайней мере богомилами, которые в большом количестве стали обращаться в ислам. Соседняя горная территория Герцеговины какое-то время сохраняла относительную независимость, но в конце концов тоже была включена в империю сыном завоевателя Баязидом II.

Последним бастионом между вторгающимися турками и побережьем Далмации и итальянскими островами оставалась Албания. Здесь Скандербег, «защитник Христа», как называл его папа, все еще продолжал сражаться и править, поощряемый венграми, венецианцами и другими итальянскими государствами, как это делал еще со времен Мурада II более двадцати лет назад. С течением времени Скандербег стал почти легендарным героем христианского Запада. Своей независимостью Албания во многом была обязана как природным условиям – неприступности горных хребтов, так и боевому духу своего народа, тех закаленных жителей высокогорий, объединенных в кланы, которых Скандербег сплотил и по-прежнему твердо удерживал под своим руководством. Турки могли бы занять долины Албании, но они постоянно терпели бы неудачи, как это уже испытали на своем опыте полководцы Мехмеда, при штурме горных вершин.

В 1466 году султан лично повел в Албанию большое войско. После того как его авангард разграбил окрестности, Мехмед появился с основным ядром армии и осадил окаймленную скалами крепость Круя. Но только осада, благодаря прочности стен и мужеству гарнизона, продвигалась медленно, тогда как Скандербег с мобильными силами постоянно наносил ощутимые удары осаждавшим с тыла, перерезая их линии снабжения. В конце концов султан в гневе удалился в направлении Дураццо, оставив своего пашу продолжать осаду крепости. Довольно скоро осаждавшие были отброшены, причем их отступление превратилось в беспорядочное бегство из страны.

Мехмед, после сооружения под его контролем крепости в Эльбасапе, вернулся к наступлению на следующий год, исполненный решимости все же захватить Дураццо, из которого беженцы тысячами переправлялись в Италию. Но Круя держалась, и султан не смог добиться успеха. Положение изменилось только после кончины в 1467 году Скандербега и последовавшего за ней развала кланов, которые он объединял. Легенда гласит, что, узнав о смерти Скандербега, султан несколько преждевременно воскликнул: «Наконец-то Европа и Азия принадлежат мне! Несчастное христианство. Оно потеряло и свой меч, и свой щит».

К этому времени Османская империя уже находилась в состоянии войны с Венецианской республикой, которой Скандербег завещал свои владения. Война, причиной которой

послужил спор из-за господства над различными морскими базами, все еще удерживаемыми Венецией, периодически возобновлялась на протяжении шестнадцати лет.

* * *

Передышка в ней наступала только во время летних кампаний, когда султан отправлялся в Азию. Здесь усиливалось давление со стороны альянса венецианцев и других итальянских папских сил, а также христианских держав, сохранявших дипломатические отношения с Узун-Гасаном и его племенем Белого барана. Запад натравливал одни восточные страны на другие, пытаясь остановить продвижение турок. Узун-Гасан был вполне готов откликнуться на подобные предложения. Он намеревался пройти по следам Тимура, осуществив вторжение в Центральную Анатолию при поддержке анатолийцев из Карамана и других мест, которых Мехмед лишил их земель, тем самым вынудив искать защиты Узун-Гасана в Персии. Ради этого он собирал внушительную армию в Эрзинджане, в то время как его союзники захватили и разрушили Токат. Они безуспешно атаковали Амасью, губернатором которой был сын султана Баязид, захватили Кайсери, разорили район Ангоры и проникли на запад вплоть до Акшехира.

Пришло время для масштабного возмездия турок. Этой конфронтации предшествовал обмен угрожающими письмами между двумя правителями – как это было между Тимуром и Баязидом. В ответ на высокомерное послание Узун-Гасана, хваставшего своими победами в Персии и заявлявшего, что он больше не боится никакого врага, Мехмед написал письмо, в котором надменно обращался к нему, как к рядовому персидскому хану. Султан упрекнул хана в гордыне и предупредил, что его власть вскоре может кануть в бездну.

Осенью 1472 года, после консультации астрологов, что было его привычкой перед принятием любого важного решения, Мехмед переправился в Азию с большой армией и двинулся на восток. Перезимовав в Амасье, султан весной пошел дальше на восток к Эрзинджану. Узун-Гасан, не удержавшийся от восклицания при виде приближающейся огромной армии султана, занял позицию так, чтобы его правый фланг прикрывался течением Верхнего Евфрата, а тыл – горным хребтом. Здесь, у Терджана, самый молодой и любимый военачальник султана, Хасс Мурад-паша – потомок Палеологов, который лишь недавно поднялся до поста губернатора Румелии, а здесь командовал колонной легкой кавалерии, – с юношеским безрассудством решил начать необдуманную атаку, которая завела его прямо в засаду, подготовленную противником. Его отряд был окружен и в основном истреблен, а сам Хасс Мурад утонул в водах Евфрата.

Султан, будучи в гневе от этого поражения, в котором он обвинил великого визиря Махмуд-пашу, и расстроенный смертью своего любимца, приказал отступить. Но говорят, что до этого он увидел сон, о котором поведал своим военачальникам, чтобы те придали мужества солдатам. Во сне Мехмед сражался врукопашную с Узун-Гасаном и сначала был повержен тем на колени, но затем, восстановив силы, нанес хану такой удар в грудь, что на землю упал кусок его сердца. В реальности же, когда Мехмед отводил свою армию через горы к северу от Эрзинджана, Узун-Гасан внезапно появился на склонах справа от него. Сражение завязалось у Башкента, и после восьмичасового боя вождь «белобаранных» был побежден и его войска обращены в бегство, понеся потери в десять раз большие, нежели противник. Лагерь Узун-Гасана со всем его имуществом попал в руки турок. Султан лично провел три дня на поле боя, наблюдая за казнями пленных, но, как и следует покровителю науки и искусства, сохранил жизнь группе ученых и ремесленников, которые были отправлены в Стамбул. Когда армия Мехмеда направилась на запад, ее сопровождали три тысячи пленных туркменов, которых казнили во время похода из расчета четыреста человек в день.

Узун-Гасан и его соплеменники, рассеявшиеся по обширной территории, не были окончательно уничтожены, и сразу после сражения Венеция возобновила с ними дипломатические отношения. Никто не сомневался, что Узун-Гасан снова поднимется и накопит силы. Но пока султан Мехмед не ожидал новых угроз с этого направления, и, действительно, Узун-Гасану было суждено умереть в 1478 году.

Стремясь извлечь пользу из смерти Скандербега, Мехмед снова направил свои войска на Албанию. Его многочисленная армия, ведомая боснийским евнухом по имени Сулейман-паша, разбила лагерь перед крепостью Скутари, расположенной на одинокой, нависающей над Адриатикой скале высотой 400 футов, которая была нужна султану, чтобы обезопасить тылы для операций через Адриатику. Вдоль всего побережья крейсировал венецианский флот, укрепленный рыболовными лодками на озере Скутари с целью обеспечения города продовольствием. Осада с помощью пушек, отлитых на месте, как это теперь практиковал султан, продолжалась шесть недель, после чего значительные участки стен были обращены в пыль. Затяжной заключительный штурм стоил туркам больших потерь, включая гибель около дюжины военачальников, при этом огромное число солдат погибло от жажды и лихорадки, свирепствовавшей на окрестных болотах. В конце концов Сулейман снял осаду, разбил свои пушки и погрузил металл на спины верблюдов. Радость жителей Скутари была безудержной. Ее сдерживала только мучительная жажда и множество смертей из-за употребления несвежей воды. Но ни у кого не было иллюзий относительно того, что битва за Албанию завершена. Люди понимали, что Великий Турок наверняка вернется. Он действительно сделал это тремя годами позже, еще раз осадив «орлиное гнездо» Круи. После блокады, которая длилась больше года, крепость сдалась, принужденная к этому голодом, заставившим ее обитателей питаться мясом кошек и собак. Несмотря на обещание предоставить возможность безопасно уйти из города в качестве альтернативы османской оккупации, большая часть жителей была обезглавлена по приказу султана.

После этого все внимание Мехмеда снова сосредоточилось на Скутари, последнем бастионе Запада. Из его крепости можно было видеть столбы дыма, поднимавшегося над албанскими деревнями, разрушенными бандами турецких поджигателей. Город внутри цитадели обстреливали горящими снарядами, изготовленными из тряпья, смоченного маслом и смолой, – они причиняли большой ущерб. Старики и дети прятались в подвалах своих домов, все остальные были обязаны сбивать огонь с крыш, которые иногда приходилось срывать, чтобы предотвратить дальнейшее распространение огня. Турки предприняли два решающих штурма, не возымевшие существенного успеха, и султан с основной массой войск решил отступить, оставив часть отрядов, чтобы продолжать блокаду крепости. Теперь она была практически полностью изолирована на оккупированной территории, и начало голода в ней было лишь вопросом времени. Жители питались хлебом и водой. Мяса не было никакого. В городе не осталось даже крыс и мышей.

На другом берегу Адриатики, итальянском, воцарились страх и уныние, поскольку последствия турецких набегов на побережье Далмации становились все более тяжелыми. Турки варварски выжигали близлежащие окрестности, и то и дело раздавался колокольный звон на колокольне собора Святого Марка в Венеции, возвещавший о пожаре. Налетчики из Боснии, разорившие горные провинции Венгрии, в 1477 году повернули на запад. Отряд турецкой кавалерии появился в районе Фриули, в самом начале Итальянского полуострова. Кавалеристы разграбили города и деревни в долинах рек Изонцо и Тальяменто и нанесли поражение венецианцам в сражении, развернувшемся на долине к северу от Венеции. Они достигли берегов Пьяве, откуда их лагерные костры и горящие деревни были видны охваченным тревогой венецианским сенаторам с колокольни собора Святого Марка. Осенью турки

ушли, нагруженные трофеями и оставив после себя море огня, без разбора поглощавшего крестьянские дворы и виллы, замки и дворцы.

В следующем году набеги через Изонцо возобновились в еще больших масштабах, как раз во время созревания урожая. Десятки тысяч турок, относившихся к нерегулярным войскам, сеяли панику по всей стране. Воины Мехмеда уже кричали: «Мехмед, Мехмед, Рома, Рома!» Уже до английского королевского двора дошла тревога – люди понимали огромную опасность для христианского мира от турок, которые «стоят у ворот Италии и, как знает каждый, очень сильны».

Для венецианцев настало время искать мира, и условия договора были согласованы с султаном в 1479 году, подтвердив право турок на владение Скутари, Круей и островами Лемнос и Негропонт (Эвбея), наряду с Мани, гористым полуостровом на юге Мореи. Остальные территории, захваченные Венецией в ходе шестнадцатилетней войны, были возвращены туркам, но с правом венецианцев свободно вывести свои гарнизоны и вывезти оружие и снаряжение, тогда как турки вернут венецианцам места, оккупированные их собственными войсками в Морее, Албании и Далмации. На венецианцев была наложена большая ежегодная дань, в обмен на которую им вернули право свободной торговли и разрешили иметь консульство в Стамбуле для защиты своих гражданских прав. Так Мехмед принудил самую сильную морскую державу в Эгейском и Средиземном морях принять его условия. Он расчистил моря для вторжения в Италию турецкого флота с армией под командованием Гедика Ахмед-паши. Спустя несколько месяцев после подписания мирного договора султан захватил несколько островов в Ионическом море, ставших морской базой для дальнейшего нападения на берега Италии.

Оно состоялось в 1480 году на Отранто, расположенном в «пятке» полуострова. Цель была выбрана вместо Бриндизи – первого из запланированных объектов, ввиду отсутствия береговых укреплений. Городок Отранто был захвачен врасплох эскадроном кавалерии, при этом было много пожаров и крови. Восемь сотен его жителей были зверски убиты за отказ принять ислам и позже канонизированы римским папой. Окружающая территория была разграблена. Удары наносились в направлении Бриндизи, Лечче и Таранто, но были отражены отрядом, подошедшим из Неаполя. Султан надеялся использовать Отранто в качестве плацдарма для дальнейшего завоевания Италии. Но оставшиеся в живых горожане бежали и отказались вернуться в город и взять на себя снабжение войск оккупантов продовольствием, так что туркам пришлось вывести большую часть воинов, оставив только небольшой контингент, снабжавшийся по морю с берегов Адриатики, возможно с помощью венецианцев. Ходили слухи, что Мехмед собирался лично прийти в Италию с армией, и страх перед решающим вторжением турок был настолько велик, что папа римский подумывал о бегстве в Авиньон. Но вместо этого он мобилизовал помощь из самых разных источников, таких как Генуя, Испания и Португалия. Однако султан со своей армией так и не появились. Он переключил свое внимание на восток, в сторону острова Родос, покинув итальянские земли.

Островная крепость рыцарей ордена госпитальеров, иначе говоря, рыцарей святого Иоанна, иоаннитов, последних крестоносцев, остававшихся на Родосе, играла ключевую роль для обороны Анатолии и морского господства турок в восточной части Средиземного моря. Рыцари, руководимые неукротимым великим магистром Пьером д’Обюссоном, уже на протяжении нескольких лет ожидали нападения на остров и приложили все силы, чтобы сделать крепость неприступной, а также накопили запасы на три года осады. Они заключили договоры о союзе с мусульманскими правителями Египта и Туниса. Недооценив эти оборонительные меры, турки под командованием адмирала флота Месих-паши, потомка Палеологов, провели зимой 1479 года конную разведку в северозападной части острова, но обманулись в надежде захватить крепость врасплох. Войска Месиха были отброшены,

и он вернулся в Психос (Мармарис), что на материковой части напротив острова, чтобы дождаться прибытия более крупных сил весной. Они прибыли в срок по суше из Геллеспонта. Турецкая армия насчитывала семьдесят тысяч человек, ее сопровождала армада из более пятидесяти морских судов, доставивших тяжелую артиллерию.

После многих недель обстрела, не сломившего стойкое сопротивление, на последней неделе июля был начат решительный штурм – в тот самый день в другом конце Средиземноморья турки высадились в Отранто. О приближении штурма турки сообщали весь предыдущий день, от рассвета до заката, непрерывным разрывающим ушные перепонки грохотом: звучали крики, звуки труб, звон цимбал и бой барабанов. Таков был военный обычай турок, хотя и лишавший их фактора внезапности, но существенно поднимающий их боевой дух, а также снижающий его у противника. На это рыцари отвечали фанфарами и перезвоном церковных колоколов. В крепость было переброшено множество обращений, в которых утверждалось, что паша поднял черный флаг, что город будет разграблен, а жители убиты или проданы в рабство. Затем на штурм пошли башибузуки. Они бурным потоком устремилась через разрушенные крепостные валы и вверх по развалинам Итальянской башни, на которой водрузили турецкое знамя. За ними стремительным шагом следовали сплошные ряды янычар.

Месих-паша, уверовав, что победа будет за ним, выбрал этот момент для сообщения войскам о запрете заниматься грабежами, поскольку сокровища Родоса принадлежат султану. Это в конечном счете сломило боевой дух османских войск. Теперь уже крестоносцы, сражавшиеся под знаменами Святого Спасителя, Девы Марии и святого Иоанна Крестителя, бросились блокировать путь к башне, сойдясь с захватчиками лоб в лоб на узком бастионе у подножия башни, убивая турок до тех пор, пока стены и рвы не заполнились трупами. В завершение отряд рыцарей силой пробился в башню, перебил засевших в ней турок и сбросил их знамя на землю. При виде этого остатки павших духом турецких солдат стали в беспорядке отступать и в итоге побежали, по свидетельству очевидца, «подобно свиньям», безжалостно преследуемые рыцарями.

Осада была снята. Турецкие войска вновь погрузились на суда и собрались вместе в Мармарисе, чтобы отправиться в обратный путь в Стамбул. Здесь великий адмирал был лишен звания и получил скромный пост в Галлиполи. Город Родос лежал в развалинах. Но над ним возвышался белый крест святого Иоанна на красном фоне знамени – торжествующий символ веры. Ему оставалось развеваться здесь еще половину века. Теперь, после того как на протяжении жизни целого поколения одна военная кампания следовала за другой, дни Мехмеда Завоевателя приближались к концу.

Глава 10

В стремлении создать новую мировую исламскую империю Мехмед Завоеватель был озабочен не только тем, чтобы сплотить и расширить территорию Византии, но и создать на ее основе качественно новое государство, с новыми институтами – административными, правовыми, экономическими и социальными. Квазинезависимые открытые общества приграничных беев-гази, которые объединились со всеми своими различиями, чтобы заложить его основы, теперь были окончательно интегрированы в общественную и политическую структуру централизованного имперского государства.

По существу, это была военная теократия, как и Византия, представлявшая принцип «правления Бога». Над ней при посредстве высокоорганизованной бюрократии султан должен был осуществлять абсолютную власть. Задача Мехмеда, как он себе ее представлял, заключалась в устранении или, по меньшей мере, трансформировании и подчинении своему контролю каждого элемента, который мог бы угрожать или соперничать с его личной властью. Как властитель, назначенный Богом, править мог он, и только он один. Чтобы гарантировать своей династии сохранение навсегда этого божественного полновластия, он узаконил практику братоубийства, которая и так уже преобладала в его империи: «Ради благополучия государства один из моих сыновей, которому Бог дарует султанат, может на законных основаниях предать своих братьев смерти. Это право одобряется большинством правоведов».

Великий визирь султана, в отличие от визирей предыдущих правителей, был его управляющим, послушным исполнителем приказов суверена. Хотя он не мог принимать решения по государственным делам, великий визирь в рамках своих полномочий пользовался более широкой властью, чем его предшественники. До сих пор султан всегда лично председательствовал на заседаниях Государственного совета – дивана, который был так назван по месту, на котором он сидел, как веками сидели в шатрах его предки-кочевники. Но Мехмед в ходе своего правления передал эту привилегию великому визирю, перестав часто посещать заседания дивана, но наблюдал за ними, оставаясь невидимым, из расположенного над залом заседаний зарешеченного помещения, называвшегося «Глаз султана». Так поступали и его преемники.

Говорят, что изменение системы явилось результатом случая, когда одетый в лохмотья туркоман случайно забрел на заседание дивана и спросил на грубом диалекте своего народа: «Ну и который из вас – счастливый император?» Султан был разъярен, и великий визирь убедил его, что в будущем, дабы избежать подобных оскорблений его священной особы, дела дивана должны находиться в руках одних только визирей. Так великий визирь фактически стал главой правительства, держателем государственной печати. Он обладал, как заместитель султана, большими светскими полномочиями, определяя ответственность для каждой ветви гражданской администрации, осуществляя контроль над назначением и работой чиновников.

Стройная система гражданской администрации, которой управлял великий визирь от имени своего господина, опиралась на четыре «столпа империи» – это понятие уходило корнями к четырем шестам шатров ранних османских правителей. Число «четыре», применительно к столпам, имело священный смысл, символизировавший также четырех ангелов, которые, согласно Корану, поддерживают трон; четырех соратников Пророка, которые стали четырьмя праведными халифами; четыре ветра небесных.

Первым столпом был сам великий визирь. Подобно другим высокопоставленным сановникам, он носил почетный титул паши, буквально означавший «нога султана» – примерно так же приближенные монарха среди древних персов именовались его глазами и руками. Великий визирь пользовался особым отличием – ему было разрешено демонстри-

ровать в качестве регалий паши пять бунчуков, тогда как три других визиря, подчиненные ему, имели только три бунчука. Эта эмблема появилась еще во времена наездников-кочевников в турецких степях. В трех областях государственного управления эти министры, хотя и обладали автономией в пределах своих полномочий, касавшихся соответственно общих, правовых и финансовых вопросов, были подотчетны непосредственно султану.

Второй столп объединял ответственных за отправление правосудия – двух кадиаскеров, армейских судей, в обязанности которых входило назначение других судей, одного для Анатолии и другого для Румелии. Третий столп образовывали дефтердары – счетоводы или бухгалтеры, четыре казначея государственной казны, отвечавшие за финансовое и фискальное управление. Четвертым и последним столпом были нишанджи, канцлеры и государственные секретари, которые готовили эдикты султана и ставили на них оттиск его подписи, тугру или нишан, в качестве его печати. Наконец, имелись еще аги, командиры, или офицеры, разделенные на два класса – внешние, выполнявшие военную функцию, как ага янычар, и внутренние, относившиеся исключительно ко двору султана.

Эта система, модифицированная и дополненная Завоевателем, была кодифицирована в Канун-наме, книге, название которой произошло от греческого слова kanon и арабского kanun. Эта Книга законов была составлена к концу правления Мехмеда по его указанию. Она содержала описание иерархии государства, его обычаев и церемоний, обязанностей и институтов, доходов и штрафов, которые государство было уполномочено вводить.

Канун-наме отражала не мусульманские, а турецкие традиции государственности. Османская империя, как и другие мусульманские державы, традиционно управлялась согласно господствующему Корану, священному, или шариатскому, закону. Но по мере того как империя увеличивалась в размерах и становилась более сложной, возникла необходимость дополнить кораническое право государственным, расширив его положения и адаптируя их к меняющимся условиям. Мурад I положил начало этим изменениям, а Мурад II продолжил. Новое столетие, принесшее множество новых административных функций и проблем, сделало необходимой новую кодификацию Мехмеда II, которая в последующие века была расширена и, в свою очередь, заменена новыми сводами законов. Они включали постановления и распоряжения самого султана, которые он, согласно османской традиции, будучи падишахом, то есть сюзереном империи, имел абсолютное право принимать без вмешательства высших лиц исламского правового истеблишмента. Но за рамками положений этого государственного закона, известного как урфи, то есть дополнительный, султан продолжал придерживаться обязательных ограничений закона шариата, основанного на первичных исламских источниках – Коране, записанном слове Бога; Сунне, или мусульманском священном предании; и откровениях первых четырех великих халифов. Его имперские эдикты, или хатти-шерифы, считались второстепенными (нижестоящими), и любой важный политический акт султана предполагал предварительное одобрение фетвой (правовым мнением) главного муфтия, ведущего авторитета в области исламского права.

Канун-наме описывала также обычаи и формальности двора султана, которые в своей жесткой иерархичности, помпезности, роскоши и замысловатом церемониале во многом повторяли византийскую модель – особенно это касалось «порядка церемоний», заложенного в X веке Константином Порфирогенетом (Багрянородным). В первую очередь, речь шла об изъявлениях покорности, которых султан, как и византийские императоры, требовал от иностранных послов. Традиционный возглас приветствия султану напоминал приветствие базилевсу (василевсу). Этот титул имели византийские императоры, и подданные считались их рабами. Византийские хроники действительно все еще называли султана базилевсом – исламским базилевсом.

Как и в Византии, такие вопросы, как дворцовая церемония, одежда и этикет, были изложены в мельчайших подробностях. Мехмед, со своей стороны, определил, что ранг и

обязанности каждого дворцового чиновника должны быть узнаваемы по цветам одежды. Визири, например, носили зеленые одежды, камергеры – ярко-красные. Что касается исламской иерархии, муфтии носили белые одежды, представители улемы – лиловые, муллы – небесно-голубые. Цвет обуви также имел значение. У государственных служащих она была зеленого цвета, у дворцовых чиновников – светло-красная. Помимо цвета, важным был и стиль костюма – покрой рукавов, применявшийся для отделки мех, но главное – форма тюрбана и бороды его обладателя. В исламском обществе головной убор имел особое символическое значение. Тюрбан был предназначен исключительно для мусульман. Предполагалось, что немусульмане, франки или греки, будут носить шапочки красного, черного или желтого цвета, а их обувь должна отличаться по цвету от обуви мусульман – туфли и сапоги греков, армян и евреев должны были быть черного, фиолетового и голубого цвета соответственно.

Лишь в одном случае Мехмед II отошел от традиций своих османских предков, отдав предпочтение примеру Византии. Раньше султаны были доступны для своих подданных и могли общаться с ними в относительно неформальной обстановке. Но с завоеваниями в Европе и под влиянием Византии пришла забота о священном характере личности суверена наряду с обычаем изоляции, уместным для величия, применительно не только к его гарему, который стал надежно охраняться евнухами, но и к самому султану. Мехмед уже отошел от практики своих предков, которые свободно делили стол со своими подданными, и даже от практики своего отца, Мурада II, который ограничил до десяти человек число тех, кто мог обслуживаться с ним за одним столом. Мехмед питался в одиночестве, издав декрет, «отлучивший» от монаршего стола всех визирей и других чиновников: «Это не моя воля, чтобы кому-то подавали на стол пищу вместе с моим императорским величеством, исключая тех, в ком течет королевская кровь».

В своем первом дворце, выстроенном на третьем холме, Мехмед не смог достичь достаточной изоляции, поскольку дворец был расположен за не вполне подходящими стенами, в квартале города, слишком населенном, чтобы можно было претендовать на должную отчужденность. Этот фактор повлиял на выбор места для нового дворца, Великого сераля, или Дворца Пушечных ворот. Его он начал строить в 1465 году в центре бывшего византийского Акрополя – на мысе, господствующем над местом слияния трех морей – Золотого Рога, Босфора и Мраморного моря, который стал известен как мыс Сераль. Планы строительства дворца, разработку которых доверили персидским, арабским и греческим архитекторам, были настолько грандиозны, что его завершение, как изначально предполагалось, потребовало бы двадцати пяти лет. Но благодаря исключительно высокому уровню оплаты труда, щедрому бакшишу, раздаваемому рабочим, и большой движущей силе личного контроля Мехмеда дворец был закончен в течение одной четвертой части намечавшегося срока. Внутри его высоких крепостных стен с тремя воротами и двумя внутренними дворами располагались бесчисленные здания, спроектированные большей частью в форме элегантных беседок. С каждой стороны (об этом пишет современник султана, греческий биограф Критовул) были «обширные и очень красивые сады, в которых росли все вообразимые растения и фрукты. Вода, свежая, чистая и пригодная к питью, лилась в изобилии с каждой стороны; стаи птиц, съедобных и певчих, гоготали и щебетали; везде бродили стада и домашних и диких животных». Тут в зимнее время между кампаниями султан скрывался от взглядов публики, появляясь на улицах города только в случае возникновения государственных дел и в сопровождении усиленной охраны.

Планируя этот новый Сераль, Мехмед намеревался создать новую модель придворной жизни турок на многие века вперед. Дворец был разделен на две основные секции – внешний двор, отведенный для официальных служб и кабинетов султана, включая помещение дивана, и внутренний двор, с тронным залом и апартаментами султана, помещениями для евнухов и пажей. Веком позже он превратился в Дом блаженства, отведенный под апарта-

менты женщин султана и, соответственно, включивший его гарем. Сам Мехмед предпочел расположить гарем в другом месте, в его прежнем дворце на третьем холме, который вместе с 370 евнухами остался таким образом центром его частного домохозяйства.

В Сераль вели трое последовательно расположенных ворот. Первые ворота, связывающие Сераль непосредственно с городом, назывались Имперскими воротами, или Баб-и-Хумайн. На них сохранилась надпись, сделанная в память его основателя: «Султан Мехмед. Тень и дух Бога среди людей, монарх этой земли, господин двух континентов и двух морей, востока и запада, покоритель города Константинополя». С ранних времен турки использовали дворцовые ворота для отправления закона и справедливости, и, возможно, именно эти ворота, традиционно повторяющие очертания величественного главного входа (портала) султанского шатра с четырьмя шестами, передали турецкому правительству название Порта, или, как впоследствии его стали именовать европейцы, Высокая (Блистательная) Порта.

Ага, или привратник, регулировавший сообщение между Сералем султана и внешним миром, был главой белых евнухов, контролировавших официальную часть дворца и персонал. Он, по сути, был церемониймейстером, а также доверенным лицом султана. Ему подчинялась целая иерархия других белых евнухов, выполнявших разные функции камергеров двора. Параллельно ему существовал начальник черных евнухов, ага, контролировавший тех, кто служил в помещениях для женщин, впоследствии переведенных внутрь Сераля. Использование евнухов, неизвестных ранним османским султанам, было обычаем, заимствованным у Византийской империи, которая в свою очередь позаимствовала его на Востоке. Поскольку ислам запрещал кастрацию, османы ввозили евнухов из христианских стран, в то время главным образом с Кавказа, при посредстве торговли, которая, как и торговля рабами, в основном находилась в руках евреев.

Главный белый евнух контролировал весь персонал двора султана, в то время состоявший примерно из 350 человек. Все они были бывшими христианами, как и все гражданские и большинство военных чиновников Османского государства, от великого визиря и его коллег-визирей до провинциальных губернаторов, владельцев фьефов, сборщиков налогов и исполнительных чиновников различных рангов. Все они входили в «Рабскую челядь» султана, прототипом которой был Сераль. Они были личными рабами своего хозяина и оставались таковыми на протяжении всей жизни, независимо от любого продвижения по службе и властных полномочий, которых они могли достичь. Это был продукт синтеза двух институтов, военного и гражданского. Он изначально произошел от девширме, или закона о наборе, который европейцы назвали «законом внесения дани детьми». На основании его был создан корпус янычар, после чего он развился и при Мураде II стал инструментом не только военного, но и гражданского управления. Мурад создал новый более эффективный правящий аппарат взамен старого, который унаследовал и, в свою очередь, усовершенствовал его сын.

Сила и значимость этой системы заключалась главным образом в том факте, что она не была наследственной, а значит, исключала формирование потомственной аристократии и знати, такой как старинные османские роды. Она предохраняла от политического соперничества абсолютную власть султана. Имелись основания утверждать, что, если бы рабами султана были мусульмане, они стали бы злоупотреблять этой привилегией. Их родственники в провинциях угнетали бы крестьянство, отказывались платить налоги, восставали против местных властей. «Но если христианские дети принимают ислам, они становятся ревностными в вере и врагами своих родственников». Иноземный гость Стамбула, барон Венцеслав Вратислав, позже выразился следующим образом: «Никогда… я не слышал, чтобы о какомнибудь паше говорили, и не видел ни в Константинополе, ни во всей Турции, чтобы какой-либо паша был турком по рождению; напротив, паша всегда был похищенный, или захваченный в плен, или обращенный в турка».

Источником этой системы была дворцовая школа для пажей султана, расположенная в стенах Сераля. Ее целью были отбор и продвижение под контролем наследственного султана членов этого ненаследственного правящего класса с равными для всех возможностями, элиты, набранной единственно по принципу достоинств. Она действительно была призвана создать для Османского государства меритократию, уникальную для аристократического мира того времени. Стремлением султана Мехмеда было расширение и развитие этой школы, и последующая необходимость в больших площадях, возможно, повлияла на выбор им Сераля в качестве места для его нового дворца. Школа неизменно поддерживалась высоким уважением Мехмеда к образованию и использованию интеллекта и его пониманием потребности в просвещенных чиновниках, как гражданских, так и военных, по мере расширения империи. И под руководством султана она превратилась в крупную школу государственного управления, прекрасно организованную и функционирующую без перебоев.

На идею создания подобного инструмента для подготовки правящей элиты из его подданных – христиан по происхождению с самого начала повлияло осознание удивительной личной преданности его пажей, иными словами, их потенциальной ценности как силы, которая могла бы противостоять янычарам с их бунтарскими наклонностями. Она была нацелена на создание типа османского государственного служащего, который был бы одновременно воином, государственным чиновником и верным мусульманином и который должен был также стать, выражаясь словами итальянского автора XVI века, «литератором и джентльменом отточенной речи, глубокой учтивости и честной морали». Отныне и впредь, располагая таким многообещающим материалом, дворцовые школы готовили из среды своих питомцев четырех из каждых пяти великих визирей. Преуспевая на протяжении трех с половиной столетий на основе общих принципов, установленных Мехмедом, и еще полтора века на несколько измененной основе, они вносили жизненно важный и постоянный вклад в османскую историю.

Под административным контролем главного белого евнуха, при содействии Имперского казначейства, с одной стороны, и хозяйственной службы султанского двора, с другой, школа формировалась, в соответствии с возрастом учеников, из двух подготовительных школ и двух школ профессиональной подготовки. На раннем этапе ученики разделялись на тех, кто имеет высокий интеллект, и тех, кто склонен к работе руками. На всю подготовку отводилось четырнадцать лет, причем период ученичества длился семь-восемь лет. Большинство пажей после периода ученичества не становились личными слугами султана, а после предварительной подготовки назначались на младшие военные и правительственные посты. В более поздние годы своего правления Мехмед учредил третью школу профессионального обучения, Зал султанской опочивальни, в которой занимались примерно сорок пажей под началом четырех чиновников – оруженосца, конюшего, смотрителя гардероба и мастера тюрбанов. В каждой школе был свой первый чиновник, ответственный за порядок и дисциплину, и второй чиновник, управлявший хозяйством, наряду с библиотекарем, регистратором, казначеем и имамом, а также тремя муэдзинами. Много внимания уделялось индивидуальным способностям учеников, выявлению их инициативности и лидерских качеств. Ученики поощрялись к изучению выбранных ими предметов. Поощрения внутри дворцовой школы, как и в государственных учреждениях, опирались на жесткую систему, при которой пажи «награждались за малейшую услугу своему господину и наказывались за малейшую провинность».

Целью дворцовой школы, после создания возможностей для изучения Корана и ознакомления с принципами исламской теологии и права, было, по сути, гражданское образование, с акцентом скорее на мастерство государственного управления и военную науку, чем на религию. Ничего подобного не было в исламе. Несмотря на это, преподавательский состав привлекался в первую очередь из улемы, мусульманских «священников» и профессоров свя-

щенного права. Но к ним Мехмед добавил учителей, ученых и писателей, взятых из лиц, принадлежавших к его двору. Благодаря им имелась возможность вести обучение по греческой и латинской модели, так что Османское государство даже сравнивали с Республикой Платона. В эту «республику» вскоре начали возвращаться византийские греки, бежавшие в Италию во время захвата Константинополя.

Учебный план дворцовой школы, идея которого принадлежала Мехмеду, сочетал в себе в равной мере гуманитарное образование, физическое воспитание, подготовку к физическому труду и профессиональное обучение. Гуманитарное образование включало изучение турецкого, арабского и персидского языков с акцентом на турецкий язык, которым при всех его сложностях нужно было досконально и быстро овладевать. Также велось глубокое изучение арабского алфавита, грамматики и синтаксиса, персидской литературы с ее поэзией и вниманием к рыцарству и романтизму. Преподавали историю Турции и математику – арифметику и, вероятно, геометрию. Ученики применяли на практике те искусства, ремесла и науки, к которым, по наблюдениям специалистов, имели наибольшие способности. Среди этих предметов была турецкая музыка, как военная, так и вокальная. Хор дворца устраивал для султана регулярные концерты, а также приветствовал его песней за полчаса до рассвета и через полтора часа после захода солнца и обращался к нему с музыкальными приветствиями по всем торжественным случаям.

Физическая подготовка состояла из гимнастических упражнений, помогающих пажам поддерживать отличное здоровье, силу и ловкость. Они занимались практически всеми видами спорта: стрельбой из лука, борьбой, фехтованием, метанием дротиков и ранней формой поло, с мячом, прикрепленным к шнуру. Большую важность имело искусство верховой езды, так как многие из пажей направлялись на службу в кавалерию, и, чтобы лучше соответствовать армии, они становились искусными не только в верховой езде, но и в других видах ратного мастерства.

Наконец, все, кроме янычар, осваивали на практике избранный ими вид деятельности или ремесла из числа преподававшихся в различных школах профессиональной подготовки. Сами султаны поступали так же. Мехмед II стал искусным садовником, посвящавшим значительную часть своего досуга уходу за дворцовыми садами, где он любил выращивать не только цветы и деревья, но и овощи. Существует предание, что он однажды вырастил гигантский огурец, которым особенно гордился, но тот исчез. В бешенстве он вспорол живот одному из садовников и обнаружил остатки огурца в его желудке. Селим I и Сулейман I были искусными ювелирами, Абдул-Хамид II – столяром-мебельщиком, умевшим изготавливать сложные инкрустации. Другие представители правящей династии занимались такими ремеслами, как вышивка, изготовление луков, заточка ножей и мечей. Пажи учились готовить напитки и любимые блюда султана, стирать льняные изделия, изготавливать тюрбаны, стричь волосы, брить, делать маникюр и исполнять различные функции в турецкой бане.

За пределами столицы и Блистательной Порты администрация Османской империи была тесно связана с организацией и развитием армии, руководителями которой были внешние, или военные начальники – аги, в отличие от внутренних аги султанского двора. Они представляли собой исполнительную власть султана, подобно тому как кади (судьи), привлеченные из улемы, представляли его судебную власть. Деление османской территории на провинции под усиливающимся централизованным контролем было обусловлено военными факторами. Империя была поделена на две половины – Анатолию и Румелию, каждая под контролем генерал-губернатора, или бейлербея – паши с двумя бунчуками. Каждая подразделялась и напрямую управлялась через санджаки, или районы, контролируемые военными губернаторами, санджак-беями, каждый из которых получал знамя (штандарт), или

санджак, как символ власти султана. Санджак-бей был пашой с одним бунчуком, в задачу которого входил сбор и руководство войсками султана в пределах его территории, поддержание порядка в интересах общественной безопасности и обеспечение регулярной уплаты налогов. Во время правления Мехмеда Завоевателя в Азии насчитывалось двадцать санджаков, а в Европе – двадцать восемь.

Каждая из этих провинций, в свою очередь, подразделялась на ряд фьефов, больших и маленьких феодальных владений – зеаметов и тимаров – как повелось со времен первых султанов. Они жаловались, с определенными правами на крестьян, живущих на этой земле, кавалеристам турецкого происхождения – сипахам. Отряды таких кавалеристов являли собой основную массу вооруженных сил империи. Они должны были быть готовы в любую минуту призвать своих людей к оружию в количествах, указанных санджак-беем. В случае неспособности сделать это сипах лишался своего фьефа, который в любом случае не передавался по наследству, как на Западе. В случае смерти сипаха только небольшая часть фьефа переходила бы к его сыну, который был обязан заслужить право на владение поместьем больших размеров своими военными подвигами.

Так что основная часть сельскохозяйственных земель на территориях империи теперь принадлежала государству и контролировалась центральным правительством, которому не мешало право частной собственности. Мехмед превратил в тимары большие поместья землевладельцев-христиан, имевших право собственности на землю, и земли монастырей. Теперь султан продолжил этот процесс с помощью присвоения, как «земель короны», прочих владений, и частных и коллективных. Некоторые из них были выделены в качестве фьефов его визирям и другим чиновникам с такими же ограничениями принципа наследования. Но основную массу он предназначил для увеличения численности кавалерии.

Широко распространенная и расширившаяся система тимаров, порожденная необходимостью содержать большую имперскую армию на основе средневековой экономики, стала главным рычагом администрации, воздействующим на финансовую, социальную и аграрную политику для удовлетворения военных потребностей империи. Это была система «фрагментарного владения», при которой государство, сипах и крестьянин делили права и обязанности в отношении земли. Государство владело землей. Сипах был уполномочен государством собирать с крестьян определенные оговоренные доходы в обмен на его военную службу и военную службу его всадников. Крестьянин – райя – обрабатывал землю, пользуясь ее плодами в обмен на налог и свой труд, ради поддержания собственной семьи. Земля переходила к его сыновьям после его смерти. В этом, в общих чертах, выражалась суть мудро организованной, тщательно проработанной и строго соблюдавшейся при правлении султана Мехмеда государственной феодальной организации, которая соединила к взаимной выгоде его производящие классы и вооруженные силы.

Этих владевших тимарами сипахов и их конников, вооруженных традиционными средневековыми видами оружия – лук, меч, щит, копье и булава, к концу правления Мехмеда насчитывалось около сорока тысяч человек. Они отличались от сипахов Порты, собственных дворцовых войск султана. В случае войны их силы дополнялись, как и во времена Османа, нерегулярной кавалерией, или акынджи – эти воины набирались из масс населения, жившего за счет права грабить земли, которые они оккупировали, а также пешей милицией, введенной Орханом, – азабами.

Но главную силу армии по-прежнему составляли янычары, пехотные части, состоявшие из безземельных рабов христианского происхождения, численность которых во времена Мехмеда возросла до десяти тысяч человек. Они имели более высокое денежное содержание и современное огнестрельное оружие. Янычары составляли ядро пехоты, в то время уникального войска на Востоке, где всегда преобладала кавалерия, и не имели себе равных на Западе, ни в одной стране, с которой турки вступали в конфликт. В столице они были

единственным регулярным войском, которое могло стоять там гарнизоном, под началом своего аги, во дворце султана. Во время военных действий только они могли составлять гарнизоны вновь захваченных крепостей и их ответственность распространялась за пределы крепостных стен. Янычары не подчинялись юрисдикции провинциальных властей, получая распоряжения непосредственно от султана, который лично назначал их командиров. Таким образом, янычары служили центральному правительству в качестве эффективного противовеса любой местной оппозиции, которая могла возникнуть на территории империи. Они играли свою роль преданных слуг династической линии сильных османских султанов, со времен Орхана твердо решивших обуздать рост такой независимой феодальной знати, как существовала в средневековой Европе.

По всей империи с уничтожением Мехмедом старого правящего класса и его замещением министрами, которые были его личными рабами, остались только служебные ранги, которые давали свободную возможность для дальнейшего продвижения по службе. Это было гибкое общество, в котором слуга мог превзойти своего господина, а господин – своего вышестоящего начальника, где ремесленник мог возвыситься до уровня великого визиря, а великий визирь – опуститься до уровня ремесленника. И все это принималось как естест венные личные проблемы, не ведущие к утрате положения в обществе. Таким, основанным на имперских милостях и наградах за заслуги был социальный и административный организм этой исламской империи, отличавшийся от любой империи на христианском Западе. В общей социальной структуре Османской империи этого времени привилегии рождения как таковой не существовало. Все, находившиеся ниже уровня абсолютного суверена, были равны в глазах закона и своих соотечественников. Государство османов было меритократией, в котором привилегии нужно было заработать.

Доходы государства в первую очередь поступали от подушной подати, которую платили только покоренные немусульмане, райя. Они составляли большинство крестьянского населения и значительную часть городского населения, особенно в европейской части Турции. Сами турки-мусульмане и обращенные в ислам, так же как и в прошлом, были освобождены от этого налога, но были обязаны, в случае ведения в их районах военных действий, выплачивать десятину со своего имущества, включая стада, зерновые, урожаи риса и ульи. Когда же в ходе сражения место, расположенное на берегу моря, у входа в ущелье, на перевал или в лес, приобретало стратегическое значение, жители данного района, райя или нет, освобождались от налогов в обмен на трудовую повинность, выполняемую в интересах общества или в порядке помощи войскам. Другие налоговые источники включали дань, выплачиваемую такими государствами, как Валахия, Молдавия и Республика Рагуза.

Однако основная часть дохода империи поступала от различных государственных учреждений и предприятий – таможни и портовых сборов, сборов за помол зерна, паромных переправ, сборов за взвешивание грузов, монополии на такие товары, как соль, мыло и воск для свечей. Все они, вместе с некоторыми промышленными предприятиями и природными ресурсами, включая рудники по добыче серебра, меди и свинца, часто передавались государством концессионерам. Это было выгодно обеим сторонам, но могло приводить к общественным и финансовым злоупотреблениям и чрезмерной эксплуатации средств производства. Другие средства, используемые султаном для увеличения доходов в те моменты, когда он нуждался в крупных суммах денег, чтобы поддерживать на должном уровне вооруженные силы (которым приходилось постоянно находиться в боевой готовности), включали периодические девальвации денег путем чеканки новых монет и скупки старых по заниженному курсу. Эта мера, равнозначная по эффекту налогу на серебряные деньги, вызывала недовольство народа, особенно когда чиновники, известные как «искатели серебра», направлялись в провинции для досмотра домов и конфискации припрятанных монет.

Более конструктивным, однако, оказался придуманный Мехмедом способ финансировать свои кампании с помощью торгово-экономического развития и последующего увеличения доходов государства. Предшественники Мехмеда, стремясь положить конец привилегированному политическому положению франков в Леванте, отменили их право на беспошлинную торговлю, начиная с последних лет существования Византии, и наложили на них налог в размере 10 процентов от стоимости товаров. Теперь же Мехмед удвоил его, что вызвало бурное недовольство франкских купцов. Но в действительности их торговля должна была увеличиться благодаря развитию после завоевания Константинополя большей степени политической стабильности во всех владениях султана и открытию безопасных путей сообщения между удаленными районами. Повысилась, следовательно, возможность преуспевания посредством более тесной и более общей экономической интеграции. Но внутри империи другие немусульмане, особенно греки, армяне и евреи, с этого времени стали стремиться вытеснить итальянских купцов.

Не только Стамбул с его быстрым развитием, но и другие города, такие как Бурса, Адрианополь и порт Галлиполи, извлекли пользу из энергичного роста торговли. В Западной Анатолии начало быстро развиваться хлопчатобумажное производство, в Ангоре и вокруг нее – производство шерстяных тканей, в Стамбуле и Бурсе производили шелк, откуда его экспортировали на западные рынки. Бурса, последний пункт на пути шелковых караванов из Персии, стал международным торговым центром. В числе прочих товаров здесь торговали специями, доставляемыми через Дамаск из Индии и Аравии. Подобного рода товары поступали или по старым сухопутным торговым путям, пересекавшим Анатолию, через Адану и Конью, или по морю из египетских и сирийских портов в Адалью и Аланью, в то время как железная руда и другие товары экспортировались из Анатолии в Египет. И в этом – обратном – направлении Бурса также стала центром экспорта европейских шерстяных изделий на Восток.

Мехмед Завоеватель, поставивший себе цель обеспечить полное использование ресурсов своей страны, значительную часть своей неуемной энергии уделил, по рекомендациям западных советников, вопросам развития торговли и финансов. Кроме того, с самого начала своего правления Мехмед посвятил себя делу реорганизации административных управлений, и в особенности казначейства, методы сбора налогов которым были перестроены на эффективных и деловых началах. В подобных практических делах Мехмед превзошел своего отца. В интеллектуальном аспекте он был обязан поблагодарить своего отца за первоклассное образование, правда после не вполне удачного начала. Мехмед свободно владел шестью языками – турецким, греческим, арабским, латынью, персидским и еврейским – и имел, благодаря своим многочисленным наставникам, основательную подготовку в области исламской и греческой литературы, философии и, в меньшей степени, в науках.

Он развил в себе интерес и глубокое уважение к западной культуре – как и к восточной. После захвата Константинополя султан привлек к своему двору многих итальянцев, включая представителей латинской гуманистической школы и специалистов в других областях знаний. Разумеется, его цель была, по крайней мере частично, политической – ему необходимо было обладать знаниями о мире, который он мечтал покорить, по истории и географии Запада, в особенности Апеннинского полуострова, его системах управления, религиозных верованиях, его внутренних противоречиях и дипломатических интригах, вооруженных силах и военной стратегии. Мехмед полагался и на опытных иностранных советников, специалистов в вопросах коммерческой и финансовой политики. С помощью ученых он собрал для своей библиотеки в Серале ряд классических рукописей, на которых основывались его научные занятия, а также работы греков по христианской религии, которые для его удобства были переведены на турецкий язык.

На более поздних этапах своего правления, будучи всегда свободным от запретов ислама на изображения человека, он распространил свое покровительство на западную живопись и скульптуру, и некоторые итальянские художники посетили его двор. Главным среди них был венецианец Джентиле Беллини, который прибыл в 1479 году в ответ на обращенную к дожу просьбу султана прислать ему «хорошего художника». Беллини провел в Стамбуле пятнадцать месяцев, и его принимали с особой благосклонностью. Он написал портреты султана и других важных персон двора. Существует рассказ о том, как Беллини однажды показал султану картину, изображавшую обезглавливание Иоанна Крестителя. Мехмед долгое время размышлял над увиденным, а затем раскритиковал изображение, объяснив на основании личного опыта, что человеческая шея, после того как отрубят голову, выглядит короче и более сморщенной, чем это передал художник. Беллини украсил внутренние апартаменты Сераля рядом фресок и других живописных произведений. Все эти работы Ренессанса были убраны, как «непристойные», после смерти Мехмеда его сыном-иконоборцем Баязидом II, продавшим все картины на открытом рынке. Большинство работ пропало, кроме портрета султана, приобретенного венецианским купцом и спустя века оказавшегося в Национальной галерее в Лондоне. Помимо просьбы прислать из Венеции хорошего художника, Мехмед попросил также прислать и хорошего скульптора, специалиста по бронзе. Точно неизвестно, кто был послан в ответ на его просьбу. Хотя одним из гостей при дворе султана был Констанцо де Феррара, который изготовил для султана медальон.

Но сам Мехмед Завоеватель не был выдающимся деятелем Ренессанса. Он был сувереном средневековой империи, непоколебимо верившим в те традиции ислама, посредством которых он стремился, как святой воин, сохранить Pax Ottomanica на всей территории бывшей ортодоксальной христианской империи. В культурном плане ему был несравненно ближе Восток, чем Запад. Мехмеда всегда привлекала Персия. Его притягивал шиизм, неортодоксальный ислам Персии с его братствами дервишей. Но на практике он был не способен примирить его ереси с более жесткими суннитскими принципами своего собственного ортодоксального исламского государства. Ведь, согласно турецкой пословице, «тот, кто читает персидское, теряет половину своей веры».

Тем не менее Мехмед читал и особое расположение, которое он оказывал персам сначала в интеллектуальной, а затем и в управленческой сфере, вызывало зависть турок. Число персов, живших и писавших в Османской империи под его покровительством, было большим, чем в любое время до или после него. Помимо юристов, большинство из них были поэты, и османские поэты пользовались персидским стихом в качестве модели, преобразовывали его, придавали турецкую форму – особенно великие эпические творения Фирдоуси и лирику Хафиза. Сам Мехмед написал около восьмидесяти поэм на турецком языке – ни одна из них не отличалась особыми достоинствами – и приобрел известность как «рифмующий султан». Он поощрял занятия литературой, ежемесячно выплачивая пособия поэтам и другим мастерам литературного жанра. В то же время он многое делал для продвижения карьеры своих бывших профессоров, людей интеллектуальных и других профессий. Он любил беседы в своем дворце в окружении известных ученых и богословов.

Но в этой обстановке науки прогрессировали сравнительно медленно. Сам Мехмед интересовался астрономией, но главным образом как фоном для астрологии. Он никогда не предпринимал важных шагов, особенно в военном деле, не проконсультировавшись сначала у любимых астрологов при дворе. Дата и даже час события должны были быть точно определены положением планет. Все еще малоразвитой у турок оставалась медицинская наука, и личные медицинские советники султана были по большей части евреями из Италии. Известной личностью среди них был Джакопо де Гаете, который под именем Якуб-паши достиг должности визиря и на протяжении более чем тридцати лет пользовался большим влиянием при дворе султана не только в медицинских, но и в финансовых вопросах и сопровождал сул-

тана во всех его военных походах. Венецианцы, постоянно стремившиеся убить Мехмеда, за двадцать лет предприняли через своих агентов не менее четырнадцати попыток отравить его и с этой целью пытались заручиться поддержкой Джакопо, но безуспешно.

Здоровье Мехмеда не было крепким. Повод для тревоги появился в тридцать лет, когда он стал сильно полнеть, результатом чего явились острые проявления наследственного артрита, которые временами делали слишком болезненным пребывание в седле, что было для него привычно во время военных кампаний. Очень любивший хорошо поесть и – в этом отношении он был плохим мусульманином – выпить, султан с годами становился все более тучным. Он страдал от острых приступов подагры и колик, зачастую в течение долгого времени не мог покинуть свой дворец. В последующих поколениях средняя продолжительность жизни османских правителей сократилась. За полтора века только одному из них удалось прожить чуть больше пятидесяти лет. В 1479 году, когда Мехмеду было за сорок, у него появилась опухоль на ноге, озадачившая врачей. К концу следующего года, когда Беллини писал его портрет, султан был явно больным человеком.

Весной 1481 года Мехмед переправился со своей армией в Азию и начал продвижение на юг, ведя кампанию, назначение которой, в соответствии с его привычкой, держалось в секрете. Возможно, он планировал лично возглавить еще один поход на Родос. Или у него имелись планы относительно владений мамлюкского султана в Египте. Но по пути у Мехмеда началось сильное обострение колита, усилившее проявления подагры и артрита, от которых он мучительно страдал. Личный врач султана – перс по национальности – дал ему лекарство, оказавшееся неэффективным и которое, как заявили его недруги, было чрезмерной дозой опиума, предписанной по указанию его сына Баязида. Когда Якуб-паша наконец добрался до постели своего господина, он объявил, что эта доза была фатальной. Ничего нельзя было сделать. Мехмед Завоеватель скончался 4 мая 1481 года, в час полуденной молитвы, в возрасте сорока девяти лет.

«Великий Орел мертв». Так посыльный передал эту новость в Венецианскую республику. Запад мог снова вздохнуть, освобожденный от страха перед Востоком. Он оставался свободным от угроз с этой стороны еще сорок лет. На деле султан Мехмед II, несмотря на большое число военных кампаний, не слишком расширил границы империи. Он потерпел неудачу под Белградом, на Родосе и под Отранто. Тем не менее он утверждал, что стал хозяином двух морей и двух континентов. Как завоеватель, султан Мехмед окончательно закрепил основы великой исламской империи; как государственный деятель, он создал внутри империи структуру нового и прочного исламского государства со своими институтами, традициями и политикой, достойными того, чтобы наследовать имперским цивилизациям классического Рима и христианской Греции. Мехмед на деле был ревностным защитником ортодоксального христианства и уже только за это главное достижение может оцениваться в исторической перспективе как выдающийся монарх Средних веков.

Часть третья. Зенит империи

Глава 11

XVI веку было суждено увидеть величайшего из всех османских султанов, Сулеймана I, известного миру как Сулейман Великолепный, а его собственным подданным как Сулейман Законодатель. Правнуку Мехмеда II предстояло расширить Османскую империю и поднять ее выше, чем помышлял сам Завоеватель. Но пока еще порок братоубийства, присущий Османской династии, после смерти Мехмеда вырвался на свободу, положив начало продолжительному периоду борьбы между двумя его сыновьями, Баязидом II и его младшим братом принцем Джемом.

Султан Баязид, полная противоположность своему отцу, был миролюбивым человеком, вдумчивым ученым, мистиком в убеждениях, строгим в привычках и терпимым во взглядах, не стремившимся к завоеваниям. Современные писатели называли его «соблюдающим законы». Он был первым османским султаном, отказавшимся от практики обязательного личного руководства армиями на поле боя. Джем, напротив, будучи на двенадцать лет моложе, был человеком действия, увлекающимся и романтичным, сильным и храбрым, имеющим вкус к наслаждениям прелестями жизни. Он любил искусство и, живя среди поэтов, сам стал незаурядным поэтом. «В его руке, – писал биограф, – чаша Джамшида заменила печать Соломона, и с ним вместо барабана победы был слышен голос менестрелей».

После смерти Завоевателя Джем немедленно взялся за оружие и заявил свои претензии на трон, к чему благосклонно относился его отец. Однако порядок престолонаследия у османов постепенно стал зависеть от власти янычар, а они предпочли Баязида, как более явно выражающего традиции гази. Пользуясь поддержкой некоторых чиновников и народа, янычары резко выступили против последнего великого визиря Завоевателя, Караманлы Мехмед-паши, и его политики. Джем, который поддерживал его, был губернатором Карамана со столицей в Конье, расположенной ближе к Стамбулу, чем Амасья, где губернатором был Баязид. Но Баязид, при поддержке оппозиции, сумел первым достичь столицы. Здесь он обещал янычарам требуемые ими дары и уступки и таким образом гарантировал свое восхождение на трон.

Янычары, ожидая прибытия Баязида, захватили контроль над столицей и, сговорившись с некоторыми придворными, умертвили великого визиря, после чего пронесли его голову на копье по улицам города. Затем они перехватили и посадили на колья эмиссаров, которых визирь направил к Джему. В благодарность Баязид дал обещание отказаться от непопулярной практики девальвации денег, проводимой его отцом, и вернуть земли, которые тот отделил под фьефы, их частным владельцам и религиозным учреждениям. В общем, Баязид был склонен изменить политику отца и вернуться к политике деда – Мурада II.

Однако Джем был боец и не хотел сдаваться. Подняв знамя восстания против Баязида, при поддержке войска Карамана и туркоманских племен Тавра, он захватил Бурсу, где провозгласил себя султаном. В Бурсе Джем отчеканил собственные монеты, заставил читать публичную молитву в свою честь и правил восемнадцать дней. Он предложил своему брату разделить империю между ними, так чтобы Баязид правил в Европе, а Джем – в Азии. Но войска Баязида выступили против Джема под командованием Гедика Ахмед-паши, лучшего командира его отца и героя янычар, который ради этой цели отменил возобновление своей кампании против Италии из Албании.

Он нанес поражение Джему в двух последовательных кампаниях, всякий раз упуская возможность взять его в плен, но все же вынудил его удалиться в изгнание. Сначала Джем

бежал от османов на территорию мамлюков, через Алеппо, Дамаск и Иерусалим в Каир, где его гостеприимно встретил и оказал покровительство Каитбай, мамлюкский султан Египта. Оттуда Джем совершил паломничество к святым местам Мекки и Медины. Вернувшись с помощью своего покровителя в Анатолию, он опять собрал вокруг себя сторонников в Карамане, но был вновь разбит, когда армия покинула его перед Ангорой. Ему пришлось бежать в Киликию.

Баязид, заняв примиренческую позицию, предложил Джему значительные доходы государства Караман, которым тот управлял, если брат добровольно удалится в Иерусалим. «Империя, – утверждал Баязид, – это невеста, которая не может быть поделена между соперниками». Но Джем предпочел искать покровительства у рыцарей ордена святого Иоанна Иерусалимского, госпитальеров на Родосе, где его принял с императорскими почестями Великий магистр д'Обюссон. Позднее был подписан договор, согласно которому Баязид выплачивал рыцарям ордена ежегодную сумму сорок пять тысяч золотых монет, столь долго, сколько его брат будет находиться под их опекой.

Хотя Джем вначале не полностью осознавал это, забота рыцарей о нем по существу была политической по своим мотивам. В руках христианского мира он был драгоценным заложником против османской агрессии. Его покровители, сначала во Франции, а затем в Ватикане и Риме, были на самом деле его тюремщиками, желавшими его использовать, выжидающими подходящего момента, чтобы спустить этого «брата Турка» с цепи на своего, теперь уже общего страшного врага. Он явился, чтобы быть использованным в качестве пешки в дипломатических интригах соперничавших христианских правителей. В конце концов он внезапно скончался в Неаполе, возможно отравленный, во что многие не без основания верили, папой Борджиа, назло королю франков и с молчаливого согласия его брата султана, который мог при необходимости сослаться на закон о братоубийстве как на правовое обоснование любого подобного преступления.

При всех своих миролюбивых намерениях Баязид, как до, так и после смерти Джема, оказался втянутым в маневры европейской дипломатии. В практику европейских государств вошло использование друг против друга в Италии угрозы османской поддержки. Османская империя была теперь фактором, с которым следовало считаться не только на суше, но и на Средиземном море. Баязид, исполненный решимости положить конец всем авантюрам крестоносцев, продолжал наращивать турецкий флот, как это вначале делал его отец. Стремясь с помощью программы массового строительства кораблей достичь господства своего флота на Средиземном море, он использовал флот для возобновления войны с Венецией, когда его наземные и морские силы последовательно овладели Лепанто, Модоном, Короном и Наварино в Греции. Баязид предложил помощь Милану и Неаполю, от монарха которых надеялся добиться уступки Отранто. Но пока Баязид не решился пересечь Адриатику, поскольку Венеция могла рассчитывать на военно-морскую поддержку французов, испанцев и португальцев.

В 1503 году между султаном, венецианцами и этими различными союзниками был подписан мирный договор, который главным образом подтвердил существующий статус-кво. Но война снизила морскую мощь Венеции к выгоде турецкого флота, который после этого стал осуществлять активные рейды не только на восточные, но и на западные берега Средиземноморья. Здесь их приветствовали, как «морских гази», мусульмане Испании и Северной Африки. В то же время Баязид в больших масштабах поощрял торговую и экономическую экспансию своей империи, выгодно торгуя с купцами итальянских государств и поощряя иммиграцию в свои владения новых групп евреев, которых в конце XV века изгоняли из Испании.

В это времен у турок возникли проблемы в Азии с туркоманскими кочевниками – беспокойными племенами, которые с незапамятных времен скитались по пограничным областям Анатолии. Теперь они, благодаря подстрекательству из-за сирийской и персидской границ, постоянно бунтовали против центральной власти. В ходе шести последовательных ежегодных военных операций османы сражались за господство над ними против сил мамлюкского султана в Сирии, и мир был достигнут только ценой османских пограничных уступок мамлюкам.

Недовольство туркоманов возникло из-за введения по мере развития империи власти централизованной администрации, которая стремилась установить над ними контроль и обложить налогом, ограничив их прежнюю племенную автономию и защищая оседлое сельскохозяйственное население от их разрушительных набегов. Носившие красные шапки и известные с тех пор как кызылбаши, или «красноголовые», они были религиозными еретиками. В пограничных регионах Персии их всячески поддерживало духовное и политическое руководство Исмаила, нового правителя, который в 1502 году провозгласил себя персидским шахом. Унаследовав амбиции Узун-Гасана и племенные связи «белобаранных», Исмаил последовал его примеру, ища союза с Венецией, и сам возглавлял набеги на османскую территорию. Тем временем мятежные силы кызылбашей, действуя от его имени, дошли до стен Бурсы, где в сражении погиб великий визирь Баязида Али-паша. Исмаил утверждал, что является прямым потомком Пророка по линии зятя Мухаммеда – Али, и провозгласил официальной религией государства шиизм – ветвь ислама, которая поддерживала законность претензий Али на халифат и к которой (с ее мистицизмом и созерцательностью) народ Персии был особенно привязан. В отличие от шиизма суннитский ислам, который поддерживал претензии рода Омейядов и который был господствующей верой исламского общества, с тех пор стал именоваться ортодоксальным.

Исмаил приобрел известность как великий суфи, а его неортодоксальные верования завоевали широкую поддержку во всей Восточной и Южной Анатолии. Сам Баязид, склонный к мистике, продемонстрировал некоторую симпатию к философским доктринам суфизма. Но ему пришлось отказаться от него, когда суфизм стал использоваться иностранным монархом в качестве инструмента политической подрывной деятельности в его собственных границах. Османские армии выступили против Исмаила, хотя и не вынудили его принять сражение. Но его приход к власти не мог не стать причиной нового конфликта в Османской династии, на этот раз имеющего религиозный характер. Из троих остававшихся в живых сыновей султана – все они управляли провинциями – младший, Селим, был самым энергичным и воинственным, не похожим на отца, но напоминающим деда, Завоевателя. Любимцем Баязида был его второй сын, Ахмед, таланты которого лежали скорее в области управления.

Селим, знавший, что здоровье Баязида слабое, и исполненный решимости претендовать на трон, нанес визит в Стамбул, где заручился поддержкой янычар, ныне недовольных военной бездеятельностью Баязида и вытекающей из этого невозможностью для них пользоваться материальными плодами завоеваний. Однако пока еще Баязид оказался в состоянии помешать младшему сыну и продолжал при поддержке чиновников действовать в пользу Ахмеда. Селим бежал в Крым, где губернатором был его сын Сулейман, будущий великий султан. Здесь он собрал новую армию, обошел с севера Черное море и захватил Адрианополь. Тем временем Ахмед в Анатолии стал еретиком, облачился в красную шапку кызылбашей и собрал войско, чтобы взять Бурсу. Тем самым он пожертвовал поддержкой отца. Селим, договорившись с янычарами, направился с отрядом к Стамбулу, и там Баязид согласился отречься от престола в его пользу. После передачи младшему сыну имперского скипетра смещенный султан попросил разрешения удалиться на родину, в Димотику, но скончался по пути, возможно, был отравлен по приказу сына.

Так началось правление Селима I, Селима Явуза, или Беспощадного, как его стали называть. Его первым действием после восшествия на трон было удушение с помощью шнурка двоих его братьев. Он расширил принцип братоубийства, распространив его также на пятерых своих племянников-сирот, мальчиков пяти лет от роду и старше. Они все были задушены с помощью шнурка, а Селим слушал их крики, находясь в соседней комнате. Обеспечив таким чудовищным методом себе полную власть дома, Селим направил вооруженные силы на восток – в Азию, на какое-то время оставив Европу в покое.

Религиозный и фанатичный в своих побуждениях, новый султан стал делать все возможное для искоренения в своей империи ереси шиизма. Его главным врагом был ее носитель, персидский шах Исмаил. Прежде чем начать против него священную войну, Селим отдал приказ уничтожить около сорока тысяч религиозных последователей Исмаила в Анатолии – деяние сравнимое с современной ему резней в Варфоломеевскую ночь в христианской Европе. За такую борьбу с шиизмом он получил имя Справедливого.

Объявляя свою грядущую кампанию борьбой гази с еретиками, Селим адресовал шаху ряд провокационных и язвительных посланий. Исмаил не поддался на провокацию, предложив поддерживать мирные отношения. Когда Селим и его войска выступили на врага, Исмаил отошел за свои границы, проводя политику выжженной земли, но в конце концов был вынужден дать бой в долине Чалдырана, в котором успех был на стороне Селима. Султан захватил Тебриз, перебил пленных, но отправил в Стамбул несколько тысяч ремесленников и мастеров, которыми город славился, чтобы там они могли заниматься своим ремеслом и обогащать архитектуру османов. В последующих кампаниях Селим оккупировал различные города и территории и в итоге аннексировал высокогорное плато Восточной Анатолии, обеспечив Османскую империю природным стратегическим бастионом против любых вторжений с востока и тем самым кардинально изменив баланс сил в Азии.

В качестве экономического оружия против Персии Селим запретил торговлю шелком, главным экспортным товаром страны, дававшим основную часть выручки серебром и золотом, и выслал на Балканы персидских торговцев шелком в Бурсе. Действуя в том же духе экономической войны, он позже попытался приостановить мамлюкскую торговлю черкесскими рабами с Кавказа.

Одержав победу над Персией, Селим в 1516 году бросил свои силы на мамлюков. До этого времени мамлюки полагались на поддержку османов, с одной стороны, против угрозы со стороны Исмаила, а с другой стороны, на море, против угрозы португальцев в их тылу, возникшей после африканских и индийских плаваний Васко да Гамы. Чтобы достойно ответить на угрозу со стороны португальцев, мамлюкам нужен был от турок лес и другие материалы для строительства кораблей, а также черный порох и оружие.

Но теперь, когда войска Селима приближались к пограничным районам Сирии, престарелый султан мамлюков Кансух аль-Гаури больше не мог позволить себе оставаться нейтральным и направил войско из Египта на север. Это спровоцировало Селима возглавить наступление на Алеппо и наголову разбить войско мамлюков перед городом – при этом султан аль-Гаури был убит. После этого он захватил Дамаск, Бейрут и Газу, в Палестине. Здесь он совершил паломничество к могилам Пророков и к скале Авраама в Иерусалиме.

Во всех завоеванных городах были назначены османские губернаторы. Они обращались с правителями Ливана как с ничтожными вассалами, вели себя более или менее терпимо с евреями и христианами и снизили платы и сборы для паломников в Иерусалим. Селим был более терпимым к христианам, чем к мусульманским еретикам.

На границах Египта султан сделал остановку. В его руках теперь находился ортодоксальный аббасидский халиф Аль-Мутаваккил, который сопровождал армию потерпевшего поражение султана мамлюков. С ним Селим обращался с бдительным почтением. Он напи-

сал Туман-бею, преемнику Аль-Гаури в Каире, послание, заявив, что халиф и его судьи поклялись ему, османскому султану, в верности, следовательно, теперь он является законным султаном всех владений мамлюков. Однако он был готов к тому, чтобы оставить мамлюка губернатором в Каире, вассалом, уплачивающим Стамбулу дань.

Когда Туман-бей отказался сдаться и демонстративно провозгласил султаном мамлюков себя, Селим со своей армией пересек Синайскую пустыню. После успешной пробы сил он направил халифа с армией в Каир, обещая, в отличие от его правителей, доброжелательно обращаться с народом Египта и надеясь таким путем успокоить его страхи. На следующий день в честь Селима была прочитана пятничная молитва, что означало конец режима мамлюков. После нескольких дней борьбы в Каире и окрестностях Туман-бей был разбит в сражении вблизи пирамид и повешен на городских воротах, традиционно служивших виселицей.

Селим провел в Каире около шести месяцев, планируя будущее Египта в качестве государства-данника. Осенью 1517 года, оставив генерал-губернатора, он начал вывод армии обратно в Стамбул. Тем временем халиф был заранее выслан вперед, чтобы находиться при дворе, и, в общем, управление халифатом теперь передавалось турецким султанам. Более реальное значение имели перемещение в Стамбул знамени и плаща Пророка, реликвий, обладание которыми символизировало статус султанов как защитников святых мест Мекки и Медины и путей пилигримов в Хиджасе, а следовательно, и ислама в целом. Сулим теперь мог претендовать на роль главы исламского мира, как это делали до него султаны-мамлюки. Поскольку он был самым могущественным сувереном мусульманского мира, все остальные правители теперь, по крайней мере теоретически, считались подчиненными его неоспоримой власти.

Двумя годами позже Селим скончался в муках от рака, в деревне, расположенной по дороге в Адрианополь, заметив чуть раньше, что больше он никуда поехать не сможет. Крупный мужчина со свирепым выражением лица, неистовый по характеру, горящими глазами и холерическим темпераментом, Селим не обладал уважением к человеческой жизни. Рассказов о его импульсивной жестокости великое множество. Говорят, что одним из его самых ранних публичных деяний было убийство ударом меча провинциального губернатора, который вслед за уступками, сделанными султаном янычарам, поторопился потребовать увеличить свой доход. Селим всегда был готов отдать приказ своим немым слугам убить на месте любого человека, осмелившегося возразить или как-то иначе вызвать его неудовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.